

Патриция Хайсмит

СОЧИНИТЕЛЬ УБИЙСТВ

Отличная идея "уложить свое
пену и зарыть труп" - та
думал Сидней Бартлеби. В
огда сочиняе страшна
стории, они случаются в
мом деле.

Серия "Сочинитель Убийств"

Патриция Хайсмит

Сочинитель убийств

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160193

Сочинитель убийств: Независимая Газета; М.; 2002

ISBN 5-87612-127-5

Оригинал: PatriciaHighsmith, "The Story-Teller"

Перевод:

И. Золотов

Аннотация

Сидней Бартлеби – писатель, наделенный безудержным воображением. Стоило ему только представить себе, что он убил свою жену, как заработала безжалостная машина, уничтожившая не одну жизнь. Те, кому знакомо творчество Патриции Хайсмит, уже догадываются, что их ждет повествование, которое держит читателя в напряжении до самого конца...

Этой книгой Издательство Независимая Газета продолжает серию детективов «Сочинитель убийств» – о преступлениях, связанных с литературой и искусством.

Содержание

I	5
II	16
III	26
IV	43
V	63
VI	73
VII	78
VIII	82
IX	98
X	103
XI	111
XII	117
XIII	123
XIV	137
XV	148
XVI	154
XVII	166
XVIII	178
XIX	188
XX	196
XXI	226
XXII	249
XXIII	262

XXIV	268
XXV	284
XXVI	297
XXVII	307
XXVIII	312
XXIX	329

Патриция Хайсмит

Сочинитель убийств

I

Местность, где стоял двухэтажный дом Сиднея и Алисии Бартлеби, была равнинной, как почти всюду в Саффолке. Метрах в двадцати проходило неширокое шоссе. От посторонних взглядов дом защищали с одной стороны пять молодых вязов, растущих вдоль дорожки, огибающей его; с другой – живая густая изгородь метров десяти длиной. Она так хорошо скрывала дом, что Сидней никогда не подрезал ее. Перед домом был столь же малоухоженный газон. Трава росла неровно там и сям, и лишь по окружностям, где были грибницы шампиньонов – их обычно называют кругами фей – виднелась зеленовато-коричневая земля. Бартлеби занимались в основном той частью участка, которая находилась за домом, там были цветник и огород. Там же Сидней вырыл бассейн, около полутора метров в диаметре. В центре, из воды торчали камни, скрепленные цементом, но вот живности не было: красные рыбки передохли, а две лягушки, туда посаженные, не пожелали оставаться.

В одну сторону шоссе вело в Ипсвич и Лондон, в другую – во Фрамлингем. Земля, принадлежавшая Бартлеби,

за домом не была огорожена и просто переходила в поле – собственность какого-то фермера. Место это относилось к Ронси-Ноллу, городку, расположенному в трех километрах в сторону Фрамлингема. Дом был куплен ими полтора года назад, сразу после женитьбы; в значительной степени это был свадебный подарок родителей Алисии: молодожены заплатили всего тысячу фунтов, в то время как дом стоил три с половиной тысячи. Соседей у Бартлеби было мало, но у каждого из молодых супругов нашлось свое любимое занятие: он писал, она занималась живописью, и они проводили вместе целые дни. Чтобы починить пару туфель или купить баночку туши, им приходилось ездить на машине за десять километров во Фрамлингем. Именно из-за уединенности, этого места, считали они, никто не селился в доме, стоящем по соседству. Дом этот – солидное двухэтажное строение, отделанное камнем, с островерхой крышей, с окном, внешне нравился им больше, чем их собственный, хотя они слышали, что внутри он требует больших работ; и никто не жил в нем уже больше пяти лет, с тех пор как его занимала пожилая пара, не имевшая средств на ремонт. Дом этот стоял в двухстах метрах от владений Бартлеби, и Алисия, время от времени подолгу глядела на него в окно. Иногда испытывала такое острое чувство отрезанности от всего остального мира, как если бы они с Сиднеем попали на край света.

От Элспет Крзгг, жившей в Вудбридже и знакомой с агентом по торговле недвижимостью, мистером Спарком, Али-

сия узнала, что соседний дом купила некая миссис Лилибэнкс. Сказав это, Элспет выразила сожаление, что рядом с ними поселится старая дама из Лондона, а не какая-нибудь молодая пара, что, конечно, больше устроило бы Бартлеби.

– Миссис Лилибэнкс приехала, – весело сообщила Алисия как-то раз, вечером на кухне.

– Да? Ты видела ее.

– Не дольше, чем в первый раз. Она совсем старая.

Это Сидней знал. Они уже видели ее месяц назад, она приезжала сюда с агентом. Затем рабочие стучали и пилили целыми днями, и наконец въехала и сама миссис Лилибэнкс. На вид ей было лет семьдесят, и наверняка она будет недовольна, если ее соседи станут устраивать шумные вечеринки летом в саду. Сидней приготовил два коктейля в шейкере и разлил по бокалам.

– Я бы с удовольствием заглянула к ней, но там так много людей, и они, возможно, останутся ночевать.

– Гм, – произнес Сидней, продолжая готовить салат – это было его ежевечерней обязанностью.

Машинально придерживая металлический шкаф одной рукой он дергал заедающую дверцу, чтобы достать горчицу. Забывшись, Сидней поднял голову и ударился о выступающий край шкафа.

– Ах, черт!

– Бедняжка, – рассеянно пробормотала Алисия, занятая пирогом с мясом и почками, стоявшим в духовке.

На ней были узкие голубые джинсы с У-образными разрезами внизу и голубая хлопчатобумажная рубашка, присланная подругой из Америки. Светлые волосы свободно спадали ей на плечи. Узкое, породистое, красивое лицо и серовато-голубые глаза. На левом бедре виднелось несмываемое пятно от краски. Алисия занималась живописью в одной из верхних комнат.

– Возможно, я схожу к ней завтра, – промолвила она, продолжая думать о миссис Лилибэнкс.

Мысли Сиднея были далеко: он вспоминал послеобеденную встречу в Лондоне с Алексом. Его раздосадовало вторжение миссис Лилибэнкс в их жизнь. Почему Алисия не заинтересовалась тем, что он делал днем, его работой, как это свойственно другим женам? Она часто специально не говорила о вещах, которые, по ее мнению, могли его раздражать. Поэтому он и промолчал сейчас.

– А как там в Лондоне? – наконец спросила Алисия, когда они сели за стол в столовой.

– Как обычно. Лондон не меняется, – отвечал Сидней, натянуто улыбаясь. – Алекс тем более. Я хочу сказать, что у него нет новых идей.

– А я думала, что вы начали сегодня новую историю. Сидней вздохнул, он был немного раздражен, хотя эта тема была единственной, на которую он хотел говорить.

– Я на это и рассчитывал. Мне пришла одна идея, но мы так и не сдвинулись с места.

Он пожал плечами. Последний роман, который Сидней написал вместе с Алексом – писал в основном он, а Алекс только готовил телевизионный вариант, – был отвергнут на той неделе третьим и последним из возможных покупателей в Лондоне. Месяц работы, как минимум четыре встречи в Лондоне с Алексом, готовый полностью сценарий и первая часть его, рассчитанная на часовую серию, переплетенная и отправленная всем трем возможным покупателям – все впустую, равно как и сам сегодняшний день. Семнадцать шиллингов за билет от Ипсвича до Лондона, девять часов чистого времени и немалые затраты физической энергии, и все только ради того, чтобы увидеть, как помрачнеет лицо Алекса, и услышать, как после тягостного молчания тот произнесет: «Ах, нет, нет, совсем не годится». Это ли не повод, чтобы начать рвать на себе волосы, зашвырнуть пишущую машинку в ближайшую речку, а потом и броситься туда самому.

– А как Хитти?

Хитти – это жена Алекса, кроткое существо, полностью занятое воспитанием троих маленьких детей.

– Как всегда, – сказал Сидней.

– Вы обсуждали новую идею, эту историю на танкере?

– Нет, дорогая. Именно ее и отвергли. Как она могла забыть, – подумал про себя Сидней – ведь она читала и сценарий и первую часть? Новая история – не знаю, говорил ли я тебе, – это история о татуировке. Один тип выдает себя за другого, который умер, и делает себе татуировку, как у него.

Он не стал рассказывать ей подробно всю историю. Детектива, который действовал во всех историях, написанных им с Алексом, звали Ники Кэмпбелл. Это был молодой человек среднего достатка, и у него, как водится, была подружка. Без конца он попадал во всякие криминальные истории, расследовал их, ловил бандитов, выигрывал боксерские поединки, с честью выходил из перестрелок... равно как и из всех историй, которые никогда не покупались. Сам Алекс был уверен, что в один прекрасный день их ждут удача и успех. Два года назад он уже продал на телевидении одну и с тех пор написал еще пять или шесть, но они приняты не были. Это были настоящие драмы, каждая длилась по часу, а Алекс был убежден, что телевидение нуждается сегодня в хорошем сериале. К счастью для себя, он имел постоянное место в одном издательстве, у Сиднея же постоянной работы не было, да и свой последний роман пристроить ему не удалось, хотя несколько лет назад два его романа были напечатаны в Соединенных Штатах. Он имел лишь около ста долларов в месяц с акций, оставленных в наследство его американским дядюшкой. К этому прибавлялась еще одна, но более значительная сумма – пятьдесят фунтов, которые получала Алисия. На эти деньги они и жили, покупали холсты, краски, бумагу и ленту для пишущей машинки, – то есть все необходимое для своих занятий, которые почти не приносили им дохода.

В этот день Алисия заработала пять фунтов своими картинами, но, в отличие от Сиднея, она не придавала такого

значения своему увлечению и не рассматривала его как источник дохода. Единственными предметами роскоши, которые они себе позволяли, были спиртное и сигареты, но и то, и другое стоило так дорого! Сигареты были подобны для них скрученным и превращенным в дым банковским билетам, а напитки – жидкому золоту. Месяцами они не могли позволить себе купить новую пластинку, телевизор же был взят напрокат во Фрамлингеме. Большинство англичан брали телевизоры напрокат, так как постоянно появлялись новые модели, и купленный телевизор быстро устаревал. Сидней считал, что телевизор ему необходим для их с Алексом работы.

– Ты будешь еще пытаться сделать что-нибудь вместе с Алексом? – спросила Алисия, накалывая вилкой последний кусочек.

– А что ты предлагаешь мне делать? Конечно, противно терять целый день на такие поездки в Лондон, но если дело стронется, это имеет смысл.

Его охватил неожиданный гнев: стали вдруг невыносимы и Алисия, и этот чертов дом. Нужно переменить тему разговора, попытаться стереть из памяти все события дня и особенно Алекса с его проклятыми историями. Он закурил сигарету. Алисия передала ему салат, и он машинально положил себе немного. Завтра он вернется к своему сценарию, попытается развить те хилые идеи, которые Алекс предложил сегодня. В конце концов, это Алекс занимается отбором и поиском сюжетов, он служит главной пружиной в их деле.

– Не забудь, что сегодня еще нужно вынести мусор, милый, – сказала Алисия таким ласковым голосом, что, будь настроение Сиднея получше или присутствуй там посторонний, он бы рассмеялся.

Вероятно, Алисия и хотела заставить его засмеяться или хотя бы улыбнуться, он же ограничился кивком головы с мрачным и рассеянным видом. Мысли его остановились на слове «мусор», словно в нем заключалась какая-то важная проблема. Мусорщики приезжали раз в две недели, и поэтому было важно не забыть вовремя выставить мусор на обочину дороги. Их единственный и недостаточно большой мусорный бак постоянно стоял у дороги, в него бросались только банки и бутылки. Бумагу они сжигали, а очистки от овощей и фруктов собирали в яму для удобрений. Но они покупали томатный и апельсиновый соки и кучу других вещей в банках и бутылках, и их накапливалось такое множество, что они едва умещались в двух больших коробках, стоявших в кладовой в ожидании мусорщиков. Обычно накануне их приезда шел дождь, и Сидней, оставляя коробки возле мусорного бака, тешил себя надеждой, что до утра они не размокнут.

– Как надоела эта постыдная необходимость хранить дома мусор, – сказал Сидней. – Что тут такого особенного, спросишь, – ты? Они, видно, считают, что люди в этой стране не едят!

Алисия спокойно приготовилась защищать «эту» страну.

– Вовсе не стыдно иметь мусор. Кто тебе сказал, что это стыдно?

– Возможно, это на самом деле и не стыдно, ко они себя ведут так, как если бы это было стыдно, – столь же спокойно ответил Сидней. – Приезжая за мусором так редко, они привлекают внимание людей... они их словно суют в это носом. Все равно, что закрыть двери паба именно тогда, когда ты умираешь от жажды, и вынудить тебя выпить два или три стакана вместо одного, но вовремя.

Алисия же в защиту раннего закрытия пабов заметила, что это всетаки сокращает потребление алкоголя, а по поводу редкого появления мусорщиков – что, забирай они мусор чаще, это стоило бы дороже. Спор, который они завели уже не в первый раз, продолжался еще несколько минут и разолил обоих тем, что им не удалось друг друга переубедить.

Алисия была раздражена не так сильно, как Сидней, она скорее делала вид. Здесь была ее родина, она любила ее и не однажды уже хотела сказать Сиднею, что если ему здесь не нравится, он может уехать, но так и не сказала. Ей нравилось поддразнивать мужа даже в таком деликатном вопросе, как его работа, потому что решение проблемы представлялось ей предельно простым: она считала, что Сиднею следует перестать нервничать, быть более естественным и писать то, что ему нравится, и тогда начнет все получаться и его будут покупать. Она часто говорила ему это, но всякий раз слышала в ответ путаные объяснения о преимуществах взвешен-

ного подхода к своему труду и необходимости согласовывать его с запросами рынка. «Но ведь мы решили поселиться в деревне именно для того, чтобы в прямом смысле не биться головой об стену», – говорила она, но этим лишь подливала масла в огонь, потому что Сидней тут же распался и спрашивал, не считает ли она, что жизнь в деревне с массой всякого рода буколических забот, от которых никуда ни деться, способна принести большее успокоение, чем жизнь в лондонской квартире, сколь бы мала та ни была. Но квартиры в Лондоне неудержимо росли в цене, да к тому же Алисия прекрасно знала, что, поговори она с Сиднеем серьезнее, он признает, что предпочел бы видеть из своего окна сельский пейзаж и гулять в полотняных штанах и рубашке без галстука и даже с удовольствием время от времени чинил бы забор или возился в саду. Конечно, Сиднею нужно было продать либо их с Алексом сценарий, либо роман, который он продолжал дорабатывать. Алисия считала, что он уже достаточно его изменил и теперь должен показать всем лондонским издателям, хотя и давал его уже в шесть издательств в Англии, включая «Вердж Пресс», где работал Алекс, и в три в Штатах и отовсюду получил отказ. Но было много других издательств, и Алисия слышала, что, бывало, книгу принимали с тридцатого раза.

Моя посуда, она в окно посматривала на Сиднея, который, переодевшись в матерчатые туфли, вынес коробки с мусором и теперь ходил по саду, наклоняясь иногда, чтобы выдернуть

сорняк. Из всего ими посаженного пророс пока только один салат-латук.

Сидней постоянно посматривал на одинокий огонек, который светился в угловой комнате второго этажа у миссис Лилибэнкс.

Она, верно, рано ложится или же экономит электричество. А может, и то, и другое. Было странно, что кто-то теперь живет по соседству, и может, к примеру, сейчас высунуться в окно и увидеть, как он бесцельно слоняется за домом. От этой мысли Сиднею стало неприятно. Он вдруг осознал, что смотрит на освещенное окно вовсе не для того, чтобы увидеть миссис Лилибэнкс – она его ничуть не интересовала – а лишь затем, чтобы узнать, не смотрит ли она на него. Но разглядел лишь две желтоватые занавески, почти полностью скрывавшие то, что было внутри комнаты.

II

Между тем, в этот самый момент, в девять часов семнадцать минут миссис Лилибэнкс и не помышляла ложиться спать, хотя и прошедший день был для нее утомительным. Она разместила ночной столик у кровати так, как ей казалось удобным, и теперь обдумывала, что повесить над камином: вид Каннов (который написала сама лет пятьдесят назад во время свадебного путешествия) или натюрморт с яблоками и бутылкой вина (принадлежавший кисти ее подруги Элси Хаузлл умершей двенадцать лет назад, и сделанный специально для квартиры, в которой миссис Лилибэнкс поселилась после смерти своего супруга, Клива Лилибэнкса). А пока она пристроила коробку для рукоделия в одном из верхних ящичков и положила гребенку и щетку в серебряной оправе на комод. Почувствовав, что сильно устала и не в силах уже делать что-либо полезное, она все же осталась довольна сегодняшним днем и решила еще некоторое время не ложиться в постель, чтобы насладиться чувством покоя, снизошедшим на нее. Ей казалось странным, что она занимается благоустройством дома, – а таких домов у миссис Лилибэнкс за долгую жизнь было не менее двадцати, – работа мужа вынуждала их к частым переездам, – ее удивляло то, что она наводит порядок в доме, который почти наверняка станет последним ее жилищем, ибо ей, по всей вероятности,

осталось жить не больше двух лет. У нее было больное сердце, и она перенесла уже два инфаркта. Третий убьет ее, доктор не считал нужным это скрывать. Миссис Лилибэнкс ценила откровенность даже в таких обстоятельствах. Она вволю насладились и готова была встретить свой конец.

Раскрыв постель, приготовленную днем миссис Хаукинз, она зашла в ванную комнату, чтобы выпить две таблетки, которые ежедневно принимала перед сном, а затем спустилась вниз, держась за перила. Наощупь отыскивая выключатели, зажгла свет, взяла электрический фонарик, вышла в пока еще не ухоженный сад и сорвала несколько анютиных глазок. Вернувшись в дом, поставила цветы в стакан на ночной столик, а затем почистила зубы, которые все, кроме шести коренных, были ее собственными. Ванну сегодня она уже принимала в отеле Ипсвича.

Но уснула Лилибэнкс не сразу. Она думала о своей дочери Марте, жившей в Австралии, и внучке Присей, которая, должно быть, в этот самый момент говорила своим приятелям: «Вы представляете, бабушка решила поселиться в деревне. Уф! Но не подумайте, что эта милая женщина потеряла голову, хотя в ее возрасте жить в одиночестве в деревне!..» Присей тайно одобряла решение бабушки и желала, чтобы и друзья ее относились к этому так же, как она, и была готова в противном случае встать на защиту бабушки. «Миссис Хаукинз будет каждый день приезжать на чай, и даже в воскресенье, Присей. А когда меня не станет, ты же

знаешь: дом останется тебе», – еще сегодня говорила миссис Лилибэнкс внучке. Она улыбнулась в темноту. Одиночество ее не страшило. Миссис Лилибэнкс считала, что человек общительный нигде не будет одинок, и к тому же за всю свою жизнь она жила в стольких местах во всех концах света, что теперь была уверена: здесь проблем быть не может. Миссис Хаукинз сказала, что познакомит ее с молодой парой, у которой работала и которая жила по соседству. Миссис Лилибэнкс была этому рада. Мистер Спарк сказал, что ее молодые соседи живут здесь недавно. Миссис Лилибэнкс собиралась на днях пригласить их на чай. Нужно съездить во Фрамлингем на неделе и купить всякую мелочь вроде подставок для блюд и карнизов для занавесок. Для этого придется взять такси до Ронси-Нолла, а оттуда – на автобусе.

На следующее утро, в одиннадцать часов, когда миссис Лилибэнкс, выпив чашку чая и отдохнув немного на диване в гостиной, снова занялась раскладыванием вещей на кухне, к ней постучалась Алисия Бартлеби. Она принесла на подносе четверть холодного апельсинового пирога в бумажной салфетке.

Гостья представилась и сказала:

– Я бы с радостью сказала, что сама испекла пирог, но это будет неправдой. Я купила его в одной очень хорошей кондитерской в Ипсвиче.

Миссис Лилибэнкс пригласила Алисию сесть, уверяя, что для нее не могло быть большего удовольствия, чем так скоро

познакомиться со своей новой соседкой, и что она уже и сама намеревалась это сделать.

Но Алисия оставалась стоять.

– Я бы хотела посмотреть дом, если вы ничего не имеете против, – сказала она. – Я прекрасно понимаю, что вы еще не устроились, но я здесь впервые.

– Правда? Ну, конечно, я ничего не имею против. (Миссис Лилибэнкс направилась к лестнице.) Я думала, что вы уже осматривали этот дом, когда покупали свой.

Алисия улыбнулась.

– Нам сообщили, что он требует серьезного ремонта внутри, в том числе и водопровода. И мы решили купить другой, чтобы сократить затраты. Мы с мужем вынуждены думать об этом.

Дом состоял из трех комнатка первом этаже, и трех – на втором этаже, где находилась и ванная комната. Миссис Лилибэнкс сообщила, что перевезла всю обстановку из лондонской квартиры. По виду и количеству мебели Алисия заключила, что соседка довольно хорошо обеспечена.

– Вы собираетесь здесь жить одна? – спросила она.

– О, да. Меня вовсе не смущает одиночество. Я бы даже сказала, что люблю быть одна, – весело отвечала миссис Лилибэнкс.

– Уже пятнадцать лет у меня не было дома в деревне... Последний раз в Сюррее, мы жили там с мужем, и теперь мне снова захотелось вкусить деревенской жизни.

– У вас есть машина? – спросила Алисия.

– Нет, думаю, что с машинами для меня покончено. И потом мне говорили, что здешний мясник и бакалейщик приезжают сами на грузовых фургонах.

Они находились в спальне. В солнечном свете резко выделялись глубокие морщины вокруг голубых глаз старой дамы, но они-то и очаровали Алисию. Как ей удалось сохранить такой молодой взгляд? Руки миссис Лилибэнкс оказались довольно маленькими, но ловкими и гибкими, а пальцы – ничуть не узловатыми. Ногти были покрыты светло-розовым лаком, на левой руке, как и у большинства женщин, два обручальных кольца, а на правой – серебряный перстень с изумрудом.

Со своей стороны миссис Лилибэнкс тоже изучала Алисию, хотя и не так откровенно. То, что она увидела, пришлось ей по душе: молодая женщина, лет двадцати пяти, с естественными манерами и взглядом, как у ребенка или, может быть, как у художника. (Миссис Лилибэнкс заметила пятно от голубой краски на брюках.)

Алисия посмотрела на картину, висевшую над камином.

– Какой интересный пейзаж. Где это?

– В Каннах, – ответила миссис Лилибэнкс. – Я повесила его всего десять минут назад. Это одна из моих ранних работ.

– О, вы занимаетесь живописью? (Взгляд Алисин выразил живую заинтересованность.) Я тоже. Немного. И совсем не

так профессионально. То, что делаю я, в основном просто мазня.

– Я пишу все хуже и хуже, – твердо сказала миссис Либбэнкс, во взгляде которой промелькнула усмешка. – Но я привезла с собой все необходимое и надеюсь, что смена обстановки сможет меня вдохновить. Не хотите выпить чая?

Они вернулись вниз. Алисии совсем не хотелось чая.

– Если вам понадобится машина, непременно звоните нам, сказала она. – Наш номер – 470. Я почти всегда дома, да и муж тоже.

– Очень любезно с вашей стороны. Ваш муж тоже художник?

– Нет, он пишет. Занимается литературой. Сейчас работает над романом. Но с некоторого времени примерно раз в неделю ездит в Лондон и работает там еще с одним писателем. Не совсем писателем, скорее с приятелем, который немного пишет. Они пытаются сделать сценарий для телесериала. Но пока им не особенно везет. (Алисия улыбнулась с таким видом, будто сообщала что-то радостное.) Мой муж – американец.

– О! Как интересно! И ему нравится в Англии? Алисия засмеялась.

– В общем, думаю, да. Он здесь меньше двух лет. Его зовут Сидней. Сидней Смит Барглеби, забавно, не правда ли? Его отцу очень нравилось это имя: Сидней Смит. Я всегда ему говорю, что английского в нем одно имя.

– А в каком жанре он пишет?

– О, его романы не о любви. Во всяком случае, последние. Тот, над которым он сейчас работает, называется «Стратеги». Речь в нем идет о группе людей, которые трудятся над планом того, что они хотят узнать в своей жизни, чтобы потом жить по этому плану. На первый взгляд, это похоже на интригу, но на самом деле ее здесь нет. (Алисия улыбнулась.) Сиду пока не удалось продать его, хотя он написан уже год назад. А вот то, что он делает для телевидения, основано на интригах, даже на жутко запутанных интригах, но Щ с этим он пока не добился успеха.

– О, это ничего. Чтобы добиться признания в любом виде искусства, нужно время. Пусть ваш муж особенно не отчаивается. Уходя, Алисия обещала вскоре позвонить – миссис Лилибэнкс уже поставили телефон, номер 275 – и пригласить ее на обед.

Алисия направилась прямо к дому, остановившись лишь однажды, чтобы сорвать на обочине маргаритку, которую прикрепила к рубашке. Дома она поднялась наверх, чтобы рассказать Сиднею о их новой соседке.

Тот стоял у окна в кабинете и курил сигарету. Дверь была широко раскрыта, и Алисия не постучалась, как обычно делала, если дверь была закрыта.

– Она очень милая. Совсем не чопорная и даже, кажется, с чувством юмора. Рисует. Я видела одну ее неплохую картину. Но только одну. И живет в полном одиночестве. Это

очень меня удивило.

На самом деле Алисия была не так уж удивлена, потому что никто не говорил им, что миссис Либлибэнкс приедет не одна, но так или иначе ее замечания повисли в тишине, потому что Сиднея совсем не интересовали ее слова. Он, казалось, даже был раздосадован тем, что Алисия прервала его размышления.

– Она мне действительно очень понравилась.

– Отлично, – произнес Сидней. – Так, значит, она рисует. Он бросил карандаш на стол, заваленный бумагами и покрытый чернильными пятнами; чистый лист был вставлен в машинку.

– Да, подходящее времяпровождение для старой дамы! Такое впечатление, что у нее много денег.

После обеда Алисия отправилась за покупками во Фрамлингем и вернулась только в пять часов, потому что у Карлея и Уэбба (магазин, где Бартлеби частенько покупали в кредит) она встретила Элспет Крагг и они зашли выпить кофе и проговорили около часа.

Элспет, австралийка, вышедшая замуж за англичанина, была на шестом месяце беременности. Когда Алисия смотрела на живот Элспет, у нее возникало смутное желание тоже иметь ребенка, но финансовое положение не позволяло думать об этом сейчас, и, что еще более важно, она не была уверена в том, что Сид окажется хорошим отцом, и даже в том, что их брак продлится долго. Алисия хотела ребенка,

но время от времени ее посещала ужасная мысль: «Я хочу ребенка, но действительно ли я хочу ребенка от Сиднея?» Странно, что у нее появлялась такая мысль, она любила Сиднея и получала удовольствие от близости с ним. Потому что недостатки Сиднея не особенно задевали ее или, во всяком случае, не должны были задевать. Все это было непонятно, и она старалась поменьше думать на эту тему. Время все изменит, это неизбежно, и нужно только ждать результата перемен, к лучшему или к худшему.

Сидней спустился в тот момент, когда Алисия заканчивала разбирать покупки.

– Завтра я пошлю Алексу письмо и попрошу его приехать в субботу, если ты не против. Его и Хитти, разумеется. Предложу им остаться на ночь. Я решил, что в Лондон по этим делам я больше ездить не буду.

– Ну конечно, Сид, я ничего не имею против.

Алисия мысленно пересчитала количество чистых простыней, которые были в доме, и решила, что в пятницу нужно будет заняться уборкой (Хитти не отличалась особой аккуратностью, но дома у нее всегда было чище, чем у них). Она также подумала о мясном блюде, которое сможет приготовить, ведь Алекс и Хитти не страдали отсутствием аппетита.

– Если мы не закончим в этот уик-энд, я брошу все и займусь какойнибудь новой идеей.

Сидней в сердцах швырнул свой желтый карандаш в мой-

ку, словно в свой рабочий стол. Алисия привыкла к этому жесту, равно как и к тому, что карандаш подскакивал два-три раза, прежде чем упасть. Она не помнила, чтобы Сидней когда-нибудь поднял карандаш, но под рукой у него всегда имелся новый.

– Конечно, дорогой, я буду рада их видеть, – неожиданно улыбнулась она.

III

Пользуясь случаем, Алисия пригласила миссис Лилибэнкс на ужин в субботу. Все равно она будет готовить, а присутствие еще одного человека не сможет помешать; к тому же, говорила она себе, миссис Лилибэнкс наверняка сама будет рада увидеть кого-нибудь после целой недели одиночества.

Полк-Фарадейсы приехали в субботу в три часа, на час позже, чем собирались, и уже пообедали в дороге. А до этого они вынуждены были ждать, пока придет их домработница Люси, чтобы оставить с ней детей.

– У нее нет телефона дома, – объяснял Алекс, – поэтому пришлось искать, кто бы смог передать ей нашу просьбу, а потом ждать, когда она закончит свои дела и придет.

– Она не приходила в пятницу, – добавила Хитти. – Похоже, кто-то заболел у нее в семье.

У Хитти было круглое лицо и волосы, собранные в пучок на макушке. Прическа придавала ей сходство со светловолосой китайкой.

– Ну, наконец-то приехали, – встретила их Алисия. – Хотите чегонибудь выпить? Или съесть?

– Совсем-совсем ничего, душенька, – ответил Алекс, притягивая к себе и обнимая Алисию. (Он был высоким довольно полным брюнетом с очень бледной кожей.) Как чудесно

тут у вас в деревне, на чистом воздухе! Ах, апрель в Англии! Скоро май, чудесно! Вы не против, если я сниму пиджак?

Сидней спустился по лестнице, он относил чемодан Полк-Фарадейсов в гостевую комнату.

– Что это? Вы ничего не хотите выпить? – весело спросил он.

– Может быть, вы бросили пить?

– Нет, дело в том, что... (Алекс покосился в сторону Алисии.) Наши великие головы нам понадобятся для работы, мы должны покончить с этим делом до захода солнца.

– Или пустить себе пулю в лоб на заре, – сказал Сидней.

– Да, я стреляю в тебя, ты – в меня, одновременно.

К пяти часам они еще не особенно продвинулись к своей работе, но у Сиднея возникло впечатление, как и всякий раз, когда они что-нибудь сочиняли вместе с Алексом, что в этой истории появляется нечто осязаемо новое и важное, хотя бы потому, что над ней работала еще одна голова. Но он очень хорошо знал, что впечатление это не имеет под собой никакого основания.

Толстый дрозд пощипывал траву прямо перед Сиднеем. Где-то рядом попыталась пропеть песенку какая-то птица. «Интересно, что это за птица?» – подумал Сидней. Он пожегил, солнце скрылось за облаком. Ему было так скучно, что он чуть не заснул.

Им нужно, чтобы случилось чудо, чтобы на какой-то миг вспыхнула идея, которая бы все осветила другим светом. Он

думал об этом, слушая, как бубнит Алекс: «Нет-нет, погоди, Ники не знает, что девушка уже нашла ювелира, верно? Тогда как мы можем или как она может думать о том, что она его узнает?» И, отвечая Алексу, он покраснел от стыда, думая о том, как мысль о «вспыхнувшей идее» вообще могла прийти ему в голову. Сидней даже боялся, что больше никогда ни одна искра не блеснет в нем... Лишь писатель, у которого бывают время от времени подобные вспышки, вправе думать так. Ему смертельно надоел Ник Кэмпбелл, и он не понимал, как может Алексе таким энтузиазмом вновь браться за дело. Хотя у Алекса была работа, а всем этим он занимался лишь от случая к случаю. Ему просто очень хотелось еще что-нибудь заработать. Его богатые родители не помогали ему деньгами, потому что – Сидней забыл причину – они не одобряли и его брак, и его попытки стать писателем. Эти люди, жившие в герцогстве Корнуэльском, хотели, чтобы Алекс занимался тем же, чем занимались они сами, хотя в то же время считали, что их сын должен зарабатывать больше, если хочет обзавестись многочисленным семейством. Алекс рассказывал Сиднею о них со смехом, но видно было, что он предает большое значение их словам. Дремля на солнышке, Сидней слушал Алекса, делал вяло какие-то замечания, пока не оказался в состоянии где-то между явью и своим собственным сном, то ли в пустоте, то ли нигде.

Ему вдруг вспомнился отец, которого он почти не знал, – тот умер, когда Сиднею было девять лет, – и это воспомина-

ние вызвало неприятное ощущение. Мать Сиднея рассталась с мужем, когда сыну было шесть лет, и после их развода он видел отца всего пять или шесть раз. Он знал, что отец хотя работал администратором в чикагских театрах, сам мечтал стать драматургом. Как администратор, он зарабатывал немного, а из его пьес была напечатана одна-единственная, «Снежный человек», да и та на его собственные средства. Сидней часто думал о том, что посредственность отца довлела над ним как проклятие, он обречен на неуспех, и его потребность написать нечто такое, от чего весь мир придет в восторг и благодаря чему его имя будут помнить по крайней мере еще сто лет, – эта настойчивая потребность тоже казалась Сиднею проклятием. Когда его самого посещали подобные мысли, его охватывал страх. Его теперешняя жизнь в Англии, женитьба на англичанке, которую, кажется, мало интересовали его дела, старинный дом, в котором они жили, с его низкими перекрытиями, о которые он каждый день бился головой; английская земля, которая забивалась ему под ноги, когда он копался в огороде – все это казалось ему совершенно нереальным, как пьеса, которую он сам сочинил и которая вышла не слишком удачной. Но зачем, вопрошал Сидней себя, он живет именно здесь, ведь любая другая женщина могла исполнять ту же роль ничуть не хуже, хотя он считал, что привязан к Алисии и даже, кажется, влюблен в нее. Но действительно ли он нуждается в том, чтобы рядом всегда была женщина? Не мешает ли это ему использовать

все свои возможности, и как он может теперь исправить это положение? В результате он приходил всегда к решению, что просто нужно работать и работать.

«Мне всегда тяжело сосредоточиться на свежем воздухе», – с неожиданным раздражением воскликнул он про себя, и это восклицание вывело его из оцепенения, в котором он находился. Должно быть, Сидней произнес это вслух, обращаясь к Алексу.

– Давай попробуем посмотреть все по сериям, – предложил он.

Иногда этот способ создавал у него впечатление, что сюжет имеет какое-то последовательное развитие, но когда он прочитал шестую серию по своим записям, то не почувствовал ничего, кроме усталости. Алекс же заявил, что так совсем другое дело.

– Я говорю тебе, что это совсем другое дело, – повторил он.

– Нет, хватит! Что теперь нужно, так это выпить виски. Около семи часов Сидней переоделся, даже надел галстук, полагая, что в связи с приходом миссис Лилибэнкс это должно будет понравиться Алисии. Алекс всегда надевал галстук к ужину, его трудно было представить себе без галстука, разве что больным или при смерти, но в этих случаях кто ужинает?! Сидней вспомнил, как тот не снимал галстука даже в жуткую жару, на пикнике прошлым летом.

– Может, сходить за ней? – спросил Сидней Алисию, когда

они все собрались на кухне.

Алисия поставила ростбиф в духовку.

– Прекрасная мысль, дорогой. Иди позови. Она уже должна выходить.

Сидней поставил стакан на стол и вышел. Ноги его, как обычно, были обуты в теннисные туфли. Пройдя калитку, Сидней остановился, решая, идти через кухню или через центральную дверь, и двинулся к последней, которой похоже пользовались чаще. Постучал только что начищенным, сверкающим медью дверным молотком. Дверь открыла хозяйка.

– Добрый вечер. Я – Сидней Бартлеби, – произнес Сидней с улыбкой. – Пришел за вами.

– Как это мило с вашей стороны! Не желаете войти? Миссис Лилибэнкс, по-видимому, уже собиралась выходить. На ней была широкая шляпа и темно-синяя шаль, изящно накинутая на плечи и на одну руку. Он ответил, что раз она готова, то заходить он не будет. Миссис Лилибэнкс вышла и притворила дверь, не запирая на ключ.

Сидней открыл перед ней калитку.

– Скрипит, нужно будет ее смазать, – проговорила миссис Лилибэнкс. – А то все птицы разлетятся. Вы любите птиц?

– Да, люблю, хотя не особенно в них разбираюсь.

– Ваша жена сказала, что вы пишете?

– Да, а вы – рисуете.

– Я простой любитель, для меня это одно из развлечений, – проговорила она таким тоном, будто у нее было много

других развлечений.

Алисия представила гостей друг другу, а Сидней налил миссис Лилибэнкс виски. То, что старая дама отдала предпочтение виски перед джином и хересом, Алисию порадовало, поскольку их херес был очень скверного качества, а ей почему-то казалось, что миссис Лилибэнкс захочется именно хереса.

– Где вы живете в Лондоне? – обратилась миссис Лилибэнкс к Хитти. Хитти ответила, и между ними завязалась беседа; они поговорили о преимуществах и недостатках Кенсингтона, района, где прежде жила миссис Лилибэнкс, а затем перешли к детям Хитти.

Алисия отправилась на кухню проверить, как там мясо и пирог, а Сидней приготовил салат, разлил напитки и наполнил горчицей соусник с серебряной крышкой. Это был один из немногих дорогих предметов, которыми они располагали для сервировки стола. Сидней пребывал теперь в очень веселом настроении и даже напевал довольно приятным, но не сильным голосом свою собственную пародию на одну народную песенку.

– Тише, – сказала Алисия, кивнула в сторону гостиной, где находилась миссис Лилибэнкс: слова песенки были довольно неприличными.

– А хочешь, я спою «Острые Перчики»?

– Тогда она решит, что ты сошел с ума. Или, вернее, она это заметит.

Сидней понизил голос и все-таки допел свою песенку, не сводя глаз с Алисии.

– Я вижу, ты не в восторге от моего «пиццикато», – сказал он. – А ведь с моими словами песня стала бы в сто раз известней, чем сейчас. И уж точно заняла бы свое место в опереточном репертуаре вместе с ариями Гилберта и Салливана и даже наверняка вытеснила бы их.

Алисия улыбнулась, в глубине души сожалея, что он не выказывал такой же уверенности в собственных способностях сегодня утром. А Сидней в это время подумал, что под важным видом Алисии скрывался не особенно глубокий ум и что у него много замечательных идей и сюжетов, которые необходимо было бы обсудить, но о которых он, тем не менее, не мог поговорить с ней, так как ее это совершенно не интересовало. Когда он познакомился с ней, ему казалось, что раз она англичанка и говорит с другим произношением...

– Не знаю, готово мясо или нет, – проговорила Алисия, – не помню, когда я его поставила, в семь или в семь пятнадцать?

Выглянув в дверь столовой, Сидней спросил:

– Простите, миссис Лилибэнкс, какой ростбиф вы предпочитаете: с кровью или без?

Та улыбнулась:

– О, лучше с кровью.

– Прекрасно, именно таким он и будет. – Затем, обернув-

шись к Алисии, сказал: – Можешь выключать. Мы все любим мясо с кровью. Миссис Лилибэнкс, позвольте, я налью вам виски.

Сидней протянул руку, чтобы взять ее бокал, но старая дама остановила его: О, нет, благодарю. Мне уже достаточно.

Они уселись за стол. Полк-Фарадейсы принесли свои недопитые бокалы. Сидней разрезал мясо, Алисия проверяла, всего ли хватает на столе. Не успев сесть, она вдруг замечала, что не хватает ножа для масла или тарелочки для хлеба (она решила взять одну из-под цветочного горшка и вымыть, и ей пришлось дважды выходить на кухню. Все наперебой хвалили кулинарное искусство Алисии, а Полк-Фарадейсы сказали, что Сидней на этот раз превзошел самого себя в приготовлении салата.

– Это оттого, что я открыл сегодня новую баночку с розмарином, – скромно ответил Сидней, хотя розмарин он просто нарвал в саду.

Алекс и Хитти расспрашивали миссис Лилибэнкс о ее новом доме и полюбопытствовали, почему она решила поселиться в деревне. Она отвечала, что сделала это просто «ради удовольствия и смены обстановки». Она также рассказала, что ее дочь Марта обретается в Австралии, а внучка Присей хочет стать актрисой и живет в Лондоне, в Челси, в огромной квартире вместе со своими пятью друзьями. Миссис Лилибэнкс не преминула поведать и несколько забавных случаев из жизни божьего окружения своей внучки и в том числе ис-

торию, как Присей с друзьями затаскивали одного молодого человека в его квартиру на втором этаже, когда он по забывчивости оставил ключ внутри. Все эти истории встречались улыбками, и гости начали чувствовать себя более раскованно и решили, что миссис Лилибэнкс весьма современна для своего возраста.

Сидней же испытал даже некоторую зависть. Ему уже было двадцать девять лет, и казалось, что молодость его уже прошла, а вместе с ней и многое другое. Он мог узнать разные страны, а был-то лишь в Архангельске, где как-то оказался вместе с кораблем, и это не считая тех мест в Европе, где бывали и все. Теперь же, когда Сидней женат, все это стало невозможно. Когда женишься, становишься бедным как бы автоматически, даже если берешь за себя девушку не без гроша. Человека же холостого бедность не страшит, и он еще может что-то наверстать.

Но человек женатый – это конченный человек и в моральном и в материальном смысле.

Алисия, относя посуду со стола на кухню, уронила стакан, он упал на каменный пол. Сидней в это время засыпал кофе в кофеварку и вдруг обернулся в ярости:

– Сколько можно?!

Ты бьешь уже, кажется, шестой или седьмой стакан!

У него возникло неприятное ощущение, будто осколки впиваются в ноги, хотя ни он, ни Алисия никогда не ходили босиком по каменному полу кухни, да и он хорошо знал, что

после уборки пылесосом на полу ничего не останется.

Алисия постаралась скрыть улыбку, непроизвольно появлявшуюся у нее на лице всякий раз, когда случались подобные сцены или когда она ошибалась.

– Мне очень жаль, что я тебя напугала, дорогой, но я купила эти стаканы совсем по дешевке во «Фраме». Совсем недорого.

Сидней взглянул в сторону столовой и понял, что миссис Лилибэнкс, которая уже встала из-за стола, слышала их маленькую ссору. Она улыбнулась ему. Весь остаток вечера Сидней изо всех сил старался казаться общительным, выказывая хорошее расположение духа. Когда миссис Лилибэнкс поинтересовалась его работой, он вкратце пересказал историю, над которой они с Алексом бились, и в результате неожиданно получил гораздо больше пользы, чем от двух с половиной часов, проведенных с Алексом.

– Чего вам не хватает, так это, возможно, некоторого элемента неожиданности, – сказала миссис Лилибэнкс, когда Сидней признался ей в том, что эта его работа ему не нравится. – Представьте, например, что первая татуировка не настоящая. Та, которая была у покойного. Просто ее нарисовали масляными красками. Впрочем, не знаю, как это может вам пригодиться в дальнейшем.

– Вы правы. Тут нужна какая-то неожиданность. Я подумаю. Нарисованная татуировка, гм...

Алисия поставила пластинку Синатры, и Полк-Фарадей-

сы стали танцевать.

– Надеюсь, миссис Лилибэнкс, эта музыка вам не мешает? – предупредительно спросила Алисия старую даму. – Можно было бы вынести проигрыватель и выйти всем на улицу, но начинается дождь.

Миссис Лилибэнкс отвечала, что музыка ей не мешает. Сидней сидел на полу возле стула миссис Лилибэнкс. Вдруг он резко поднялся и сказал:

– Миссис Лилибэнкс, не хотите потанцевать? (Играла как раз медленная очень музыка.)

– Нет, спасибо. Увы, у меня больное сердце. Из-за него я ползаю как улитка. Но, возможно, именно поэтому я переживу вас всех. (Ей казалось, что половина ее слов, заглушается музыкой.)

Тогда Сидней обнял Алисию, и они, медленно двигаясь по паркетному полу, стали удаляться. (Алисия свернула ковер.) Миссис Лилибэнкс отметила, что ковер был восточный и его купили, вероятно, потому что он соответствовал размерам гостиной. Закуривая последнюю из четырех сигарет, которые она положила себе выкуривать за день, она посматривала на молодых людей, не задерживаясь на каждом из них более нескольких секунд. Сидней показался ей человеком нервным, созданным скорее для того, чтобы стать актером, а не писателем. У него было очень живое лицо, и когда он смеялся, смех был настоящий, будто он веселился от всего сердца. Брюнет с голубыми глазами, такие встречаются среди ир-

ландцев. Но сразу бросалось в глаза, что человек он несчастливый. Возможно, что из-за денежных затруднений. Алисия много беззаботнее, походит на избалованного ребенка, хотя, возможно, именно такая женщина ему и нужна.

Полк-Фарадейсы внешне более подходили друг другу – казалось, они больше ничем не занимаются, а только расточают похвалы друг другу и все время смотрят друг другу в глаза, точно только что познакомились и влюбились. У них уже трое детей, а кажется, будто совсем недавно расстались с детством. Хотя, сказала себе миссис Лилибэнкс, мы с Кливом были не старше, когда родились двое наших детей.

Миссис Лилибэнкс встала и поднялась на второй этаж, где нашла туалет. Проходя мимо кабинета Сиднея, она задержалась и заглянула туда: холодная комната, пустые, без картин, стены, стеллажи из белого дерева с книгами вдоль одной стены, обычный – не письменный – стол с зеленой пишущей машинкой, словарь, карандаши, стопка бумаги, за столом – окно без шторы. Смятый лист валялся рядом с корзиной для бумаг. Спальня находилась слева от кабинета и имела более веселый вид. Миссис Лилибэнкс увидела большую продавленную кровать с синим покрывалом, банджо, косо висящее на стене над кроватью, полосатые обои с малиновым узором, абстрактные картины, написанные Алисией, комод, стул и перекинутые через его спинку полотняные брюки. На комодe – большой плюшевый заяц, похожий на те игрушки, которые Йрисси хранила с детства, и довольно красивое зеркало

в серебряной рамке.

Миссис Лилибэнкс вошла в ванную комнату, которая располагалась между кабинетом и спальней. Здесь взгляд ее привлекли сиреневые полотенца, на каждом из которых было вышито по желтому цветку, фотография из журнала на стене. Кажется, она видела эту фотографию на обложке одного из номеров «Обсервер» за прошлый год: там группа студентов в канотье и с зонтами в руках, и один из них произносит фразу, обведенную в круг; фразу, которая заставила миссис Лилибэнкс сперва вздрогнуть, затем покраснеть и наконец улыбнуться. В сущности, это было довольно смешно. Миссис Лилибэнкс вымыла руки, продолжая рассматривать флаконы, стоявшие на стеклянной полке под аптечным шкафчиком. Духи, аспирин, йод, дезодорант, лак для ногтей, кисточка для бритвы, тальк, шампунь, лекарство от зубной боли. Все это вызывало в воображении вид из окна какого-нибудь манхэттенского небоскреба. Она спустилась вниз. Увидев ее, Алисия предложила ей клубничного коктейля или еще одну чашечку кофе, но она вежливо отказалась.

– Спасибо, я побуду еще минут десять, мне уже пора идти.

– Я только что подумала, что мне бы очень хотелось написать ваш портрет, – сказала Алисия. – Вы ничего не имеете против? Я уже давно не писала ничего реалистического. Я имею в виду – узнаваемого.

– Буду очень рада.

– Вам на самом деле нетрудно попозиловать мне? Но без книги в руках. Я люблю, когда мои модели смотрят на меня или в пространство. Но есть люди, которые не любят попусту тратить время.

– У меня здесь сколько угодно времени.

Сидней настоял на том, чтобы проводить миссис Лилибэнкс до дома, и захватил фонарик, хотя соседка и принесла в сумочке свой.

Вскоре Полк-Фарадейсы ушли спать – сказались полдня, проведенные в дороге. Алисия заверила Хитти, что сама справится с мытьем посуды. Сидней остался ей помогать.

– Как прошел ужин, дорогой? – устало спросила Алисия.

– Замечательно. Чего, к сожалению, не скажешь о беседе.

Алисия иронически улыбнулась. Она ждала ссоры, но не слишком бурной, в доме были гости. Однажды Сидней даже толкнул ее так, что она села прямо в коробку с апельсиновой и картофельной кожурой.

– Вероятно, все дело в том, что все мы не такие приятные собеседники, как ты. Нам приходится утешаться тем малым, на что мы способны.

– Я имел не это в виду, – возразил Сидней еще более желчным тоном, – Я говорил о твоей милой шуточке, достойной жены, по поводу моей писательской работы. Ты выразилась, что это была моя первая любовь, но много лет назад она умерла или как-то в этом духе.

– Как? – спросила Алисия, она и в самом деле не помнила,

о чем идет речь.

Сидней глубоко вздохнул.

– А так, что моя муза уже не живет под этой крышей. Ты должна помнить, ведь ты сама так сказала. Все слышали.

Сидней вспомнил, как вслед за ее фразой последовало короткое молчание и затем улыбки гостей. Он вспоминал это даже с удовольствием, потому что само воспоминание подогревало его злобу против Алисии за ее шутку.

– Что? – высоким и насмешливым голосом спросила Алисия. – Мне кажется, ты все выдумал. Или это сидит в тебе подсознательно. А может, так все и есть на самом деле, а, Сидней? Иначе бы тебя это так не задевало. Неужели тебе никогда не приходило в голову...

Он ударил ее по лицу мокрой тряпкой.

Алисия вздрогнула и, едва придя в себя, швырнула в него только что вымытой чашкой. Та пролетела мимо и разбилась о холодильник.

– Уже вторая за сегодня, – сказал Сидней, наклоняясь, чтобы собрать осколки.

Сердце его бешено колотилось. Поднявшись, он с удовольствием заметил, что на щеке у Алисии проступила красная полоса.

– Ты дикарь, – сказала она ему.

– Да.

Да, и в один прекрасный день он не остановится на этом и убьет ее. Сидней думал об этом уже много раз. Как-нибудь,

когда они будут дома одни. Он ударит ее один раз и вместо того, чтобы опомниться, будет бить, пока она не умрет. Но теперь, когда он снова взглянул на нее, Алисия улыбнулась и повернулась к мойке. Сидней подумал: эта улыбка означает, что последнее слово осталось за ней, когда она бросила в него чашку.

– Думаю, мне опять пора ненадолго уехать. Чтобы ты смог успокоиться и поработать.

– Действительно, почему бы и нет?

Она уже уезжала несколько раз в Брайтон дня на два-три, а однажды – в Лондон к Полк-Фарадейсам. Всякий раз это бывало после ссоры, и она не сообщала, куда отправляется.

– Простите... – в дверях стоял Алекс в накинутах на плечи старом халате, похожий на Шерлока Холмса. На нем были тапочки на войлочной подошве, – поэтому они и не слышали, как он подошел. – Вы не нальете мне стакан молока? Хитти пьет молоко перед сном.

– Да, конечно. Сид, будь добр, достань стакан.

IV

Спустя примерно десять дней, в первую неделю июня, Алисия закончила писать портрет Грас Лилибэнкс. Это был портрет в три четверти, немного меньше натуральной величины, на котором миссис Лилибэнкс держала в руке черные и желтые анютины глазки. Алисия прибегла к своему старому методу: начала с фона, затем несколькими быстрыми штрихами набросала лицо и закончила светом, который отражался в ярко-голубых глазах миссис Лилибэнкс. Она очень гордилась этим портретом, хотя он был сделан в реалистической манере, а реализм вызывал презрительное отношение в кругу тех людей, с которыми она общалась. Но все же он был ничуть не более реалистичным, чем знаменитый портрет Гертруды Стайн кисти Пикассо, который Алисия, как и большинство ее друзей, считала шедевром.

– Это лучше, чем то, что висит над камином, – сказал Сидней. – Почему бы его туда не повесить?

Алисия не показывала ему портрет, пока полностью его не закончила. Она работала наверху в своей мастерской, и миссис Лилибэнкс приходила позировать к ней каждое утро с десяти до одиннадцати.

Конечно, Алисия была довольна своей работой, но все-таки это был реалистический портрет и, следовательно, в меньшей степени произведение искусства, чем ее самые неудач-

ные абстрактные картины. Она повесила его в углу гостиной вместо висевшей там абстрактной композиции.

– Да, мне он самой нравится, – задумчиво сказала она, глядя на портрет. – Я куплю для него раму у Эббота или еще где-нибудь. («Эббот» был что-то вроде сарая в Дебенхеме, где продавалась подержанная мебель. Бартлеби купили там стол для Сиднея, диван в гостиную и еще множество мелких вещей.) Странно, зная человека совсем недолго, добиться такого сходства, тебе не кажется? Я слышала, что писателю будто бы труднее описать то место, которое он знает с детства, чем то, в котором живет всего три недели. Видимо, когда ты знаешь что-то очень давно, то перестаешь видеть конкретные детали.

Это было правдой. Сидней прекрасно понимал, о чем она говорит, но воспринял ее слова как критику, направленную против него. Он и сам знал, что слишком долго работает над «Стратегами», и Алисия это знала. Он уже не мог различать ни деталей, ни даже всего в целом, он просто уже ничего не видел. И все-таки это была чуть ли не единственная возможность заработать сейчас денег, и Сидней не хотел от нее отказаться.

Вечером они отправились в Ипсвич поужинать в китайском ресторане и потом сходили в кино. Выйдя из кинотеатра, они обнаружили, что у машины спустило колесо. Сняв пиджак, Сидней достал домкрат и разводной ключ и приступил к работе. Тем временем Алисия направилась на поиски

питья и вернулась, неся два бумажных стаканчика с отвратительным апельсиновым соком. Сидней с удовольствием выпил бы бутылку пива, но было уже одиннадцать, и пабы уже полчаса как закрылись.

– Хорошо, что с нами не поехала миссис Лилибэнкс, – сказала Алисия, имея в виду спущенное колесо. – А то я бы не знала, что и делать.

– Гм.

Наконец они тронулись. Сидней оставил недопитый сок на тротуаре, потому что поблизости не было урны. Алисия продолжала пить маленькими глотками свой сок. Около шести часов они позвонили миссис Лилибэнкс и пригласили ее поехать с ними, но соседка отказалась, сославшись на усталость – она много работала сегодня в саду.

– У нее же есть садовник, – заметил Сидней. – Должно быть, она очень придирчива.

– Садовник приходит только два раза в неделю... Миссис Лилибэнкс сказала, что у нее больное сердце и она не уверена, что сможет прожить больше двух лет, – прибавила Алисия таким сочувственным тоном, точно речь шла о ее близком родственнике.

Действительно, за время работы над портретом Алисия очень сдружилась с миссис Лилибэнкс. Они обсуждали многие серьезные вещи, и Алисия считала их беседы очень полезными для себя. Она рассказывала миссис Лилибэнкс о трудностях, с которыми сталкивался в своей работе Сидней,

и о том кризисе, в котором он сейчас находится, и даже намекнула, что имеет опасения относительно прочности своего брака с Сиднеем. На что миссис Лилибэнкс отвечала, что совместный быт с годами становится привычным и ведет к прочной любви, а период между вторым и третьим годом супружества считается критическим. Она вспомнила также, что и сама имела иногда подобные проблемы, и это несмотря на то, что ее муж немало преуспел в профессии морского инженера.

– Что ж, довольно неприятная ситуация для домработницы, – заметил Сидней. Представь себе, в один прекрасный день она приходит на службу и видит в кресле мертвую миссис Лилибэнкс.

– О, Сидней! Какой ужас! Как ты можешь думать о подобных вещах!

– А разве этого не может случиться? Большую часть времени она проводит дома одна. Так почему ты думаешь, что миссис Лилибэнкс протянет ноги именно тогда, когда рядом будет домработница или еще кто-нибудь? Скорей всего она умрет в постели, как мой дедушка. Он умер во время сиесты. Это произошло, видимо, очень спокойно, потому что никто в доме и не подозревал о его смерти, пока не пришли его будить.

Алисия поморщилась.

– Неужели так необходимо говорить о смерти?

– Извини, это нечто вроде профессиональной болезни, –

ответил Сидней, притормаживая, чтобы не наехать на кролика, зигзагами скакавшего перед ними. Наконец кролик свернул на обочину и исчез. – Я постоянно думаю о сценарии.

Алисия промолчала. Возможно, именно так и случится, как он говорит, и, может быть, даже очень скоро. Глаза Алисии наполнились слезами. Она почувствовала угрызения совести, потому что вместе с жалостью к миссис Лилибэнкс испытала и какое-то странное удовольствие, словно только что увидела эту драму на сцене театра. Она уже не сможет смотреть на миссис Лилибэнкс и не думать о том, что та с минуты на минуту может умереть. И все из-за неуместных предположений Сиднея.

– Будет лучше, если ты побережешь свое воображение для работы, во всяком случае – полезней, – бросила она. – Например, для твоего романа.

– Я и работаю над этим проклятым романом. А чем, ты думаешь, я занимаюсь?

– Я уверена, что все дело в форме. Тебе нужно изменить форму романа.

– Не лучше ли тебе заниматься своей живописью и позволить мне самому решать, как писать?

– Но ведь в «Стратегах» явно что-то не так, иначе почему их не покупают? Ты не находишь? – настаивала она.

– О, ради всего святого! – Сидней прибавил скорость.

– Не так быстро, Сид.

– Сначала ты пытаешься меня ободрить, внушая, что да-

же самые хорошие книги годами ходят от издателя к издателю, а потом говоришь «что-то не так, иначе почему роман не покупают». Что же я должен думать? Или ты специально хочешь сказать мне сегодня что-нибудь неприятное...?

– Неприятное? Я только советую тебе, чтобы ты по-другому взглянул на свою работу. Ты твердишь, что полон разных идей – так используй их!

Удар попал в цель, и Сидней горько улыбнулся.

– Да, – ответил он.

Да, он полон идей и часто воображает себе, как люди не вымышленные, а их знакомые оказываются вдруг убиты или ограблены или их кто-то шантажирует. В воображении Сиднея Алекс умирал по меньшей мере раз пять. Сама Алисия – двадцать раз. Она погибала в объятном пламени автомобиле, и в лесу, задушенная преступниками, и падала с лестницы у себя дома, и тонула в ванне, и вываливалась из окна второго этажа, когда пыталась спасти пичугу, застрявшую в водосточной трубе, а в довершение всего отравилась ядом, еще не известным науке. Но эффективнее всех других, по его мнению, была ее смерть от побоев, нанесенных им дома, после чего он отвез ее тело на машине подальше и закопал, а потом рассказал всем, что она уехала на несколько дней в Брайтон или, может быть в Лондон. Алисия не возвращается, полиция не может ее найти. Сидней рассказывает полиции и всем знакомым, что в последнее время отношения между ними испортились и очень вероятно, что Алисия решила его бро-

снить, изменить свою жизнь и уехать (возможно, и во Францию по фальшивому паспорту)... Эта последняя мысль была довольно глупой, бегство во Францию было связано со всякими сложностями, а это не в характере Алисии.

– Сидней!

– Что?

– Ты проехал наш дом. Сидней затормозил и развернулся. Дом миссис Лилибэнкс угрюмо темнел в молочно-белом свете луны и Сиднею показалось, что дом следит за ними, пока он рулит по дорожке к гаражу и ставит туда машину. Сидней сказал себе, что ему не следует забывать о соседстве миссис Лилибэнкс, и, следовательно, обдумать убийство Алисии нужно до мельчайших подробностей. Особенно внимательно нужно быть, при выносе ее трупа из дома. Он думал об этом машинально, как если бы речь шла о героях его романа. Потом придет время, и он получит деньги Алисии, и это будет очень приятно. Он никогда не услышит ее голоса, голоса, который его постоянно раздражает. Хотя об этих выгодах: о деньгах и о свободе – он подумал почти равнодушно, словно они должны будут достаться кому-то другому.

Последнее произведение Сиднея и Алекса из серии о Нике Кэмпбелле, история о татуировке, была отвергнута последним из возможных покупателей с маленькой припиской: «Не плохо, но уже было». Эта короткая фраза целыми днями вертелась в голове Сиднея. Уже несколько дней он бродил по окрестностям в надежде набрести на какой-нибудь

лес или забраться подальше в поле, но лесов не было, а поля, хоть и были пустынными, но вид их вызывал ощущение, что они принадлежат какому-нибудь бдительному фермеру, который непременно появится и спросит, что он делает на его поле. Что он делает? Да ничего. И это, вероятно, покажется еще более подозрительным, чем что-нибудь другое. Лучше уж иметь готовый ответ вроде: «Я наблюдал за кроликами, и мне показалось, что один спрятался в ту норку». Наконец он рискнул побродить и по полям, и ни в одном месте его никто ни о чем не спросил. Так бродил он очень долго, вспоминая о еде, лишь когда давал себя знать себя голод и всякий раз уже после половины третьего, когда пабы обычно бывают закрыты. Иногда Сидней покупал в какой-нибудь лавке паке-тик нарезанного ломтиками чеддера и яблоко. И вот, когда он уже отчаялся найти какую-нибудь свежую идею, ему в голову пришла мысль о Лэше. Сидней тут же развернулся и быстро пошел к дому, по дороге обдумывая новую идею.

Лэш окажется злодеем, который в каждой серии совершает что-нибудь невероятное. Это будет не многосерийный фильм, а нечто такое, что можно продолжать до бесконечности, а каждая серия будет представлять собой законченную историю. Зрители будут видеть все глазами Лэша, переживать вместе с ним все опасности и надеяться, что полиции не удастся поймать его, как и получится на самом деле. У героя не будет хлыста, но само имя будет намекать на его тайные и развратные наклонности. Возможно, у него будет зажигалка

с изображением кнута или запонки в виде кнутов, изогнутые в форме латинской «S». Пусть его первым подвигом станет налет на дом, принадлежащий очень богатым людям, которые сами не вызывают у зрителей ни малейшей симпатии.

Полиция не знает его настоящего имени и предполагает, что он один из трех известных преступников, поисками которых она сейчас и занимается. Лэш же не имеет к ним никакого отношения. Его имя не фигурирует ни в одной полицейской картотеке, Лэш очень хитер. Конечно же, он начинает свои похождения совсем молодым. Хотя это слишком трудно будет объяснить, но Лэш не имеет ни родных, ни знакомых. И это делает его еще более обаятельным. Зрители ничего не знают о планах Лэша, пока он не начинает действовать. Сидней рассчитывал удовлетворить потребности публики в мелодраме, пародии и ненаказуемом злодействе одновременно.

Размышления Сиднея неожиданно прервались: он улыбнулся и поднял глаза к небу, с которого ушло солнце. Ему подумалось: чтобы вынести труп Алисии, понадобится ковер, он взвалит его на плечо, делая вид, что несет в чистку. Надо только заранее найти ковер, не брать же из гостиной или из какой-нибудь другой комнаты, оставив пол голым. Он подумал, что следует попросить Алисию съездить с ним купить ковер, но потом решил, что сам съездит к Эбботу и купит. Скажет, что ему надоела эта ветошь на полу гостиной, что было правдой. И Сидней вернулся к Лэшу. Он ускорил шаги и, придя домой, тут же уселся за машинку. Решил печатать

под копирку, чтобы послать копию Алексу, и погрузился в работу:

ЛЭШ

Лэш: никто не знает его настоящего имени. Даже счета, которые приходят на его лондонский адрес, адресованы шести разным людям. Ему тридцать пять лет. Изящный худощавый брюнет с черными усами и без особых отличительных признаков, не считая внешности джентльмена. Член закрытого клуба на Альбермаль-стрит. Говорит по-французски, по-немецки и по-итальянски. Терпеть не может полицию, один вид полицейского ему противен, но не убил ни одного полицейского. Ограничивается тем, что водит их за нос и дразнит. Не имеет ни друзей, ни помощников, хотя многие подонки (и люди из высшего общества) хотели бы с ним сотрудничать, потому что: а) когда-то он чем-то помог им; б) он хорошо платит за оказанные ему услуги. Предлагается создать серии (не больше часа), в каждой из которых излагается отдельная история.

Когда начинается первая история, финансы Лэша истощились, и мы видим его разбирающим счета в своей роскошной квартире на Сент Джонс Вуд. На лице его улыбка: Лицо очень выразительное, но не имеет ничего общего с лицами театральных злодеев. Лэш никогда не опускается до произнесения монологов, чтобы объяснить свои намерения. Лэш действует. Выходит из дома, ловит такси и просит отвезти его в какой-нибудь богатый район. Спокойно повторяет на-

звание района и время от времени делает какие-то заметки в записной книжке в сафьяновом переплете. Шофер болтает с ним. Не дал шоферу точного адреса, а просто сказал, что хочет вновь увидеть места, в которых некогда жил, сам только что вернулся из Индии, где провел пятнадцать лет. Зрители начинают понимать, что он хочет произвести впечатление человека намного старше, чем на самом деле. С того момента как Лэш сел в такси, он постарел лет на тридцать. Лэш отпускает такси, а мы чувствуем, что шофер ни за что не сможет его узнать, даже если от этого будет зависеть его собственная жизнь. Лэш проходит две улицы, смотрит на дом, который собирается ограбить. Имя владельца дома есть в его записной книжке: высокочтимый Динглеби Хаит, королевский адвокат.

Утро, задний вход в дом Хаита. Появляется Лэш, его трудно узнать в одежде водопроводчика. Дворецкий уверяет, что водопроводчика не вызывали, но Лэш доказывает обратное. Его манера говорить неподражаема. Его провожают в ванную комнату на втором этаже. Лэш замечает горничную, входящую в будуар миледи. С собой у него есть хлороформ. Первой его жертвой становится дворецкий, которого он отправляет в нокаут ударом разводного ключа, когда тот выходит из ванной комнаты. На тихий стон его прибегает горничная, и Лэш, спрятавшись за дверью ванной комнаты, зажимает ей лицо платком, смоченным хлороформом. Она падает. Лэш берет ящик для инструментов, в котором нет ниче-

го, кроме хлороформа и...

– Черт возьми! Сегодня ты печатаешь, как пулемет. Тебя осенило? – На пороге стояла Алисия с большой миской, полной клубники.

– Именно, – буркнул Сидней, не оборачиваясь. Он был недоволен, что его прервали. Хотя и меньше, чем обычно.

– Извини, что я вошла без стука, но дверь была открыта, а миссис Лилибэнкс принесла клубнику. Как мило с ее стороны, правда? Она купила ее во «Фраме». Будешь есть сейчас или подождешь до обеда?

Сидней поднялся и вежливо улыбнулся. Он глядел на Алисию, но не видел ее. Взгляд его все еще был сфокусирован на то расстояние, которое отделяло глаза от машинки.

– Оставь на десерт после обеда. Во всяком случае, для меня.

– Хорошо, дорогой. Извини, что помешала.

Сидней проработал до обеда, перечитал сценарий и отнес его на почту в Ронси Нолл. Раньше завтрашнего утра он не уйдет, но Сидней все равно хотел отнести пораньше. Был вторник, значит, Алекс получит его утром в четверг. Сидней был доволен... Рассыльный из винного магазина застал Лэша, но тот нокаутировал и рассыльного, спустив по лестнице в подвал. Затем, видя, что все идет как по маслу, он решает создать впечатление, будто ограбление было совершено несколькими преступниками, и пачкает пивом и виски несколько стаканов, но не оставляя отпечатков пальцев (про-

тирает льняными полотенцами стол на кухне). Выходит с добычей через главную дверь, садится в метро и едет домой. Звонит скупщику, тот приходит и застаёт Лэша уже в смокинге. Лэш показывает добычу и даёт понять, что это принадлежит не ему и досталось за немалые деньги. Лэш кладёт в карман кругленькую сумму, а драгоценности и столовое серебро, им украденные, отправились к скупщику.

– Снова Ники Кэмпбелл?

– Нет, другое.

Он торопился, делая салат, потому что обед вот-вот будет готов, а одним из блюд должно стать суфле. Как раз был сезон яиц, и их можно было почти за бесценок купить на фермах.

– Новый персонаж? Какой?

– О, я не хочу пока говорить о нём – из суеверия, если хочешь. Но он совсем юный. Родился сегодня в три часа.

– Снова сериал?

– Нет, слава богу. Это отдельные законченные истории. (Он чуть было не проболтался, что на сей раз речь идет о злодее, но вовремя спохватился, боясь раскрывать секрет, это ему повредит.) Во всяком случае Алекс должен будет писать первую историю по материалу, который я ему отправил.

После этого, сказал себе Сидней, он вернется к «Стратегам», в которых, он решил, должна появиться интрига. Дело тут было не в том, что он питал уважение к интригам и считал, что в реальной жизни люди скорее разъединены, чем

связаны, и задача – соединить между собой трех или более персонажей в романе – будет простой хитростью автора, призванной уничтожить весь остальной мир, не имеющий значения для излагаемой истории. Однако он не мог не признать, что в двух его первых книгах было некое подобие интриги. Первая, «Курс на Аден», вышла в серии карманных книг, и Сидней время от времени получал маленькие суммы от гонорара (книга вышла только четыре года назад). Там говорилось о годах, проведенных им в торговом флоте, но это был жанр, который не поддавался переделке. Во второй – «Игра в классы», рассказывалась история трех молодых семей, живущих в Манхаттане. Все они работают в большом магазине и спят поочередно друг с дружкой.

Когда Сидней писал «Игру в классы», он получил приглашение на вечер в «Саттон Плейс». Там было пять или шесть человек, которых можно отнести к знаменитостям: актер с телевидения, актриса, писатель, автор бестселлеров, режиссер с Бродвея и Алисия Снизам, она сразу же понравилась Сиднею. Он спросил, не поужинает ли она с ним, и пригласил в театр на следующей неделе. Но Алисия была занята и сказала, что здесь ненадолго. Это было сказано явно для того, чтобы от него отделаться. Сидней удалился на несколько минут в какой-то угол поразмышлять, и в голову ему пришла идея, как можно одновременно и произвести впечатление на Алисию, и обеспечить себе ее общество по крайней мере еще на один вечер: собрание знаменитостей.

Нужно обратиться к каждой из приглашенных знаменитостей со словами: «Простите, вы не откажетесь прийти ко мне на коктейль в эту среду к семи часам. Будут такой-то и такая-то (он назовет что-то вроде Мери Мартин, Леонарда Бернштейна или Греты Гарбо), и он (или она) очень хотели бы, чтобы вы тоже пришли, он (или она) сами просили меня уговорить вас. Будет также и такой-то. Последнее имя, кстати, принадлежало одному из присутствующих на вечере. Он действительно пригласит Мери Мартин, Леонарда Бернштейна и Грету Гарбо по телефону или по почте и будет ждать. Потом он пригласит и Алисию, сообщив ей имена других приглашенных». Оставалось лишь привести план в исполнение. Однако в конце концов он ограничился тем, что использовал эту историю потом в «Стратегах»: там некий молодой человек создает себе круг важных знакомств, и при этом ни один из них так и не догадывается о его хитрости, он же с этого дня с головой уходит в светскую жизнь. Все же Сидней набрался храбрости в тот вечер и еще раз подошел к Алисии и уже с самым банальным предложением – прокатиться на катере вокруг Манхэттана. Возможно, это и убедило ее в честности намерений Сиднея, поскольку прогулка должна была состояться днем, среди множества людей... Хотя она могла и просто иметь склонность к туризму, а может быть, ей пришлось по душе упорство Сиднея, что склонило весы в его пользу. Как бы то ни было, она приняла предложение.

Сидней притворился больным и взял отгул в журнале, где

работал. У него возникло впечатление, что теперь Алисия принадлежит ему, но все же он действовал с осторожностью, боясь сделать неверный шаг и потерять ее. Они были влюблены друг в друга, и он не пытался сделать ее своей любовницей. Сидней предложил ей пожениться перед самым ее отъездом в Англию. Алисия согласилась, но сказала, что им придется еще подождать месяца три, пока ее родители дадут согласие. Возможно, ее отец захочет, чтобы Сидней приехал в Англию. Он признался, что денег у него мало и что он хочет стать писателем. Говоря это, Сидней чувствовал себя уверенно, поскольку узнал, что Алисия хотела стать художницей «или хотя бы попробовать». Она упомянула также о тех пятидесяти фунтах дохода, которые получала каждый месяц. Потом Сидней познакомился с ее матерью, миссис Клариссой Снизам и с ее американской теткой миссис Пемброк, которая жила на 80-й авеню и у которой останавливалась Алисия с матерью. Алисии удалось задержаться еще на месяц. Ее мать вернулась в Кент, а они посвятили это время обсуждению своих планов на будущее. В письмах Алисия рассказывала отцу о Сиднее и наконец получила родительское благословение, хотя уже и сама решила про себя, что выйдет за него замуж, каковым бы ни было мнение родителей на этот счет. Они решили, что не станут жить в Лондоне, а лучше подыщут дом в деревне. Оба любили сельскую жизнь и считали, что она идеально подходит для их занятий литературой и живописью.

В свадебном путешествии Сидней продолжал работать над «Игрой в классы», и когда книгу купили в Америке (но не в Англии), он почувствовал себя уверенней. Алисия и друзья поздравили его. Но он получил лишь полторы тысячи долларов за вычетом комиссионных агенту и потом еще около трехсот долларов, а в карманном издании книга не вышла.

Вдохновленный тем, что эта книга была принята, Сидней сел за «Стратегов» (хотя воодушевления у него и поубавилось, когда он видел, что «Игра в классы» не переиздается и не выходит в карманной серии). «Стратеги» напоминали чем-то «Человеческую комедию», но в них ухищрения алчности и карьеризма, описанные Бальзаком, заменялись странными опытами, которые пер-1 сонажи ставили на собственной жизни. Шесть героев заключили между собой своеобразное пари, и тот, кто потом отказывался от проведения опытов, должен был платить остальным. Некоторые терпели полное поражение, другие выигрывали. Так, один из них хотел стать врачом, и в пятьдесят лет ему это удалось. Другая, не особенно привлекательная, но весьма решительная особа бросила мужа и подростков-детей и вышла замуж за человека, которого любила понастоящему. Еще один, добившись всего, что наметил, умер от депрессии.

Однажды во второй половине дня, отправившись во Фрамлингем купить белой эмали, Сидней заехал в Дебенхам и купил у Эббота ковер. Он стоил девять фунтов, то есть в четыре раза больше, чем их старый, красносиний, но этот

был в гораздо лучшем состоянии. Новый ковер темнокрасных и коричневых тонов должен был хорошо сочетаться со шторами. Сидней принес ковер в дом и положил вдоль одной из стен в гостиной. Алисия, видимо, работала в своей комнате или ушла к миссис Лилибэнкс.

Через час, когда Сидней сидел за машинкой, он услышал снизу голос Алисии:

– Что это такое?

Сидней встал и вышел в коридор:

– Я купил ковер, – прокричал он.

– Да ну! Где? В Дебенхаме?

– Да. (Сидней спустился вниз по лестнице.) И заплатил за него только три фунта.

Он помог Алисии развернуть ковер.

– Очень красивый. Я и не знала, что тебя интересуют ковры, дорогой.

Сидней улыбнулся, но ничего не сказал. Передвигая и поднимая мебель, они расстелили ковер. Он занял почти всю площадь от передней до задней стены, и они решили, что так даже удобнее, особенно зимой, потому что в доме были сквозняки. Сидней свернул старый ковер и собирался его вынести.

– В сарае он отсыреет, Сид, – сказала Алисия. – Или ты хочешь постелить его в гараже?

– Нет, в гостевой комнате.

В ней тоже уже был ковер, но его можно было свернуть и

перенести куда-нибудь, чтобы он не мешал.

– Его можно продать или поменять, – сказала Алисия.

– Ты думаешь, у Эббота за него дадут хотя бы десять шиллингов? – спросил Сидней, поднимаясь по лестнице.

На следующей неделе Сидней получил от Алекса первый вариант «Лэш наносит удар». Тут же принявшись за чтение, он с первой страницы понял, что это несравненно лучше, чем все, что они с Алексом сделали до сих пор. Алекс ограничился тем, что написал на папке с рукописью:

«Сид, старик, интересно, что ты об этом скажешь. Я не уверен, что разговор с неизвестным во II акте, сцена IV, стр. 71 сценария, нужен.

Алекс»

Сиднею же, напротив, диалог показался очень удачным – он, по его мнению, придавал моменту напряженного ожидания несколько юмористическое звучание. Сидней не внес никаких поправок, разве только немного сократил разговор между Лэшем и шофером такси вначале. Как всегда, Алекс хорошо разработал второстепенных персонажей, придумав таких, о которых Сидней даже не намекал в своем сценарии. У Алекса был чисто диккенсовский дар в создании персонажей такого типа. Сиднею захотелось позвонить Алексу и сказать, что высоко оценил его работу. Или нет – он просто пошлет текст по почте, напишет, что ему понравилось и что Алекс может перепечатывать окончательно. Ничего особенного не произошло, просто они с Алексом еще не привыкли

писать такие хорошие вещи.

V

Радостное предчувствие удачи с Лэшем позволило Сиднею без особого огорчения потратить целый день на ремонт машины. Он провел несколько часов в библиотеке, слоняясь между полками, а потом поднялся в отдел каталогов. По своему годовому билету он набрал там много книг и пошел прогуляться по улицам города, рассматривая все витрины подряд, как моряк, ступивший на землю после долгого плаванья. На витрине магазина подержанных вещей его внимание привлек бинокль в медном корпусе. Он, верно, служил где-нибудь в Африке, еще во времена Монтгомери или Роммеля. Потертая черная кожа и царапины на оправе между стеклами. Ремешок тоже был потерт, но еще пока держался. Сидней боролся с искушением, бинокль стоил дешевле бутылки джина, но нужен ли ему бинокль?

Когда он, как и было назначено, приехал в гараж в половине четвертого, машина уже ждала его. Но у Сиднея появилось ощущение, что она уже была готова давно. Возвращался он в хорошем настроении, решив, что после обеда исправит еще несколько страниц в «Стратегах», перепечатает их и в девять часов посмотрит по телевизору детектив.

– В гостиной лежит для тебя письмо, – сообщила Алисия, когда он вернулся. – Наверное, от Алекса.

Сидней оставил пакеты на кухне и пошел в гостиную. По-

слание было в желтом конверте, в каких обычно приходили письма Алекса. В письмо Алекса было вложено другое, от Бэрлока. Тот объяснял, почему не принимает «Лэша» и возвращает рукопись.

«Уважаемый мистер Полк-Фарадейс, я начал читать Ваш сценарий „Лэш наносит удар“ с большим интересом, но интерес постепенно ослабевал. Причиной, на мой взгляд, является то, что вся история постепенно сводится к тому, что мы слишком привыкли видеть на экране: преступление ради преступления и отсутствие героядетектива, с которым зрители могли бы себя отождествить...»

Сидней выругался сквозь зубы и пробежал глазами письмо Алекса. После довольно сильных выражений в адрес умственных способностей мистера Бэрлока, Алекс писал:

«... Слишком много преступлений, говорит он? Они на телевидении километрами стряпают фильмы, в которых молодцы одной рукой ловят преступников, а другой – ласкают красоток. И еще хорошо, если в фильме есть преступник. По-моему, нужно послать Бэрлока подальше и переправить рукопись Пламмеру в „Гранадю“. Если ты мне не позвонишь до завтра (до четверга), то я отправлю ее с последней почтой.

Алекс»

– Ну что? – спросила Алисия. Она стояла в дверях.

– Снова отказ, – Сидней бросил оба письма на телефонный столик. – Да пошли они все к черту, – спокойно сказал он.

– Кроме Бэрлока, никого нет? А что он сказал?

– Это не имеет никакого значения.

Сидней говорил спокойным тоном, но при этом так скрутил конверт, что тот стал похож на коричневую веточку.

– Можно мне прочесть?

– Пожалуйста.

Сидней покинул комнату и поднялся наверх, но, подходя к двери кабинета, понял, что не в состоянии сейчас сесть за машинку. Он развернулся, испытывая желание оказаться где угодно, только не здесь. Медленно спустился и вышел в сад и заметил улитку, сидевшую на латуке, снял ее и изо всех сил швырнул через дорогу. Он медленно брел по дорожке, отмечая про себя, что следовало бы сделать: вырвать сорняки, залатать стену в сарае, поправить подпорку на помидорной грядке. Остановился и с вызовом посмотрел прямо на дом миссис Лилибэнкс. Хотя Сидней не видел ее ни внутри, ни снаружи, он почему-то был уверен, что она следит за ним.

За ужином Алисия сказала:

– Я прочитала письмо. Возможно, тот тип прав, и это на самом деле уж слишком избито. Иногда мне кажется, что Алекс тебя связывает, тормозит твоё воображение.

– Но ведь именно я придумываю сюжет, дорогая, – ответил Сидней, саркастически улыбаясь. – А получив сюжет, ему совсем нетрудно сделать из него пьесу для телевидения.

– Но то, что сценарий проходит через его руки, может быть, как-то парализует тебя. Мне кажется, ты должен боль-

ше доверять своему воображению. А так выходит, что ты его боишься, я имею в виду твое воображение...

У Сиднея возникло ощущение, что Алисия как будто ковыряется у него в глубокой ране. И он спросил себя, а уж не ведет ли она к тому, чтобы он попытался сделать что-нибудь в одиночку и сломал себе шею? И страдал бы от этого сильнее, чем от поражения, разделенного с кем-то еще.

– В любом случае ты слишком серьезно ко всему относишься. Ты...

– Совершенно ясно, что ты не на моем месте, – оборвал он ее. – И не пытаешься ничего понять, потому что тебе просто-напросто наплевать. Тебя устраивает писать портреты, как и твою миссис Лилибэнкс.

Алисия вытаращила глаза, но не от удивления, а от гнева.

– Ох, сколько горечи! Боже мой! Да можешь ты вообще создать чтобы то ни было... Я хочу сказать что бы то ни было пригодное для продажи? Это просто невозможно!

– Тем более, что ты меня постоянно дразнишь и попрекаешь.

– Я тебя дразню?! А хочешь, я тебя подразню по-настоящему? (Она смеялась.)

– Попробуй.

– Вечер явно не подходит для ужина в твоём обществе, не так ли? – сказала она, смягчаясь. – Но ты, по крайней мере, мог бы сдерживаться за столом.

Обоим уже расхотелось есть.

– Тебе хотелось бы, чтобы я был весь мед и сахар, как твоя миссис Лилибэнкс, – сказал Сидней. – Только у меня-то жизнь еще начинается.

– Твоя творческая жизнь скоро подойдет к концу, если ты будешь продолжать так и дальше.

– Кто позволил тебе так со мной разговаривать? Алисия встала.

– Что бы ты ни думал о миссис Лилибэнкс, ее общество более приятно, чем твое, и я проведу остаток вечера с ней, если ты не против.

– Иди.

Она сняла с вешалки куртку, поправила прическу перед зеркалом и вышла.

У Сиднея не хватило духа приняться за «Стратегов», и это его угнетало: ведь он понимал, что рано или поздно ему придется ими заниматься. Он посмотрел телевизор, а потом лег с одной из книг, которую взял в библиотеке Ипсвича. Вскоре после десяти вернулась Алисия.

– Думаю завтра поехать в Брайтон, – сообщила она, не глядя на него.

– Гм. И надолго?

– На несколько дней.

Алисия начала было раздеваться, но потом взяла пижаму и ушла в ванную комнату. Обычно она раздевалась в спальне.

Не зная, что еще спросить ее о поездке, Сидней решил

оставить эту тему. Утром он отвезет ее на машине в Ипсвич, если только она не собиралась сесть в поезд в Кемпси Эш, что немного ближе к их дому.

– Мне очень жаль, Сид, но когда ты в таком состоянии, это тянется так долго, что кажется совершенно безнадежным и вовсе не смешным.

– Понимаю и надеюсь, что ты хорошо проведешь время. Ты едешь в Брайтон?

– В Брайтон или в Лондон.

Алисия не хотела, чтобы он знал куда она едет, а Сидней не стал от нее этого добиваться.

Утром он помыл посуду после завтрака и потому не видел, какую одежду она укладывает в свой синий на молнии чемодан. В четверть двенадцатого Сидней вернулся домой. Алисия села на поезд в Кэмпси Эш. Погода была плохая: мрачная, дождливая, и Сидней сразу с головой погрузился в «Стратегов». В два часа дня дождь усилился, загремел гром.

Позвонила миссис Лилибэнкс.

– Здравствуйте, Сидней... (Она уже называла обоих Бартлеби по именам, но Сидней никак не мог избавиться от привычки называть ее миссис Лилибэнкс.) Алисия не забыла снять белье?

– О, спасибо, я сейчас сниму.

Он положил трубку и побежал в сад снять полдюжины тряпок и две хлопчатобумажные рубашки Алисии, которые висели на сушилке для белья. Не успел Сидней вернуться и

снять плащ, как телефон зазвонил снова.

Опять миссис Лилибэнкс:

– Мне нужно кое-что сказать Алисии, Сидней, если вы не против.

– Сожалею, но ее нет. Она... честно говоря, я не знаю точно, где она.

– Я вас не понимаю.

– Я отвез ее в Кэмпси Эш утром. Думаю, Алисия поехала в Брайтон. Разве она не сказала вам об этом вчера?

– Нет.

– Такие вещи с ней случаются... Уехать так, совсем одной на некоторое время.

– Понимаю. Ну да не важно. Я хотела только сказать ей, что не нужно приносить мне эту книгу о полевых цветах. Слишком сильный дождь.

Сидней знал, о какой книге идет речь. Старинный альбом с цветными рисунками, сделанными какой-то девицей в викторианскую эпоху. Алисия откопала его в одном книжном магазине в Лондоне.

– Я передам ей, что вы звонили.

– А когда она вернется?

– Думаю, дня через три-четыре.

– Если вам станет скучно, приходите ко мне, – пригласила миссис Лилибэнкс. – В любое время.

Сидней поблагодарил и сказал, что обязательно прилег.

Он дождался шести часов вечера, – времени, после кото-

рого снижали тариф на междугородные переговоры, и позволил Инес и Карпи в Лондон. Эти две девушки жили в одном доме, и у каждой было по годовалому ребенку. Инес, молодая негритянка, была из Нью-Йорка, а Карпи – с Ямайки и почти белая. Обе они работали танцовщицами, но, родив, оставили балет. Их мужья постоянно уезжали то на Антильские острова, то в Нью-Йорк, и как раз с тех пор, как Алисия и Сидней познакомились с девушками (уже почти год назад), Сидней подозревал, что мужей у них не было вовсе. Дети не унаследовали цвет кожи своих матерей, оба получили светлокожими. Девушки были гостеприимны, умны и забавны. Один раз Алисия наведалась к ним, потому что они жили в трехэтажном доме, где было довольно просторно. Но на сей раз ее там не оказалось. Сидней говорил с Инес.

– Черт возьми, вы на самом деле ничуть не беспокоитесь? – спрашивала она.

– О, нет. Если ее нет в Лондоне, значит, она в Брайтоне. Так уже бывало. А может быть, и у Полк-Фарадейсов.

– Если хотите, я могу позвонить им, а потом перезвоню вам. (У Инес было развито чувство экономии.)

– Нет, Инес, спасибо, не стоит. Я в любом случае буду звонить Алексу, мне нужно с ним поговорить.

– Но с Алисией все в порядке? Ничего серьезного?

– О нет, просто иногда она начинает скучать в одиночестве в нашей глуши.

Сидней позвонил Полк-Фарадейсам. Подошла Хитти.

– Здравствуй, Сид. Алекс отправился с кем-то выпить и еще не вернулся.

– Надеюсь, он занимается тем, что умащивает Пламмера. Он, случаем, не там?

– Нет, он встречается с новым автором из «Вердж Пресс». Я так расстроена из-за этого отказа, Сид. Рукопись показала мне превосходной.

– Ну, не все еще потеряно. Пока. Я звоню вам потому... Алисия случайно не у вас?

– Где?

– У вас.

– Нет. Вы хотите сказать, что не знаете, где она?

– Алисия уехала утром. Я подумал, что она могла поехать в Лондон. Время от времени Алисия любит уезжать, и я ее понимаю. Я сейчас не в слишком игривом настроении из-за всех этих отказов. Должно быть, она в Брайтоне. Я уже звонил другим нашим знакомым в Лондоне.

– Боже мой... Она поехала на машине?

– Нет, я посадил ее на лондонский поезд. Я не волнуюсь, потому что она уже делала так несколько раз. Вы ведь в курсе.

Он знал, что Хитти это известно. И еще он прекрасно знал, что Хитти считает Алисию не слишком хорошей женой. Разве покидают мужа в тот момент, когда ему трудно?

– Если до завтрашнего дня не будет новостей, сообщите нам, Сид. Обещаете?

– Спасибо, Хитти. Я вам позвоню.

VI

Назавтра позвонила миссис Лилибэнкс и пригласила Сиднея на ужин.

– Торговец рыбой привез сегодня свежей камбалы из Дувра, я купила две и решила вас пригласить.

– Спасибо, с удовольствием приду. Что мне принести с собой и когда удобнее прийти?

– В половине восьмого не слишком рано для вас? Если вы в это время еще работаете, то поужинаем позже.

– Половина восьмого – самое подходящее время.

– И не захватывайте ничего – одного вашего прихода вполне достаточно.

Однако Сидней выбрался во Фрамлингем и купил бутылку белого вина. В этот день он неплохо поработал и пребывал в хорошем настроении. Миссис Лилибэнкс тоже и по той же причине: она была довольна, тем, что написала и сказала ему об этом. (Картина, над которой миссис Лилибэнкс сейчас работала, была наверху, Сидней ее не видел и не попросил показать.) Хорошее настроение не покидало его, но он притворился, будто чувствует себя одиноко, тоскливо в отсутствие жены.

Ужинали в столовой. Два высоких, навощенных буфета стояли по углам, а на полке вдоль стены – тарелки из дельфтского фарфора и прочая утварь. Со свойственным ей госте-

приимством миссис Лилибэнкс подала роскошный ужин, который завершали савойский пирог и клубника со сливками. Она расспрашивала Сиднея о его работе, но не задавала нескромных вопросов, хотя все равно делала так, что он почти все время говорил. А Сидней получал удовольствие от звука собственного голоса.

– Мне кажется, вы довольны «Лэшем» больше, чем всем остальным, – сказала она, когда они перешли к кофе.

– Возможно, потому что это последняя моя работа, – отвечал Сидней. – Еще вина?

Но миссис Лилибэнкс еще не допила то, которое было в ее бокале...

– Нет, спасибо. Пейте сами. Вино замечательное и очень идет к рыбе.

Сидней налил себе еще немного вина, следя за тем, чтобы осталось немного и для миссис Лилибэнкс на обед.

– Я думаю, Алисия вернется в понедельник или во вторник.

– Прекрасно! Вероятно, она хочет походить по выставкам в Лондоне, побыть одна.

– Не уверен, что она в Лондоне, – сказал Сидней несколько сконфуженно. – я уже позвонил туда некоторым из наших друзей. Думаю, Алисия в Брайтоне. Она очень любит Брайтон.

– У нее есть там друзья?

– Насколько мне известно, нет. Она сама мне говорила,

что нет.

Сидней слегка нахмурился и уставился на свою чашку. Он подумал о том, что если бы Алисия сейчас была мертва, он говорил бы то же самое. Если бы он убил ее в пятницу утром вместо того, чтобы посадить в поезд в Кэмпси Эш. Да и миссис Лилибэнкс говорила бы то же самое. Они произносили слова, будто текст пьесы, которую вдвоем разыгрывали.

– Художникам иногда необходимо побыть в одиночестве, – доброжелательным тоном заметила миссис Лилибэнкс.

– Да. (Он с благодарностью посмотрел на нее.) Надеюсь в понедельник получить от нее открытку. Может быть, она мне позвонит. (Это было довольно мрачно: ведь сейчас только суббота, а Алисия никогда не посылала ему открыток в подобных обстоятельствах.) Я попробую хорошенько выложиться за эти дни, – думая о том, как Алисия пишет этюды в Брайтоне, добавил он и почувствовал, что краснеет. – Я буду работать над «Стратегами».

– Не будем больше об этом и послушаем музыку. Должны передавать концерт по Би-Би-Си. Как раз через пять минут.

– Раз у нас есть еще пять минут, – весело сказал Сидней, вскакивая с места, – помогу вам убрать посуду.

Несмотря на протесты миссис Лилибэнкс, он настоял на своем, и они быстро убрали со стола. Затем они слушали концерт – передавали Баха и Хендемита – а миссис Лилибэнкс тем временем вышивала наволочку для своей дочери.

Уходя, Сидней сказал:

– В понедельник я еду в Ипсвич. Если хотите, отправимся вместе. Я собираюсь сделать кое-какие покупки.

– Нет, спасибо, в другой раз. Мне пока ничего не нужно, у меня все есть, – ответила миссис Лилибэнкс.

Сидней испытал тайное облегчение от ее отказа, так как на самом деле не собирался в Ипсвич – если только не позволит Алисия и не попросит ее встретить – но это было единственное, что он мог предложить миссис Лилибэнкс, чтобы доставить ей удовольствие.

Когда он ушел, миссис Лилибэнкс надела фартук и вымыла посуду, затем поставила в раковину кастрюли, чтобы они отмokли. Она сочла, что на сегодня достаточно того, что она вымыла тарелки, стаканы и приборы, и решила встать завтра до прихода миссис Хаукинз и, вымыв, убрать кастрюли. Миссис Лилибэнкс получила удовольствие от сегодняшнего вечера, проведенного с Сиднеем, и надеялась, что ему тоже понравилось, но все никак не могла забыть о том, с каким беспокойством он говорил об Алисии. Она видела, что что-то тут не так, и вспоминала, как Алисия поведала ей, что не уверена, хочет ли иметь ребенка от Сиднея. Может быть, все-таки стоило завести ребенка? Нет, миссис Лилибэнкс считала, что с такими чувствами вряд ли стоит заводить ребенка, хотя и не сочла себя вправе выступать в роли советницы. Видимо, Алисия уехала в приступе дурного настроения, иначе сообщила бы Сиднею, куда собирается от-

правиться и когда намерена вернуться. Миссис Лилибэнкс вспомнила о вспышке гнева у Сиднея в тот вечер, когда она вместе с Полк-Фарадейсами ужинал в их доме. «Ты бьешь уже, кажется, шестой или седьмой стакан!» – воскликнул он, когда Алисия уронила стакан, и тон его был свирепый. Алисия в свою очередь сказала за столом, что муза Сиднея больше не живет у них – да-да, что-то в этом духе. Это было не слишком тактично, и миссис, Лилибэнкс видела, как и разозлился, и одновременно сконфузился Сидней.

Лучше всего быть любезной и с тем, и с другим и не вмешиваться в их дела.

Уже собираясь спать и надев ночную рубашку и красный шерстяной пеньюар, миссис Лилибэнкс бросила последний взгляд на свою новую картину. Там была изображена желтая ваза с белыми розами, голубоватосиреневыми клематисами. Хотя она и производила неплохое впечатление, но уже казалась ей не столь удачной, как тогда, в пять часов, когда закончила ее. И не столь удачной, как если бы она всю свою жизнь посвятила живописи, а не только воскресенья.

Говорят, искусство – это долготерпение, а жизнь так коротка!

VII

В напряженном ожидании Алисия сидела в чайном салоне «Эклер» в Брайтоне. Она заказала чай и кусочек шоколадного торта. Было воскресенье, одиннадцать часов утра. Алисия ждала Эдварда Тилбери, который должен был прийти с минуту на минуту. В пятницу, сойдя с поезда на Ливерпульском вокзале, она взяла такси до вокзала Виктория и купила билет до Брайтона. Перед тем, как уехать (поезда ходили каждый час), она решила сделать кое-какие покупки в Вест-Энде. Сдала чемодан и доехала на автобусе до Пикадилли, заглянула в «Фортнум» и «Мейсон», любимые магазины ее матери. В старые добрые времена они с матерью ходили в «Фортнум». Тогда они не думали о деньгах и покупали все, что хотели, а потом пили чай с чудесными пирожными в чайном салоне магазина, где всегда было многолюдно. Мать казалась усталой, но довольной, после того как проводила несколько часов, ни в чем себе не отказывая. Сейчас Алисия позволила себе лишь купить коробку с полудюжиной носовых платков, на которых был вышит в углу четырехлистник. Выходя из «Фортнума», она столкнулась лицом к лицу с человеком, с которым познакомилась не так давно у Инес и Карпи. Она забыла его имя, но он сам обратился к ней, приподняв шляпу:

– Здравствуйте! Алисия! Я – Эдвард Тилбери.

Лет тридцати, худощавый брюнет с карими глазами. Он был хорошо одет. Алисия вспомнила, что в тот вечер, когда они познакомились, на нем был тоже хороший костюм. Эдвард сказал тогда, что работает адвокатом. Он настойчиво ухаживал за ней весь вечер и пригласил поужинать на следующий день. А Алисия ответила, что на следующий день уезжает с мужем домой в Саффолк. Эдвард, мило смутившись, попросил извинения. По правде говоря, Алисия сама его немного поощряла. Это было после очередной сильной ссоры с Сиднеем, тот весь вечер просидел молча в углу комнаты.

– Хотите чего-нибудь купить? – спросила Алисия.

– Да. Но не срочно. Ищу что-нибудь для кухни. С удовольствием перенесу покупки на завтра, если вы согласитесь пообедать со мной.

Было десять минут второго. Они пообедали у Овертона, что недалеко от вокзала Виктория. Обед прошел замечательно, они обнаружили много сходного в своих вкусах, – например, любовь к морю, к браку, к Антониони... Алисия сообщила, что собирается провести несколько дней в Брайтоне, отдохнуть там от домашних забот.

– Если вы не уедете раньше, я с удовольствием провел бы с вами воскресенье, – сказал Эдвард. – Если вы, конечно, ничего не имеете против.

Алисия немного разволновалась, но сказала себе, что речь в конце концов идет всего об одном дне.

– Хорошо, только я еще не знаю, где остановлюсь. Будет лучше, если мы встретимся на вокзале.

– Я приеду на машине.

Тогда Алисия предложила «Эклер», первое место, которое пришло ей в голову. Они чудесно провели этот день. Победав б «Ангус Стик Хауз» и побродив по дюнам, они отправились на машине в «Плу Инн» в Пайкомбе, где пили чай, а потом сидели на пляже в шезлонгах, любуясь последними лучами заходящего солнца. Эдвард оказался очень милым и покладистым человеком, и это было приятно Алисии, привыкшей к вечному дурному настроению Сиднея. Он ни разу не упомянул имени ее мужа, да и Алисия тоже. Она боялась, что Эдвард заговорит о нем и заподозрит, что между ними произошла серьезная ссора. Сдержанность Эдварда внушила ей большое уважение к нему.

– Вы встречались в последнее время с Инес и Карпи?

– Нет, с того вечера ни разу. (Эдвард на мгновение повернулся и улыбнулся. Он вел машину.) Я не очень близко знаком с ними.

Алисия испытала облегчение. Она не хотела, чтобы их общие друзья в Лондоне знали, что Эдвард приезжал к ней в Брайтон. Эдвард, конечно же, это понял. Она чувствовала, что он никому ни о чем не скажет. Вряд ли у них могли быть еще какие-нибудь общие знакомые, кроме Инес и Карпи. К тому же, эти две женщины обычно приглашали к себе людей, которых едва знали и сами. И еще она решила, что Эдвард,

несомненно, лучше воспитан и образован, чем большинство людей, которых Инес и Карпи принимали у себя. Одно смущало Алисию – то, что он очень быстро, хотя и умело водил машину. Она боялась быстрой езды и с большим трудом выносила самолеты. Последний раз она возвращалась на самолете из Парижа несколько лет назад, но до сих пор вспоминала это путешествие как кошмар.

Они поужинали вместе. Нет, это было чудесно: ни о чем не заботиться, ни в чем себе не отказывать и не думать о деньгах. Около десяти часов Эдвард уехал в Лондон. Прощаясь с ним, Алисия испытала грусть.

VIII

На следующий день, в понедельник, в десять часов вечера, Сидней отпечатал последнюю строчку второй части сценария о Лэше; в этот раз Лэш убил мужа женщины, к которой не испытывал никаких чувств. Муж был почти полным ничтожеством – почти, потому что нужно было оттенить его садистские наклонности, эгоизм, пьянство и склонность какими-нибудь второстепенными чертами, иначе персонаж лишился бы всякого правдоподобия. Было невозможно испытывать к нему симпатию, и Сидней уже видел, как телезрители: мужчины, женщины, дети – радуются, когда Лэш душит его. Лэш не оставляет после себя улики, а жена убитого тоже вне подозрений, поскольку Лэш вел ей уехать на уик-энд километров за сто от места преступления.

Сидней написал:

«10, понедельник, 22 часа.

Алекс, старик, посылаю тебе еще один сценарий, он хорош настолько, что и сам Робин Гуд покажется ничтожеством рядом с Лэшем. Не стоит отчаиваться из-за этого отказа. Их нужно подстегивать нашими историями до тех пор, пока их остекленевшие глаза не откроются и ни не поймут, как хороши наши истории. Держу пари, в следующем году мы будем писать на нашем собственном острове, где-нибудь в Греции.

Твой Сид.»

Напевая песенку, сочиненную им самим на мотив известной мелодии, Сидней спустился на кухню и налил себе виски. Он был доволен, что Алисии нет дома, ему казалось, что в ее отсутствие у Лэша появился шанс.

На самом же деле Алисия была мертва. Он столкнул ее с лестницы в то самое утро, когда она должна была уехать. Ее чемодан скатился с лестницы вслед за ней и раскрылся, и пол гостиной был завален одеждой и содержимым ее сумочки. У самой же Алисии были сломаны шейные позвонки, и крови не было. Сидней завернул ее в старый красно-синий ковер и положил на пол напротив входной двери. Собрал ее вещи, засунул сумочку в чемодан, чемодан – в машину и поехал... куда же? В Товард Парем, в десяти километрах от их дома, там был небольшой лесок. В Саффолке трудно отыскать лес, где можно было бы спокойно выкопать яму, но Сидней все-таки зарыл чемодан и, проехав еще метров пятьсот, начал копать вторую яму, побольше. Он собирался зарыть тело завтра. Стояло лето, и густая листва заслоняла все так, что его нельзя было увидеть с дороги. Это было в пятницу, после обеда.

Утром в субботу, едва запели птицы и рассвело настолько, что можно было различить предметы, Сидней завернул тело Алисии в ковер и вышел через заднюю дверь, направился к машине. Миссис Лилибэнкс смотрела из своего окна – бог знает, что она наблюдала в такое время, – возможно, она

всегда так рано вставала – и увидела, что он несет на плече тяжелый ковер. Если миссис Либлибэнкс спросит, он скажет, что просто захотел избавиться от старого ковра, который лежал в гостиной. Впрочем, позже, вечером, она его ни о чем не спросила (видимо, потому что ничего не увидела утром). А может и увидела, но не сочла нужным спрашивать Сидней. В субботу после обеда он позвонил и Полк-Фарадейсам, и Инесс Карпи, чтобы подготовить алиби. Через несколько дней будет произведен розыск в отелях Брайтона и Лондона, в судовых, железнодорожных и авиационных компаниях (хотя Алисия терпеть не могла самолетов, о чем Сидней всем и расскажет.) Алисия не вернулась и не давала о себе знать.

Сообщат родителям Алисии, и они непременно приедут из Кента. Сидней расскажет им – вероятно, это будет в четверг или в пятницу – что посадил Алисию в пятницу утром на поезд в Ипсвиче. Лучше сказать, что в Ипсвиче, а не в Кэмпси Эш, потому что Ипсвич гораздо многолюдней и, следовательно, было гораздо меньше шансов, что кто-нибудь мог их заметить. Он решил, что откажется от пятидесяти алисиных фунтов, потому что на самом деле они ему были не нужны. Классическое убийство жены в ванной ради столь незначительной выгоды – это не в его духе.

Во вторник Сидней вновь принялся за «Стратегов». Ему оставалось допечатать около двадцати страниц, но, поскольку он попутно еще и правил текст, все вместе должно было занять не меньше дня работы. Вскоре после полудня перед

домом остановилась машина. Сидней услышал ее шум, но продолжал печатать, решив, что если это красильщик или кто-то еще в том же роде, то он сам позвонит в дверь. Машина отъехала, а Сидней услышал, что внизу кто-то отпирает замок.

– Сид! – это был голос Алисии.

– Привет, – равнодушным голосом сказал он, выходя на площадку. Он остановился перед лестницей и облокотился на перила. Алисия стояла внизу с чемоданом в руке. На ней был ее самый красивый костюм и туфли на высоком каблуке. – Хорошо погуляла?

– Да, спасибо. А ты смог поработать? (Она стаскивала левую перчатку.)

– Неплохо, – сказал Сидней спускаясь по лестнице. – Тебе помочь отнести? (Он взялся за ручку чемодана).

– Ничего, он не тяжелый.

Сидней поднял чемодан и отнес его в комнату. Алисия двинулась следом.

– Извини, что не послала тебе открытку, Сид, ко мне так не хотелось. Надеюсь, ты не слишком беспокоился?

Она впервые извинялась за то, что не послала открытку.

– Нет, ни я, ни кто-нибудь другой ничуть не беспокоились.

– Кто это... другой?

– Ну, скажем, миссис Лилибэнкс. Или Алекс с Хитти.

– Я надеюсь, ты сказал им, что я уехала, просто чтобы побыть одной?

Сидней нахмурился. Впервые у него появилось подозрение, что Алисия уезжала на свидание с мужчиной. Она казалась ему напряженной. Он спрашивал себя, кто бы это мог быть, но никто не приходил ему в голову.

– Ты видела что-нибудь интересное?

– Нет, – равнодушно ответила Алисия, и если ее лицо что-нибудь и выражало, Сидней все равно не заметил, так как в этот момент она снимала свой свитер.

Около двух часов он услышал, как она открыла заднюю дверь и вышла. Сидней посмотрел в окно и увидел, как она через сад направляется к дому миссис Лилибэнкс. Сидней почувствовал голод и спустился вниз в кухню. Проходя через гостиную, он увидел, что Алисия забрала свою почту. Ей пришло три или четыре письма, одно из них – от матери. Жуя булочку с горячей сосиской, Сидней сварил кофе. Алисия приготовила жаркое из свинины, картошку и овощи и оставила все на столе, как обычно. Нет, ее присутствие совсем не радовало его. У него было даже предчувствие, что ее приезд как-то повредит успеху сценария, который он отослал Алексу утром из Ипсвича.

Он проработал часов до шести и затем вышел, чтобы покопаться немного в грядках. Срезал несколько диких роз возле гаража и отнес их в дом, чтобы поставить в воду. Алисия готовила ужин, и Сидней занялся салатом.

– Ты очень молчалив, – заметила она.

– Со мной за это время не произошло ничего примеча-

тельного.

– Я слышала, ты ужинал у миссис Лилибэнкс.

– Да. Очень хорошо поел. Это было в субботу.

– Надо будет пригласить ее на днях.

Сидней ничего не ответил, он был занят приготовлением соуса.

– Чем ты теперь занимаешься? «Стратегами»? Сидней глубоко вздохнул и сказал:

– Написал новый сценарий о Лэше и отправил Алексу. И снова вернулся к «Стратегам».

– А что если вам с Алексом делать документальные фильмы примерно на час? Даже не совсем документальные, а просто передачи на какую-нибудь определенную тему. Например, о проблемах жилья или об отношении церкви к вопросу контроля за рождаемостью?

Сидней посмотрел на нее в некотором замешательстве.

– Последние статьи в «Тайме» о телепрограммах были посвящены как раз таким передачам. Администрация и рабочие. Или еще что-то, ты понимаешь.

Она сливала воду из кастрюли с вареной картошкой.

– Ты предлагаешь нам бросить Лэша и заняться чем-нибудь в этом роде? Но я не имею ни малейшего представления о том, что происходит на английских заводах.

– Я тебе ничего не предлагаю. Мне и в голову не приходило – с неожиданной враждебностью сказала она. – Я просто говорила о том, что сейчас пользуется спросом. Публи-

ка устала от дурацких развлечений, она хочет участвовать в обсуждении проблем... Во всяком случае, у меня такое впечатление.

– Я бы все-таки хотел попытаться счастья с «Лэшем».

– Ты мог бы делать и то, и другое одновременно.

– И еще и «Стратегов»? Но у меня так ни на что не хватает времени!

Алисия не считала, что это так уж много: делать одновременно три дела.

– Я хотела сказать, что железо надо ковать, пока оно горячо. Вот и все. Ты сам мне когда-то об этом говорил. Для того чтобы сценарий успел пройти всех, нужно не меньше месяца, да?

– Как минимум. А я могу написать о Лэше пять, шесть, семь серий. Мне кажется, это прекрасная идея и хорошее развлечение, и в нем нет ничего дурацкого.

– Я никогда и не говорила, что твой «Лэш» дурацкий! Алисия вздохнула.

Сидней сделал два коктейля и протянул один Алисии.

– Он не дурацкий, – согласился он, но поскольку это замечание прозвучало спустя не меньше двух минут после слов Алисии, оно неловко повисло в воздухе.

Алисия взглянула на Сиднея и почувствовала, в себе странное безразличие. Ей показалось абсурдным относиться к историям о Лэше так серьезно, словно речь шла о «Короле Лире» или «Дон Кихоте». Теперь эти истории были для нее

не более значительными, чем рекламные объявления. Сидней же настолько серьезно относился к возможности продать их, что, если он не остановится, то жизнь ее грозит превратиться в сущий ад. Неожиданно Алисии захотелось вновь очутиться в Брайтоне вместе с Эдвардом и провести с ним весь вечер, и ночь...

– Ну что же, будем надеяться, что ты продашь его, – сухо сказала она и отвернулась к раковине.

Каждый звук этой фразы вызвал раздражение у Сиднея. Когда будет отвергнут второй, а потом и третий сценарий, она наверняка скажет: «Видишь, я же тебе говорила».

– И все-таки я буду продолжать свои попытки, – так же сухо ответил он.

В четверг за завтраком Сидней предложил съездить в Ипсвич. Всегда можно найти повод для поездки: библиотека, что-нибудь, чего не купить во Фрамлингеме, обед или ужин в китайском ресторане, чтобы хоть как-нибудь разнообразить меню, но Сидней предложил съездить в четверг – ему просто захотелось сменить обстановку. Алисия согласилась, хотя и без особого желания. Сидней чувствовал, что она уже презирает его и считает недостойным себя. Но, с другой стороны, она обладала слишком мягким характером, чтобы решиться бросить его. Развод, видимо, казался ей делом слишком сложным и наверняка не порадовал бы ее родителей. Сидней прекрасно видел, что она, как и он, ждала какого-нибудь проявления ненависти или любви, – чтобы решиться на что-

то. Если, к примеру, Алисия обнимет его и скажет: «Сидней, дорогой, я люблю тебя, продашь ты что-нибудь или нет», – возможно, все и переменится... Или если он сам найдет в себе силы и подойдет к ней со словами: «Алисия, я и сам понимаю, что в последнее время стал не слишком приятным, но обещаю исправиться и больше не буду вести себя так». Но на самом деле они продолжали жить словно два старика, не выходя из наезженной колеи: вставали, завтракали, заправляли постель, подметали на кухне, и все это – в полном безмолвии; в их отношениях не было неприязни, они просто терпели общество друг друга.

Когда утром в четверг они выходили из дома, зазвонил телефон, и, поскольку ближе к телефону оказался Сидней, он и снял трубку. В этот момент он заметил встревоженное выражение на лице Алисии, а следом – деланное равнодушие, с которым она смотрела в открытую дверь, ловя вместе с тем каждое слово разговора. Может быть, боялась, что звонит мужчина?

– Алло! – сказал Сидней.

– Сид, это Алекс. Утром получил твой сценарий и теперь звоню с работы. Мне он очень понравился.

– Тем лучше. У тебя есть какие-нибудь замечания по тексту?

– Мне кажется, нужно уделить немного больше внимания подозреваемому, другу жены. Сделать так, чтобы в глазах полиции он действительно выглядел виновным. Но я напишу

об этом. Я, собственно, звоню, чтобы узнать, вернулась ли Алисия?

– Да, во вторник.

– Прекрасно. Но ты сказал это каким-то подавленным тоном, – заметил Алекс, как будто с усмешкой, словно муж и должен был быть в подавленном настроении из-за возвращения жены.

– Возможно, так оно и есть.

– Надеюсь, что в следующий раз тебе повезет больше, старик. Может, она и совсем не вернется. (Алекс вдруг заговорил зловещим голосом.) Может быть, Алисия – алкоголичка, кто знает, что она делает в Брайтоне. О, ее муж расстроен, но знает нечто такое... (Алексу показалось, что он пошутил удачно, и он расхохотался.)

Деньги Алисии. Эта мысль весьма и весьма во вкусе Алекса.

– Благодарю тебя за добрые пожелания. Только бы не сглазить, когда это произойдет в следующий раз.

– Три минуты кончаются. Я пошлю письмо, поцелуй за меня Алисию.

Алисия, все это время стоявшая в дверях, вышла.

Направляясь в библиотеку поменять книги, Сидней предложил Алисии взять и для нее, но она отвечала, что дома у нее есть несколько книг, которые она еще не прочла. Возможно, она купила их в Брайтоне, и у нее еще не было времени прочесть, подумал про себя Сидней. Они договорились

встретиться на стоянке «Кокс Лейн» через полчаса. Сидней отправился прогуляться, и ноги привели его к магазину подержанных вещей, где он видел бинокль.

На витрине было выставлено множество интересных вещей: медные трубы, старые солдатские ранцы, кованые сундуки времен Веллингтона, но бинокль исчез. Сидней просмотрел еще раз все, что было свалено на витрине, и заглянул внутрь магазина, но так и не увидел его. Конечно, его уже могли купить. Сидней был слишком робок для того, чтобы зайти и спросить про бинокль, к тому же он не был уверен, что хочет его купить и что у него хватит денег. Он повернулся и пошел назад к торговому центру, где была стоянка.

Небо нахмурилось, и слегка накрапывал дождь. Предусмотрительные прохожие раскрыли зонтики, а потом, когда дождь полил сильнее, люди побежали. Алисия стояла рядом с машиной, под плащом, она прижимала к себе пакеты и оттого была похожа на беременную. Рядом стояла корзинка для продуктов, наполненная доверху.

– Я выбрала подходящий день, чтобы забыть свои ключи, – смеясь, сказала она.

– Извини.

Сидней слизнул дождевую воду с верхней губы и поспешил открыть машину.

Все время, пока они в полном молчании ехали назад, шел дождь. Так же молча они распаковали покупки. Наконец Алисия сказала:

– Я купила печенку на ужин. Печенку и бекон.

– Хорошо.

В этот момент зазвонил телефон.

– Наверное, миссис Лилибэнкс, – сказал Сидней, – ты пойдешь к телефону?

Алисия ушла, он продолжал разбирать покупки. Алисия вернулась на кухню, она улыбалась:

– Это снова Алекс. Он пригласил нас к себе на ужин в субботу. Сказал, что мы сможем переночевать у них.

Они уже как-то оставались у Полк-Фарадейсов и спали на раскладном диване в гостиной.

– Мне не хочется туда ехать. Поезжай ты, если хочешь.

– Алекс сказал, что там будет Хочкисс, и он хочет тебя с ним познакомиться.

Хочкисс был молодой автор, пишущий для издательства, в котором работал Алекс. Алекс как-то говорил Сиднею, что тому двадцать шесть лет. Как Китсу.

– Мне и в самом деле не хочется к ним. Можешь взять машину и отправиться сама. Или поезжай до Ипсвича, а там сядешь на поезд.

– Ну пожалуйста, Сид... Алекс будет ждать тебя.

– Я не могу, – упрямо повторил Сидней. – Езжай одна. (Ему надоело повторять, и он был готов уже закричать.) Скажи, что у меня работа.

Алисия вернулась к телефону, проговорила еще минуту и вернулась. Выходя их кухни, Сидней даже не взглянул в ее

сторону.

Оба они забыли пообедать, а по виду, с которым Алисия ходила по дому, он понял, что она не собирается никуда ехать в субботу.

В восемь часов утра Алисия выставляла пустые молочные бутылки за дверь, когда приехал почтальон и вручил ей почту. Счет от Истерн Электрик и письмо для нее. Она сразу поняла, что оно от Эдварда Тилбери, сложила его, сунула в карман халата и прочла после завтрака, в мастерской. Тон письма развеселил ее: Эдвард церемонно благодарил ее за приятный день, который они провели в Брайтоне, и выражал надежду, что она уже дома и чувствует себя отдохнувшей после короткого путешествия к морю.

«... Ваше общество было мне очень приятно, и я буду счастлив сопровождать вас или присоединиться к вам, если вы решите снова совершить поездку в эти места...»

Он посылал ей свой адрес и номер телефона на Слоан-стрит, сам же не указал адреса и имени отправителя на конверте. Алисия поняла, что причиной тому было его нежелание, чтобы Сидней увидел адрес и стал задавать вопросы. Эта таинственность и то, что Эдвард выражал желание вновь встретиться с ней, приятно взволновали Алисию, и весь остальной день она была счастлива, даже несмотря на то, что вся промокла в Испвиче. Но отказ Сиднея ехать к Полк-Фарадейсам все испортил. У Сиднея не было никаких причин отказываться от приглашения и никаких особых дел,

он просто делал все назло, из свойственной ему сварливости, что было в его характере. В четыре часа Алисия пошла к миссис Лилибэнкс, ей просто необходимо было уйти из дома. Она сказала миссис Лилибэнкс, что неплохо провела время в Брайтоне, и показала несколько этюдов, написанных там, но об Эдварде Тилбери не обмолвилась ни словом.

Между тем Алисия много думала об Эдварде и даже жалела, занимаясь ужином, что готовит не для него, а для Сиднея. Временами ей казалось, что Сидней ее просто ненавидит, ненавидит настолько, что может убить, если его никто не остановит. Она чувствовала, как сильно он страдает из-за того, что у них постоянно нет денег, и знала теперь – Сидней считает, что Алисия приносит ему несчастье в его работе. Она была уверена, что его глупая, банальная история о Лэше также обречена на провал, и не хотела оказываться рядом, когда это произойдет. А произойти это должно скоро.

Около половины восьмого Сидней спустился на кухню что-нибудь выпить. Алисия только что налила себе виски. Когда он посмотрел на печенку, бекон и мозги, выставленные на столе, лицо его помрачнело. В руках Сидней держал помидор и латук, принесенные из огорода.

– В чем дело? – спросила Алисия.

– Это из-за печени. Меня от нее немного тошнит.

Временами Сидней не выносил вида сырого мяса.

– Я тебя понимаю. Но, к сожалению, она полезна для здоровья, – сказала Алисия довольно резким тоном. – Должно

быть, и вторую половину дня ты провел отвратительно?

– Нет, ты не угадала.

Он начал готовить соус для салата.

– А если бы меня не было дома, ты бы поехал к Полк-Фарадейсам? А? – спросила Алисия.

Подняв голову, Сидней посмотрел на нее.

– Нет. Почему ты так говоришь?

Потому что, если бы ее не было, Сидней бы не пытался ее обидеть, ответила она самой себе. Он хотел поехать, но еще больше ему хотелось не дать ей поехать туда. В какой-то момент Алисия решила было отправиться одна, но затем передумала, зная, что одной ей будет неинтересно, да и к тому же придется самой проделать весь длинный путь до Лондона и обратно.

– Тебе ведь иногда хочется меня убить, верно, Сид? Он озадаченно посмотрел на нее.

И Алисия поняла, что попала в точку.

– Бывают моменты, когда ты хочешь избавиться от меня, или, может быть, это желание всегда сидит в тебе. Я словно персонаж из твоих историй, и ты волен меня уничтожить, когда захочешь.

Он оглядел наполовину очищенную картофелину в ее правой руке и нож для чистки – в левой.

– Что ты устраиваешь представление!

– Тогда почему бы нам не сделать вид, что я уничтожена на время? Я могу уехать на несколько недель, и ты сможешь

работать сколько пожелаешь... – Голос ее немного дрожал и она сердилась на себя за это. – И потом поглядим, что из этого получится, ладно? Сидней поджал губы и выдавил:

– Ладно.

– Ты... останешься здесь? Он кивнул.

– А ты, наверное, поедешь к своей матери? Это будет самый лучший вариант.

– Наверное, да, Сид. Похоже, мы с тобой переживаем сейчас какой-то ужасный кризис, и чтобы выйти из него, нам нужно предпринять самые энергичные меры. Надеюсь, все еще может измениться. Ты согласен?

– Согласен.

– Давай договоримся какое-то время не общаться.

– Обещаю.

– Даже если меня долго не будет. Я буду посылать тебе весточки... когда захочу. Возможно, и ты не захочешь меня больше увидеть.

На этих словах голос ее сильно дрогнул, и Сидней отвел глаза в сторону, ощутив неловкость.

– Хорошо, Алисия, я согласен. Уезжайна сколько... насколько захочешь, – произнес он почти ласково, как давно уже не говорил.

IX

– Можешь говорить, что я у своей матери, – сказала Алисия утром, в ответ на единственный вопрос, который задал ей Сидней: что ему отвечать, когда будут спрашивать, где она?

В тишине гостиной эта фраза прозвучала гулко. Сидней медленно бродил по комнате. Теперь он остался один, и, вероятно, надолго. Они еще раз обсудили этот вопрос, после того первого разговора, в четверг.

Друзьями отъезд Алисии не будет представляться ни разрывом, ни испытательным периодом, ни разводом, одним словом – ничем таким, на что можно было бы наклеить ярлык. Они договорились: в случае расспросов Сидней будет отвечать, что они просто захотели поработать некоторое время порознь. Взгляд его остановился на медной копии отпечатка ноги сэра Роберта Берне висящей над маленьким львом. Это была статуя, которую он видели в церкви Эктона. Они Алисия в тот день были близки, очень близки, Они устроили пикник в машине, потому что шел дождь, потом вернулись домой и занимались любовью, а позже перевели изображение с кальки на пурпурный бархат, чтобы после вставить в рамку. Тогда еще они посмотрели Лавенхем и церкви Лонг Мелфорда. Алисия делала наброски, а Сидней писал заметки, которые, как ему казалось, когда-нибудь

смогут пригодиться. Однажды он даже собирался их как-то использовать.

Сидней вяло поднялся на второй этаж, пытаясь заставить себя сесть за машинку, он был на 262-й странице, и ему осталось напечатать еще не больше пяти. Затем нужно перечитать и отправить двум новым издателям, оригинал в Америку, копию – в Лондон, а один экземпляр оставить у себя. Остановившись в коридоре, Сидней заглянул в открытую дверь гостевой комнаты. На глаза ему попался край красно-синего ковра, свернутого вдоль противоположной стены. Ну что ж, надо идти до конца, сказал он себе. Необходимо узнать, какое это произведет впечатление. Такую идею можно будет использовать в книге. Так, по крайней мере, считают психиатры. Он направился к лестнице, думая о том, что нужно немедленно начать копать яму, но тут же остановился. Подобные дела надо делать утром, пораньше, – вот когда этим следует заняться. Если завтра он проспит, тем хуже для него. А скорей всего, он вообще этого не сделает.

Хотя Сидней много работал днем и спокойно провел вечер за чтением книг, он долго не мог заснуть. Какой-то стук с первого этажа доносился до него и, когда он наконец встал – пойти посмотреть, что это было, – то обнаружил всего лишь форточку в гостиной, стучавшую от ветра. Сидней снова лег и на сей раз заснул. Проснулся спустя несколько часов, но с более ясной головой, чем обычно у него бывало при пробуждении. За окном было еще настолько темно, что он с трудом

разглядел стрелки на своих наручных часах. Десять минут пятого. Теперь или никогда, сказал он себе, хотя причиной пробуждения не была никакая срочная нужда, а твердая решимость исполнить задуманное. Спустился вниз, поставил вариться кофе, снова поднялся, надел старые холщовые штаны, теннисные тапочки и шерстяную рубашку. Выпив кофе, отправился в кладовку, взял там вилы и положил их в машину на пол. Задним ходом вывел машину из гаража и поставил за домом.

Поднявшись в гостевую комнату, Сидней взвалил на плечо свернутый ковер, представляя себе, что тот весит больше, чем на самом деле – словно в нем спрятан труп Алисии. Выйдя через заднюю дверь, он положил ковер на заднее сиденье машины. Сидней отметил, что даже пустой ковер был не так уж легкий, а с телом внутри он едва ли смог его нести. Нужно будет запомнить это для следующей книги. Сидней оглянулся по сторонам. Никого. Никого, если не считать нескольких чирикающих птичек. Окна миссис Лилибэнкс были темными. Он тронулся с места. Лес, который он выбрал, находился в десяти километрах отсюда. Свернув с фрамлингемской дороги, Сидней поехал другой, очень прямой, обсаженной по обеим сторонам высокими деревьями, сразу за которыми начинался лес. Ни одна машина не обогнала его, и лишь навстречу попался один грузовик. Наконец Сидней остановился опушке с левой стороны дороги.

Вытащив вилы, он шагнул в лес. Пройдя метров пятьде-

сят, нашел крохотную лужайку, на которой не было ни единого дерева, лишь редкая трава. Он начал копать от самого ее края. Это оказалось очень медленным и трудным занятием, даже несмотря на то, что почва была мягкой, и Сидней пожалел, что не захватил с собой лопату. С большим удовольствием он бы сложил свернутый ковер пополам и слегка присыпал бы его землей, но он заставил себя выкопать длинную яму, словно ему нужно было скрыть в ней настоящее тело. Яма получилась больше метра глубиной. Когда мимо проходила какая-нибудь машина, – их было всего три – Сидней не видел ни одной сквозь густую листву, слышал только шум мотора. Из этого он заключил, что никто не сможет увидеть и его самого. Выкопав могилу почти нужной глубины, он вернулся к машине за ковром. Солнце уже осветило верхушки деревьев, стало немного светлее. Едва он снова взвалил ковер на плечо и закрыл дверцу, мимо промчался большой зеленый грузовик и на такой скорости, что ветер от него слегка растрепал волосы Сиднея. Отыскав свою лужайку, Сидней положил ковер на траву и снова с тем же упорством принялся углублять яму, пока она не стала еще сантиметров на пятнадцать глубже по всей длине. Ему никак не удавалось справиться с толстыми корнями, которые попадались внизу. В конце концов он спрыгнул в яму и притоптал их ногами. Когда Сидней скатил ковер в яму, то почувствовал такую усталость в руках, что ему почти поверилось, что в ковре было на самом деле что-то завернуто, настолько тот

был тяжелым. Если бы внутри было запрятано тело, подумалось ему, страх прибавил бы мне сил. Вилами он забросал яму землей и теперь, как настоящий преступник, почувствовал себя в безопасности: тело было надежно захоронено. Он немного притоптал землю и вилами уничтожил следы своих ботинок вокруг.

Вернулся к машине и внимательно поглядел назад, в направлении «могилы», ничего не бросалось в глаза. Окурок единственной выкуренной сигареты разорвал и развеял по ветру. Какие еще следы он мог оставить? Примятая трава? Но тут понадобился бы этакий супер Шерлок Холмс, чтобы увидеть это после первого же самого слабого дождя, и уж совершенно гениальная интуиция могла связать примятую траву с Сиднеем Бартлеби. Да, это был ковер, и Эббот, возможно, запомнил, что продал ковер ему; да и друзья могли узнать ковер, но ведь, в конце концов, внутри ковра не было ничего. И Сидней завел мотор. Яркие пятнистые тени от листвы раскрасили дорогу. День обещал быть ясным.

X

Воскресенье прошло спокойно. Сидней начал перечитывать «Стратегов», но не испытал при этом особого оптимизма. В последнем варианте первая часть логически подводила ко второй, и это, по крайней мере, доказывало наличие интриги и обещало развязку.

В понедельник, в шесть часов вечера, миссис Лилибэнкс принесла Сиднею крыжовника. Сидней пригласил ее в дом.

– Он стоит три шиллинга шесть пенсов килограмм, я же не могу съесть больше, чем полкило, – сказала она – может быть, вы сделаете себе мармелад со сливками или это для вас слишком сложно?

– Я люблю, но никогда не делал сам, – ответил Сидней. – Этим всегда занималась Алисия.

– Если хотите, я могу приготовить для вас, мне ведь все равно делать себе. Мне не трудно, нужно только обрезать хвостики и протереть ягоды через сито, – она улыбнулась. – Вы можете зайти за своим мармеладом сегодня в половине восьмого. Так будет быстрее, чем если я сама принесу его вам.

Сидней был тронут такой деликатностью.

– Я вовсе не потеряю времени, – сказал он. – У меня его больше чем достаточно.

– Алисия сказала, что вы рассчитывали побольше порабо-

тать в эти дни. Поэтому я и не хотела вас отвлекать. В противном случае я просто пригласила бы вас к себе вчера на обед.

– Спасибо, – смущенно произнес Сидней (Он чувствовал себя не вполне в своей тарелке после чтения «Стратегов».)

Миссис Лилибэнкс оправила свой жакет и взяла миску с крыжовником.

– Как вам нравится ваша холостая жизнь? – спросила она, направляясь к двери.

– Может, вы немного посидите?

Он только сейчас сообразил, что забыл предложить гостье сесть.

– Нет, спасибо, я пойду. Алисия сказала, что поедет к матери, в Кент.

– Да.

– Вы не дадите мне ее адрес? Я хочу написать ей.

– Конечно, одну минуту.

Сидней пошел в гостиную за карандашом, который лежал у телефона.

– Глупо, что я сама ее об этом не спросила, – сказала миссис Лилибэнкс, идя следом за Сиднеем. – О, я вижу у вас новый ковер! Очень красивый.

– Да, – ответил Сидней, переписывая адрес. (Он почувствовал, как сердце его подпрыгнуло, словно он и в самом деле был преступником.) – Вот. Миссис Хартли Снизам, Поукс Корнер, Рейберн, Кент.

– Снизам, – прочитала миссис Лилибэнкс.

– Да, – улыбнулся Сидней. – Раньше я любил подшучивать над этой фамилией, пока не услышал другие, еще более смешные.

Миссис Лилибэнкс рассмеялась, полное ее тело затряслось.

– Лилибэнкс – тоже в своем роде неплохая фамилия. Особенно для могильного памятника, а? Моего мужа в детстве часто дразнили из-за фамилии. Он мне сам рассказывал. Представляете, в школе его звали «могильщиком».

Сидней заметил, как улыбка постепенно сходит с ее губ, видимо, она заметила, что ее собеседник больше не улыбается. Он представлял себе могилу Алисии, поросшую лилиями, и почувствовал, что бледнеет.

– Хм, забавно. Очень забавная фамилия.

– Я, пожалуй, пойду, не буду вас больше отвлекать. Не забудьте забрать мармелад до восьми часов.

Миссис Лилибэнкс вышла из кухни и направилась к двери.

Через несколько дней позвонила из Лондона Инес и сообщила, что она, Карпи и еще несколько их друзей собираются приехать к ним на пикник.

– Конечно, приезжайте, только Алисии не будет.

– Ах, как жаль! На днях я встретила Алекса и Хитти, и они сказали, что Алисия уже вернулась домой.

– Да, но потом уехала снова. Она, кажется, хотела наве-

СТИТЬ СВОЮ МАТЬ.

– Ясно. Вам будет удобно, если мы все же приедем? Мы привезем все необходимое для пикника.

– Конечно, приезжайте, – ответил Сидней. – Я позабочусь о выпивке.

– Не стоит, вина и так будет достаточно.

Сидней вспомнил, что Инес и Карпи подавали гостям только вино.

– Не беспокойтесь.

– Ой, пока не забыла, у вас есть под рукой номер телефона Алисии?

Сидней продиктовал ей номер.

Сидней решил пригласить и миссис Лилибэнкс. Старая дама приняла приглашение.

Инес и Карпи приехали со своими малышками на голубом «фольксвагене», за рулем сидел кудрявый молодой человек в драном свитере. Его звали Регги Мэллиган. Сидней узнал, что он работает в театре. Настоящим хозяином машины оказался другой мужчина, постарше и лучше одетый, он просто отдал руль своему приятелю. Погода в этот день стояла хорошая, и они устроились прямо на траве за домом, подстелив пледы.

Инес и Карпи почти все время приходилось сдерживать своих малышей, которые подбирались к тарелкам с сэндвичами и пирогами. Сидней показал гостям дом, делал он это с удовольствием, как будто водил их по собственному ро-

довому замку. Не беда, что кровати были куплены по случаю, матрасы остались от других кроватей, полки и комоды пережили ремонт, а диван в гостиной был продавлен. Вряд ли все это было хуже, чем условия, в которых жили Мэллиган и его старший приятель, а потому Сидней чувствовал себя раскованно, и настроение у него было приподнятое. Он остался доволен и тем впечатлением, которое произвела на всех творческая рабочая обстановка, царившая в его кабинете: стопки бумаги, машинка со вставленным листом, отточенные карандаши.

– Сейчас я работаю над романом, который начал уже давно... – ответил он на вопрос Василия (так звали хозяина машины). – А кроме того, мы с Алексом готовим еще несколько сценариев для телевидения.

Во время обеда, когда Сиднею казалось, что все идет прекрасно, и он с удовольствием потягивал мартини, Инес вдруг сказала:

– Знаешь, Сидней, вчера вечером я звонила Алисии, но ее мать сказала, что ее там нет и что она не знает, где находится ее дочь. Не мешало бы вам выяснить, чем занимается ваша жена.

И она улыбнулась, обнажая свои ослепительно белые зубы, и все остальные тоже заулыбались.

– Странно, – произнес Сидней, – может быть, она вернулась в Брайтон. Хотя сама мне говорила, что едет к матери. Я не хотел быть нескромным.

– Нескромным?! – воскликнула Инес, и все рассмеялись.

– Может быть, она просто хотела порисовать в спокойной обстановке.

Сидней попытался сделать непринужденный жест и перевернул бокал с вином себе на брюки.

Миссис Лилибэнкс прервала свою весьма оживленную беседу с Василием и прислушалась. Сидней собирался добавить еще что-то, но передумал и промолчал. Он протянул руку, взял сэндвич с ветчиной и только потом спросил Инес:

– У ее матери был обеспокоенный голос? Регги и Карпи что-то обсуждали друг с другом.

– Да нет. Впрочем, не знаю, я не так уж хорошо знакома с ней, – ответила Инес, которая всегда выражалась очень осторожно. – Думаю она и сама хотела бы знать, где Алисия. Даже спросила, нет ли у меня каких-либо сведений... Она вам не звонила?

– Нет, – ответил Сидней и занялся своим сэндвичем. Итак, Инес и компания наверняка решили, что они с Алисией поссорились. Тем хуже. Он почувствовал неловкость, но все равно, пусть лучше думают так, чем подозревают его в ужасном преступлении. Алисия покоится теперь под землей... На четырех или, может, пяти футах. Сидней улыбнулся про себя. Он заметил, что миссис Лилибэнкс смотрит на него и, отвел глаза.

В половине пятого гости распрощались, сели в машину и уехали в Лондон. Миссис Лилибэнкс настояла на том, чтобы

помочь Сиднею помыть посуду и прибрать. Сидней думал, что она просто хочет выпытать у него что-нибудь об Алисии и об их ссоре, которая была причиной ее отъезда, но старая дама не сделала и намека на это. Зато она сообщила, что собирается посадить за домом яблоневый и грушевый сад, затем рассказала об особенностях освещения в Саффолке и том, какое влияние оказало это на творчество Констебля, и, наконец, порадовалась, что пирог с лимоном, который она принесла, был съеден до последней крошки. Когда посуда была вымыта и убрана, миссис Лилибэнкс поблагодарила Сиднея за приятно проведенный день.

– Я вас обязательно познакомлю с моей внучкой Присей, когда она приедет навестить меня. Она уже раз навещала меня, но настолько неожиданно, что я даже не успела вас пригласить. Возможно, Присей приедет в следующую субботу.

– Я с большим удовольствием познакомлюсь с ней, – ответил Сидней.

– Ей только двадцать два года, но, мне кажется, она добьется успеха на сцене, если, конечно, будет много трудиться. До свидания, Сидней, и еще раз спасибо.

– До свидания, миссис Лилибэнкс.

И миссис Лилибэнкс медленно направилась к своему дому.

Когда она вошла в гостиную, ее взгляд упал на акварель, изображавшую вазу с цветами. Это была работа Алисии.

Лист бумаги стоял на каминной доске, прижатый к стене фотографией в рамке. На фотографии была снята Марта с Присей, совсем еще крошкой. Интересно, чем сейчас занимается Алисия, счастлива ли она, спросила себя миссис Лилибэнкс. Она не сомневалась, что скоро получит от нее весточку. Возможно, Сидней знает, где она находится, но не говорит, так как Алисия хотела побыть совсем одна. В любом случае, миссис Лилибэнкс считала, что лучше не заводить с Сиднеем разговор о ней, если только он сам не начнет первым. Кажется, все это ему явно неприятно. Но почему же он все-таки улыбнулся?

В конце концов Сидней ведь писатель и бог знает, что творится у него в голове.

XI

В тот же вечер Сидней отправил матери Алисии письмо:
«9 июня.

Дорогая миссис Снизам.

Мне очень жаль, но я был вынужден давать ваш адрес в Кенте разным людям, так как был уверен, что Алисия находится у вас. Она хотела уехать на время из нашего слишком спокойного и грустного места, чтобы позаниматься живописью и побыть одной.

Алисия явно не желала сказать мне, куда собирается уехать, а может быть, она и сама этого не знала, но уверяю вас, что настроение ее в день отъезда было спокойным. Когда вы получите от нее какую-нибудь весточку, я буду очень признателен, если вы сообщите мне ее местонахождение, но только в том случае, если она сама не будет против. Знаю, она не хочет, чтобы я беспокоил ее некоторое время, потому я не вправе поступать вопреки ее желанию.

У меня ничего нового. Работаю, но, должен признаться, пока без особого успеха. Надеюсь, что и у вас с мистером Снизамом все в порядке.

Искренне ваш Сидней».

В три часа он отнес письмо на почту и потому только во вторник утром раздался телефонный звонок от миссис Снизам.

– У вас нет новостей от Алисии? – спросила она.

– Нет, я не...

– Когда она уехала?

– В позапрошлую субботу, второго июля.

– О, боже! Я уже обзвонила ее лондонских друзей, ее нигде нет, и никто не знает, где она может быть. Это мне кажется странным.

– Очень может быть, что она находится в Брайтоне. Вы знаете, она уже ездила туда на несколько дней три недели назад.

Сидней был уверен, что миссис Снизам знает об этом, ведь Алисия говорила, что отправила оттуда открытку своей матери.

– Боже! – произнесла растерянно миссис Снизам. Она извинилась и сказала что-то своему мужу, затем спросила: «Она не говорила, надолго ли собирается уехать?»

– Нет. Я думал, что на несколько недель... не знаю... Надеюсь, что вы не слишком расстроены.

– Но ведь это не похоже на Алисию: уехать вот так, никому не сказав куда?.. Одно дело хотеть побыть одной, но такая скрытность совсем не в ее духе. У нее были неприятности?

– Нет. Она сказала, что хочет уехать, вот и все.

Миссис Снизам помолчала, но Сидней услышал, что у нее вырвался вздох отчаяния.

– Вы ведь знаете, что Алисия не любит писать письма, – сказал он.

– Она всегда охотно писала своей матери. Скажите, Сидней, она не оставила вам адрес, куда можно пересылать ее письма?

– Нет. Ей пришло только три письма. И, кажется, ничего особенно важного.

– Я прошу вас, Сидней, сообщить, если получите что-нибудь от нее можете звонить за мой счет, ничего страшного. Вы остались совсем один?

– О, да.

Уж не думает ли она, что у него есть любовница?

– Всего хорошего и позвоните нам.

Сидней попрощался и положил трубку. Солнце ярко светило в окно гостиной. День был жаркий, даже слишком жаркий для Англии. Сидней подумал, что если бы он и в самом деле убил Алисию, разговор получился бы в точности таким же, и он без труда смог бы убедить мать Алисии, да и всех остальных в том, что она в Брайтоне. Возможно, она сейчас там и есть, лежит в шезлонге, погрузив ноги в песок, ее красивое лицо повернуто к: солнцу, глаза закрыты. В Брайтоне, наверное, сейчас замечательно. Тепло, легкий ветерок дует с моря. Тем временем Снизамы в своем Кенте уже забеспокоились. У них ведь никогда не было особых душевных забот. Мистер Снизам вышел на пенсию перед свадьбой дочери, у него было много денег и больное сердце, из-за чего, насколько помнил Сидней, ему нельзя есть мясо. Он страстно увлекался садоводством, выставка цветов в Челси оставалась

для него главным событием года. Миссис Снизам, худая маленькая женщина, с головой ушла в местную политическую жизнь и благотворительность. Алисия была ее единственным ребенком. Что ж, совершенно естественно, что они начали беспокоиться.

Он принялся было читать следующую страницу рукописи, но тут же отложил в сторону и достал из ящика коричневую тетрадь. В нее Сидней когда-то записал две свои поэмы, вернее, набросал на скорую руку, намереваясь как-нибудь поработать над ними, но так никогда больше не возвращался к ним. Пропустив после второй поэмы пять чистых страниц, он написал:

«11 июля. Первый и, вероятно, далеко не последний разговор с миссис Снизам. Это был ее ответ на мое письмо, отправленное в субботу, в котором я сообщил об отсутствии и молчании ее дочери. Я удачно выпутался из такой ситуации, не ощутив в себе при этом никакого беспокойства. Любопытно, поведу ли я себя так же, когда мне придется встретиться с ней лицом к лицу? Она спросила о почте, приходящей на имя Алисии. Странно и то, что Алисия не оставила мне адреса, по которому я мог бы пересылать ее корреспонденцию. Что тут можно подумать? Хуже всего, если чек, приходящий ежемесячно на ее имя, не будет востребован до второго августа. К этому времени нужно будет придумать мужчину, к которому она уехала. Лучше сделать это теперь же.»

Когда Сидней писал эти строки, у него возникло прият-

ное чувство, будто он создает нечто значительное и одновременно является убийцей. Он решил заполнить предыдущие страницы тетради, описанием убийства. Но не сейчас, а когда будет подходящее настроение. Опишет, как столкнул ее с лестницы и всю ночь ее тело пролежало дома, а наутро отвез его... При этом миссис Лилибэнкс могла видеть его и что-то заподозрить.

Ровно в пять часов снова зазвонил телефон. Снова миссис Снизам, подумал Сидней.

– Полк-Фарадейс на проводе, – раздался голос Алекса.

– Уездный писарь Бартлеби слушает.

– Сид, дружище, отгадай, что я тебе сейчас скажу. Сидней едва смог поверить своим ушам: Хитти только что из дома позвонила Алексу и сообщила, что Пламмер из «Гранады» купит сценарий «Лэш наносит удар». Для этого им нужно представить один или два законченных сценария и несколько заявок на сценарии такого же типа. Хитти прочла письмо и немедленно позвонила Алексу.

– Я еще ему не звонил, – сказал Алекс, – но, конечно, скажу, что мы согласны, верно?

– Скажи, что мы напишем ему сколько угодно таких сценариев. Ты уже посмотрел второй? – Сидней имел в виду историю об убийстве.

– Да-да, я уже почти закончил черновой вариант.

– Тогда я сейчас же сажусь за следующий.

– Ты не сможешь приехать сегодня, чтобы обсудить твою

идею вместе? Конечно, если она у тебя уже есть.

Сидней заколебался, он боялся, что, встретившись, они засыпят друг друга дифирамбами и не успеют сделать ничего полезного – Спасибо, но будет лучше, если я останусь дома и как следует повкальваю.

– Ладно, только не воспари слишком высоко. Как Алисия? Жаль, что вы тогда не приехали. Она ведь хотела, а ты все испортил.

– Да, мне тоже очень жаль. Но в те выходные я хотел поработать. Она ведь могла поехать и одна. Вот закончу свой роман...

– Поцелуй Алисию за нас. Сидней глубоко вздохнул и сказал:

– Алисии нет дома. Кажется, она вернулась в Брайтон.

– Опять? Когда же она придет? Черт бы побрал его любопытство!

– Возможно, на этот раз Алисия задержится. Недели на три.

– Когда она позвонит, передавай ей привет. Пока, старик.

Взволнованный этим неожиданным известием, Сидней побежал было наверх, снял трубку и позвонил Алисии, чтобы сообщить ей эту новость. Хотя она наверняка и так все узнает от друзей. Впрочем, какой абсурд! Она мертва и покоится в земле, сказал Сидней себе, улыбнувшись, и поднялся в свой кабинет.

XII

Миссис Эдвард Понсоби – иначе Алисия – остановилась в Брайтоне в месте более комфортабельном и дорогом, нежели пансион, где жила в первый раз. В том комендантский час, т. е. время, когда владелец ложился спать, начинался в десять часов, о чем сообщала табличка на двери. Теперь она жила в настоящем, хотя и скромном отеле «Синклер» и занимала номер без ванной комнаты. Чек на пятьдесят фунтов пришел второго июля, как раз в день ее отъезда, и она успела получить по нему деньги в банке Ипсвича. Там у них с Сиднеем был общий счет, и на нем лежало сто фунтов, но Алисия не стала снимать деньги, ей не хотелось делать это без ведома Сиднея и, кроме того, выдавать свое местонахождение. Она собиралась жить на свои пятьдесят фунтов как можно дольше, а за это время подыскать подходящую работу, но не в Лондоне, а в каком-нибудь маленьком спокойном городке. За неделю в отеле ее счет сократился на девять гиней, но она умела экономить на еде и верила, что сможет без труда дотянуть до следующего чека. Конечно, она может существовать так от чека до чека, но зато вскоре рискует соскучиться, если не найдет работы. Она пока не слишком хорошо себе представляла, каким образом ей удастся получить следующий чек: они приходят в Ронси Нолл, а Сидней не знает, куда их переправлять. Нельзя, чтобы банк и, сле-

довательно, Сидней, знали, где она находится. О почте своей Алисия не беспокоилась. А если ее не интересуют даже письма, приходящие на ее имя, тогда несомненно, возникнет впечатление, будто она и в самом деле перестала существовать, и Сидней сможет этим воспользоваться. Алисия предполагала, что Сидней изо всех сил будет притворяться перед самим собой виновным в ее убийстве.

Любопытно, как далеко он в этом пойдет. Это будет зависеть от его душевного равновесия и степени зрелости. Алисия же с недоверием относилась и к тому, и к другому в своем муже.

Она думала позвонить Эдварду Тилбери и пригласить его в Брайтон на воскресенье. Или на уик-энд. Хотя, конечно, у него могут быть и другие планы, в Лондоне столько соблазнов. Но Алисия, не переставая, мечтала о том, как Эдвард приедет в субботу, они запишутся под чужими именами в каком-нибудь отеле и проведут вместе безумные два дня. Между ними зародится настоящая любовь, и это вынудит ее предпринять серьезные шаги, например, потребовать развода у Сиднея. Или же Эдвард возьмет месяц отпуска, и они снимут где-нибудь коттедж. Или Эдвард будет каждый день ездить на работу в Лондон, а вечерами и в выходные возвращаться в Брайтон. Разумнее будет снять дом где-нибудь за городом, потому что знакомые в Лондоне, узнав об их «исчезновении», наверняка что-нибудь заподозрят, вспомнят о Брайтоне, им ведь хорошо известно, как она любит это ме-

сто.

Любимым цветом Алисии был синий, она купила листы толстой синей бумаги и разрежала их на прямоугольники размером пятнадцать на двадцать сантиметров. Сложив их в папку и захватив ручку с китайской тушью и красный карандаш, она уходила на пляж и часами сидела там, делая абстрактные зарисовки всего того, что видела вокруг. Ей хотелось послать несколько набросков миссис Лилибэнкс, но Алисия не сделала этого. Она не могла открыть миссис Лилибэнкс свое местопребывание, потому что та, естественно, сообщит его Сиднею. Сидней мог подозревать, что она находится в Брайтоне, но Алисия не хотела, чтобы он был в этом уверен.

Прошло две недели, Алисия чувствовала себя много спокойней и счастливее, чем дома. Она понимала, что ее родители, должно быть, волнуются, но убеждала себя, что Сидней наверняка постарается их успокоить. Они должны понять, что если бы с ней произошло что-либо серьезное, они бы узнали об этом из газет. Но вот уже Алисии стали надоедать мороженое с клубникой в «Эклере», миланские эскалопы в итальянском ресторане и невкусные пирожные в чайных салонах, которые она могла позволить себе посещать. Наскучили ей и стены ее комнаты в отеле «Синклер» (оклеенные бежевыми обоями с маленькими розовыми корабликами), которые поначалу, когда ей было все внове и она наслаждалась одиночеством, казались такими очаровательными. Од-

нажды, заказав два двойных джина в пабе на Сиейн-стрит и допив второй, она набрала номер Эдварда Тилбери.

К ее удивлению, он был дома, и она подумала, что это доброе предзнаменование.

Все устроилось невероятно быстро, быстрее даже, чем пробежали первые три минуты разговора. Эдвард выедет в субботу утром десятичасовым поездом, который приходит в Брайтон в одиннадцать, и останется на воскресенье. Чувствовалось, что он обрадовался ее звонку.

Она встречала его на вокзале и чуть было не пропустила в толпе, выходящей из поезда: Эдвард шел, низко опустив голову, словно старался не обращать на себя внимание. Он показался ей меньше ростом, чем прежде, но счастливая и открытая улыбка, когда он увидел ее, была та же. Эдвард снял шляпу и поцеловал Алисию в щеку. Они зашли в привокзальный буфет и сели за столик.

– Вы, наверное, считаете меня сумасшедшей, – сказала Алисия. – Но я снова решила устроить себе каникулы. И в этот раз долгие. Хотя я много работаю здесь и даже привезла с собой масляные краски.

– Дорогая моя, вы так очаровательны, – отвечал Эдвард. – И во всем этом нет ничего сумасшедшего.

По тону, которым он произнес это, она поняла, что он ничего не скажет о ней своим лондонским знакомым и не будет задавать вопросов о Сиднее.

– Где вы остановились?

– В отеле «Синклер». Это не бог весть что, но мне подходит.

– Вы не против, если я тоже сниму там номер? Или вы хотите, чтобы я остановился в другом отеле? (У него была очень молодая улыбка.) Нам будет много проще встречаться, если мы будем жить под одной крышей.

– Конечно, я вовсе не против. «Синклер» достаточно велик, чтобы вместить нас обоих.

С Эдвардом была небольшая дорожная сумка, в которой лежали рубашка, плавки и пижама. Они вышли из здания вокзала и отправились в отель. По дороге Алисия объяснила, что там она записалась под именем миссис Эдвард Понсоби, так как не хочет, чтобы Сидней или родители знали, где она находится.

– Надеюсь, вам это не покажется странным, Эдвард.

– Я в восторге, – отвечал он.

На самом деле Алисия не собиралась стать любовницей Эдварда не сделала этого, хотя он явно ждал и надеялся. Она чувствовала себя виноватой: заставить его приехать в Брайтон и не переспать с ним! Но, как ни странно, он, кажется, остался доволен. Они провели остаток субботы и все воскресенье так же приятно, как и тот, первый, день. На прощание Алисия подарила Эдварду старинную булавку для галстука, которую купила, ожидая его приезда. Она ничего не сказала о следующей встрече, но Эдвард ее спросил, собирается ли она пробыть в Брайтоне до следующих выходных. Алисия,

улыбаясь, кивнула, и Эдвард спросил разрешения приехать.

– Да, мне будет очень приятно. Если только у вас не найдется более интересных дел в Лондоне, – ответила она, почувствовав вдруг в этот момент, что любит Эдварда.

XIII

В конце августа, то есть почти через месяц после отъезда Алисии, к Сиднею на уик-энд приехали Полк-Фарадейсы. Сидней сочинял сюжет третьей истории о Лэше – «Двойник сэра Квентина», в которой Лэш выдает себя за английского дипломата. С момента отъезда Алисии, если не считать пикника с Инес и Карпи, Сидней впервые принимал гостей. С несвойственным ему энтузиазмом он закупил в Ипсвиче курицу, мясо, бутылку виски, несколько бутылок вина и прочие вкусные вещи.

Полк-Фарадейсы появились в пятницу в половине восьмого вечера. Сидней встретил их на крыльце. Они привезли с собой пива, вина и торты, которые Хитти приготовила сама.

– Славно погуляем, – смеялся Сидней, открывая первые бутылки на кухне.

– Дождь пошел, – заметил Алекс, но без особого огорчения. Хитти открыла дверцу духовки:

– Ужасно вкусно пахнет! Хотите, я сделаю картофельное пюре?

В духовке готовился ростбиф.

– Картошка уже сварена, если хочешь, можешь размять ее.

– Хитти занялась пюре.

– А ты неплохо выглядишь, – заметил Алекс. – Холостая

жизнь идет тебе на пользу.

– Хм, может быть, может быть.

Сидней припомнил, как несколько дней назад миссис Лилибэнкс сказала то же самое. Вероятность того, что их сценарий о Лэше будет продан, благотворно отразилась на его настроении, но он не хотел говорить об этом Алексу, боясь все испортить.

Хитти вошла со стаканом в руке в гостиную, огляделась и наклонилась, чтобы полюбоваться желтыми розами, которые Сидней поставил в белую треснувшую вазу перед камином.

– О! да у вас новый ковер – воскликнула она.

Сидней слегка вздрогнул, как и в тот раз, когда миссис Лилибэнкс заговорила о ковре.

– Да... я... мы решили, что старый уже отслужил свое. (Он покосился на Алекса; заметив его взгляд, Алекс тоже посмотрел на него.) Мы купили его по случаю, совсем недорого.

– Красивый ковер (Хитти перевела взгляд на Сиднея). У вас есть новости от Алисии?

– Нет. Но вы ведь знаете, что я и не жду их. Она действительно хотела побыть одна. Хотя это выглядит немного странно. Ее мать удивлена, что я не получаю от нее известий, меня же удивляет то, что Алисия не пишет и ей.

Сидней пожал плечами, поймав себя на том, что слишком многословен. Видно, это оттого, что вот уже несколько дней, с того раза, как он в последний раз видел миссис Лилибэнкс,

ему не довелось произнести и двадцати слов.

– Где она, как вы думаете? – спросила Хитти.

– В Брайтоне.

– Он ее убил, – сказал Алекс, поднимаясь и направляясь на кухню наполнить свой стакан. Он подмигнул Сидней одним, потом другим глазом. – Убил и собирается жить на ее деньги, а историю убийства использует в сценарии про Лэша и сделает на этом состояние.

Сидней вежливо рассмеялся.

– Вы действительно не беспокоитесь об Алисии? – спросила Хитти, но скорей уж в утвердительном, чем в вопросительном тоне.

Ее лицо светловолосой китайки приняло озабоченное выражение, а брови, нарисованные коричневым карандашом, почти сошлись над переносицей.

– Нет, я не вижу оснований для беспокойства, – ответил Сидней.

– И сколько же она будет отсутствовать?

У Сиднея сложилось впечатление, что Хитти специально расспрашивает его, чтобы вытянуть из него сведения, которые затем сообщит тому, кто интересуется ими в Лондоне.

– Ее может не быть и полгода, – ответил он. – Она не сказала ничего определенного. Но я не хочу сообщать об этом ее матери, потому что тогда Снизамы могут встревожиться не на шутку. Они ничего не смыслят в жизни нашего поколения.

Сидней взял у Хитти стакан и пошел на кухню. В стакане еще было вино, но Сидней хотел показать себя внимательным хозяином.

За ужином он рассказал гостям о «Двойнике сэра Квентина».

– Все начинается с того, что сэр Квентин Огилви, кавалер ордена св. Михаила и св. Георгия, погибает от взрыва бомбы, брошенной в него на одной из темных улиц Анкары. Сцена его гибели и будет завязкой истории. В тот момент, когда еще никому ничего не известно, вдруг, бац, и сэр Квентин выходит из дома одной из своих любовниц. Исключительно важно, чтобы сэр Квентин присутствовал на дипломатической конференции в Лондоне и чтобы ни турецкие, ни английские власти не заподозрили, что на самом деле он убит. И вот тут Лэш...

– Но почему? – спросил Алекс, сидевший сбоку.

– Все дело в отношениях между Турцией и Англией. Лакей сэра Квентина, вовсе не дурак, узнает о смерти хозяина от уличного мальчишки. Ночью они вдвоем оттаскивают тело и прячут под брезентом в гараже. Потом лакей звонит в Лондон в отдел уголовного розыска Скотланд-Ярда. Те связываются с одним из посредников... с которым у них больше не будет никаких отношений. Это тупик, и секретность обеспечена.

– Гм, – сонно произнес Алекс. Взгляд его выражал сомнение. Он аккуратно подбирал с тарелки последним кусочком

ростбифа остатки соуса.

Видя, что хотя бы Хитти его слушает, Сидней продолжал:

– Потом мы видим Лэша в его квартире в Лондоне, он разговаривает с только что позвонившим ему посредником. Лэш улыбается и говорит, что сменил работу, но мы не знаем, о какой работе идет речь. Затем турецкие убийцы в Анкаре, злые и ничего не понимающие, их план не удался – сэра Квентин прогуливается по городу в добром здравии, если не считать повязки на голове. Это, видимо, единственное повреждение, которое он получил при взрыве бомбы. На самом деле это – Лэш, который прекрасно изображает старого доброго, но – увы! – покойного кавалера ордена Бани, сэра Квентина.

На цыпочках, боясь пропустить хотя бы слово в рассказе Сиднея, Хитти унесла тарелки из-под ростбифа и принесла пирог. Сидней услышал за спиной на кухне шум варящегося кофе. Он продолжал:

– Здесь можно ввести массу комических ситуаций, Алекс. К примеру, представь, как одна из ненормальных любовниц сэра Квентина приходит к нему домой и добивается встречи с ним. Лэш, естественно, боится, что, если он будет спать с ней, она обнаружит подмену.

Сидней рассмеялся и с удовольствием услышал, что Хитти рассмеялась тоже.

– Гм, – пробурчал Алекс с улыбкой. Глаза его немного покраснели то ли от вина, то ли от усталости. Ведь он много

времени провел за рулем.

– Несколько раз действие возвращается в гараж сэра Квентина. То сторож приходит ремонтировать заднюю фару «роллс-ройса». Лакей все время сопровождает его, не дает ему взять брезент, чтобы постелить под машину, или еще что-нибудь в том же духе.

– Извини, но я ничего не соображаю сейчас, – сказал Алекс, зевая.

– На бумаге все выйдет лучше, и ты во всем разберешься, – ответил Сидней.

– А мне все ясно, продолжайте, – попросила Хитти, вновь усаживаясь на свое место.

Она разложила по тарелкам торт и дала чистые вилки.

– Итак, Огилви, он же Лэш...

– Ты хочешь сказать, Лэш, он же Огилви? – сказал Алекс.

– Как тебе будет угодно, – ответил Сидней. – Он торжественно прибывает на конференцию в Лондон, блестяще играет свою роль, спасает ситуацию, помогает избежать войны и т. д. (Сидней остановился, потому что еще и сам не продумал, что будет дальше.) Нам только нужно придумать хорошую концовку. И убрать брезент из гаража...

Некоторое время Сидней молчал, уставившись глазами в середину стола. Он подумал о красно-синем ковре с телом Алисии внутри, который закопал в лесу. Что еще можно сделать с телом, как не закопать его?

– Я думаю, его надо где-нибудь закопать.

– Гм. А кто это делает? – спросил Алекс, изучая свой кусок торта.

– Лакей и несколько его друзей. Они знают, что удалось избежать международного кризиса, и охотно соглашаются взять на себя это плевое дело – избавиться от трупа.

– В конце концов ведь правда об исчезновении Огилви выйдет наружу, я полагаю, Лэш, что, останется в Лондоне?

– О, разумеется. Он будет в Лондоне ждать нашего следующего сценария. Конечно, станет известно об исчезновении Огилви, но нам не обязательно об этом говорить. Ведь кризиса удалось избежать.

– Какого кризиса?

– Алекс! – укоризненно сказала Хитти. – Ты бы мог быть повежливей и внимательно слушать, о чем говорит Сидней.

– Я слушаю его, но не понимаю этой истории с кризисом, – сказал Алекс, поднимая свое длинное бледное лицо. Нахмурив брови, он посмотрел на жену. Понятия не имею, чем вызван этот кризис, и думаю, что и сам Сидней знает это не лучше моего.

Хитти взглянула на Сиднея и тяжело вздохнула.

Все очень устали, даже несмотря на то, что Сидней сварил еще кофе. Хитти помогла ему домыть посуду, а Алекс был уже не в силах им помочь. На кухне Хитти сказала:

– Надеюсь, вы простите Алекса за то, что он оказался сегодня таким ворчливым. У него была трудная неделя, три последних дня он работал допоздна, а сегодня еще и вел сю-

да машину.

– Нет-нет, ничего страшного, весело отвечал Сидней. – Я ведь знаю, что он шутил.

– Большие миски ставить сюда? – спросила Хитти (она вытирала и убирала посуду).

– Мне абсолютно безразлично, куда вы их поставите. Подойдя к мойке за очередной тарелкой, Хитти сказала:

– Вам, должно быть, ужасно одиноко здесь без Алисии. Хотя, я вижу, вы прекрасно переносите одиночество.

Действительно, он прекрасно переносил одиночество, но знал, что люди сентиментальные, склонные к излишним чувствам, такие как Полк-Фарадейсы, никогда не поймут, как можно быть так безразлично счастливым в одиночестве.

– Мне оно нравится, и я просто не чувствую себя одиноким. Я был единственным ребенком в семье и привык быть один.

Сиднею всегда трудно было понять, почему многие люди предпочитают жить вместе, например, большие итальянские семейства; большинство исключений из этого правила имеют чисто экономические причины. Толпа раздражала его, люди, стоящие в очереди за билетами в кино, выводили его из себя. Их скопления, казалось, имеют какую-то недобрую цель, подобно скоплениям людей в армии. Многолюдство было противно его природе. По духу своему он был отшельник.

Однако лицо Хитти по-прежнему сохраняло выражение

доброжелательного беспокойства.

– Алекс сказал, что Алисия получает ежемесячный доход, это правда?

И Сидней подумал, что сейчас она прибавит: «В случае ее смерти деньги ведь перейдут к вам, не так ли?» Он усмехнулся.

– Да.

– Она получает деньги по почте?

– Да. Перевод должен прийти второго числа, во вторник. Стоя на одной ноге, Хитти потирала другую. После обеда она сняла свои новые и еще тесные босоножки и ходила босиком.

– Алекс сказал, что, если деньги не придут, вы можете написать или позвонить в банк и спросить, куда Алисия поручила им пересылать деньги. Думаю, она оставила им свой адрес.

– Вряд ли, не думаю, чтобы Алисия хотела дать мне знать, где она находится. На этот счет мы с ней договорились. Ей хотелось, чтобы ее никто не беспокоил. Вы понимаете?

Сидней надеялся, что разговор на этом прекратится.

– Но вы сами, разве вы не хотите знать?

– Нет, – и Сидней вынул пробку из раковины.

И тут же, вспомнив, что осталась еще грязная кофеварка, поспешил вернуть пробку на место. Он выкинул кофейную гущу в мусорный ящик, вымыл кофеварку, вычистил раковину моющим раствором, повернулся к Хитти и, поднеся руку к губам, произнес:

– Спасибо, милая. Не хотите ли выпить чего-нибудь перед сном?

– Нет-нет, спасибо, я уже больше не могу.

Сидней тоже не стал пить. Спустя четверть часа он уже спал.

Он проснулся под воркование влюбленного голубя, такое громкое, что казалось, будто оно раздавалось прямо в комнате. Спустившись на кухню, Сидней поставил вариться кофе, затем вернулся в кабинет, всунул в машинку лист бумаги и написал: «Двойник сэра Квентина. Действие первое», после чего потянулся и бойко застучал по клавишам. Спустя двадцать минут, когда были выпиты уже две чашки кофе, на столе лежали три страницы сценария, на одной из которых был подробно описан правительственный кризис. Около десяти часов он разбудил Полк-Фарадейсов, принесся им кофе на подносе и листки со сценарием.

– Взгляните, если хотите. Мне кажется, здесь более понятно. При свете зари Сидней вдруг осознал, что его истории недостает центральной части, и написал ее, заставив убийц совершить еще два покушения на Лэша, которого они, разумеется, принимали за настоящего сэра Квентина. Лэш легко расстроил заговор банды и перед своим отлетом на конференцию повернул все так, что ее схватила полиция. Сидней отправился готовить завтрак.

Через несколько минут пришел Алекс и сказал, что находит историю очень интересной.

– Вчера я просто не понял, прости, старик. Я вел себя как дурак. Это, возможно, лучшая из всех трех историй.

После завтрака Сидней с Алексом съездили во Фрамлингем. Сидней купил древесного угля и антрекотов. Ему хотелось приготовить мясо на решетке во дворе. Когда они вернулись, Хитти занялась продуктами, а Сидней отправился в сарай за вилами. Алекс последовал за ним, ему было интересно посмотреть, как это делается.

Сидней воткнул вилы в твердую землю. Он заметил, что к кончикам зубцов прилипли комки более темной и уже высохшей земли – это была земля с того места, где он похоронил Алисию, и ему показалось, что Алекс смотрит на вилы как-то задумчиво, точно собирается о чем-то спросить.

– Какой глубины нужно копать яму? – спросил Алекс.

– Сантиметров тридцать. И намного глубже, когда собираешься жарить целую тушу. Но сейчас речь идет лишь об антрекотах.

Весь день Алекс был настолько же любезен, насколько ворчлив накануне. Они с пользой провели несколько часов, загорая на травке после обеда и обсуждая новый сценарий. В результате разделили его на три акта и двадцать картин. Алекс, кроме того, обещал напечатать второй сценарий о Лэше. Сидней знал, что это займет не меньше двух недель.

– Если ты пошлешь мне его по почте, я могу сделать это и сам, – сказал он.

– Знаешь, я всегда в последнюю минуту делаю маленькие

поправки. Всегда что-нибудь найдется, ты понимаешь.

Сидней вздохнул. Ему не терпелось поскорее узнать, купят ли их сценарии.

– Итак, до конца августа мы еще ничего не узнаем, да?

– Ты имеешь в виду Пламмера? Возможно, что и не узнаем. Не думаю, что до конца августа я закончу третий сюжет, а он хочет получить сразу три.

Сидней прихлопнул комара на руке.

– А что если я сам займусь «Сэрмом Квентином»? Ведь план уже у нас есть.

– Гм. Лучше не надо, Сид. Все будет нормально. Не стоит рисковать.

Сидней промолчал. Его немного задела самоуверенность Алекса. В конце концов, сюжеты придумывает он, и почему Алекс должен иметь монополию на роль драматурга?

Сидней встал и сказал:

– Выпьем чего-нибудь? Солнце уже село.

Они выпили уже по два стакана, когда наконец Сидней зажег уголь, политый бензином. Огонь разгорелся быстро, и Сидней с удовольствием смотрел на языки пламени. Хитти завернула картошку в фольгу и положила на угли. Всем было очень весело, а Сидней даже спел свой вариант песни «Под крышами Парижа».

Хитти стонала от смеха, а Сидней тоже, потому что слова он придумывал на ходу и надеялся, что его голос не доносится до миссис Лилибэнкс.

– Видишь, как ему идет на пользу холостая жизнь? – сказал Алекс. – Пока здесь была Алисия, я ни разу не видел его таким веселым.

– О, Алекс, – воскликнула Хитти, готовая броситься на защиту священных радостей супружеской жизни.

– Разве это не правда, Сид? – спросил Алекс.

– Правда. Мне не надо больше прятать бананы и все остальное. Осталось только подождать, когда начнут сыпаться деньги Алисии. А если прибавить сюда и Лэша, то скоро я буду просто купаться в деньгах!

Стоя на коленях, Сидней ладонью проверял силу жара от углей.

– Прятать бананы? – переспросила Хитти.

– Алисия любила... любит, – поправился он, – есть бананы не такими спелыми, как я, и поэтому мне приходилось прятать их за книгами и повсюду, чтобы она их не съела. А каждые полгода, когда она делала генеральную уборку, то, сметая пыль с книг, ворчала: «Боже мой, еще один банан, и что от него осталось!»

Хитти и Алекс расхохотались.

– Прятать бананы! – повторила Хитти, держась за Алекса, чтобы не упасть.

– Хитти сказала, что ты можешь узнать, где находится Алисия, запросив банк, откуда она получает переводы. Это так? – спросил Алекс.

– Да, но я уже сказал Хитти, что не уверен, хочет ли Али-

сия, чтобы я об этом узнал.

– Ты сообщишь нам, если она получит деньги по своему чеку, Сид? – спросил Алекс.

– Конечно... Как это «если она получит»? Я уверен, что она получит. Ей будут нужны деньги.

Если только она не живет у какой-нибудь подруги, но вряд ли. Алисия, конечно, не в Лондоне, а кроме Лондона, у нее нигде не было друзей, у которых она могла бы остановиться.

Было несколько замужних подруг, но Сидней был уверен, что Алисия не поехала бы к ним. Он поднялся:

– Пойду за решеткой, пока еще светло, – и направился к сараю.

Когда он вернулся, Хитти и Алекс шептались о чем-то между собой.

– У вас ведь есть общий счет в банке, верно, Сид? – спросил Алекс. – Ты можешь узнать, не...

– Да, но... Алисия наверняка не станет трогать эти деньги, чтобы не оставить меня совсем без средств.

Они поужинали в доме, но еще не остывшие угли заставили их вернуться во двор, и они долго сидели вокруг огня. Хитти пила кофе, а Сидней с Алексом допивали вино. Сидней уже думал над четвертой историей для серии о Лэше.

XIV

Сидней понял, что Полк-Фарадейсы отнюдь не напрасно придавали такое значение деньгам, которые должна была получить Алисия. Второго августа ее чек был принят в Вестминстер-банке, и уже через полчаса, т. е. около девяти часов утра, почтальон принес его Сиднею. Тут же позвонила миссис Снизам, узнать, не пришел ли чек. Сидней ответил, что пришел, но он не знает, куда его переслать.

– Думаю, это должно означать, что Алисия вскоре собирается вернуться, – сказала миссис Снизам. – Я-то надеялась, что она уже вернулась... потому что я звонила в Вестминстер-банк несколько дней назад, и мне сказали, что она не оставляла никакого адреса для пересылки чека. А у вас есть какие-нибудь новости?

– Нет.

– У нас тоже. А ваш банк в Ипсвиче? Алисия не снимала денег с вашего общего счета?

Сидней об этом ничего не знал, и миссис Снизам была неприятно удивлена тем, что он не потрудился узнать сам. Она попросила его позвонить в банк и перезвонить ей, и он заверил ее, что так и сделает.

Чувствуя себя задетым из-за того, что с ним говорили как с нашалившим ребенком, Сидней подождал до половины десятого, полагая, что раньше в банк звонить неудобно. Поручив

чение было неприятным, и тут не важно, что ты ее убил, – сказал он себе, – ты все равно должен этим заниматься. Твои персонажи занимаются, а теперь и ты должен испытать на себе, что это такое. Он позвонил в банк. Несколько минут ему пришлось ждать, пока подойдет служащий, который сможет дать необходимую информацию, после чего Сидней узнал, что ни одного чека, подписанного миссис Бартлеби, не поступало в банк после 26 июля, последний же был датирован 24-м числом. Алисия уехала 2-го июля. Сидней позвонил миссис Снизам и слово в слово повторил ей все это.

– Неужели? Не понимаю, откуда она берет деньги... или, может быть, на самом деле что-то случилось?

– Она взяла с собой пятьдесят фунтов с июльского чека, который получила в Ипсвиче.

– Да-да. Но это не похоже на Алисию: не снять деньги при первой же возможности!

Три дня спустя он приехал в Ипсвич за покупками и зашел в банк. Нет, они не получали ни одного чека, подписанного миссис Бартлеби. Была пятница. Значит, кто-то содержит Алисию, подумал Сидней. Но кто? Мужчина? Какой? Когда он вернулся, звонил телефон. Это была миссис Снизам. Сидней сказал, что у него нет никаких новостей.

– Мой муж говорит, что пора обращаться в полицию, и я с ним согласна. Я думаю, и вы так считаете, Сидней, – добавила она нетерпеливо. – Я уверена, что когда полиции все станет известно, они спросят нас, почему мы столько време-

ни не сообщали им.

Это было словно пощечина, но Сидней сдержался и вежливо ответил, что согласен прибегнуть к помощи полиции.

– Я думаю, следует начать с Брайтона, а затем продолжать поиски, если потребуется, – сказала миссис Снизам. – Нам нужно несколько фотографий на случай, если она имела глупость поселиться где-нибудь под чужим именем. Вы можете прислать мне какие-нибудь фотографии, Сидней? У вас ведь наверняка должны быть ее последние снимки.

Ему понадобилось полчаса, чтобы разыскать две четкие фотографии Алисии. На одной она сидела в джинсах, растянувшись в шезлонге за домом. На второй, прошлогодней, Алисия была одета в летнее платье и стояла рядом с яблоней в их саду. Сидней представил подпись под фотографией: «Труп молодой женщины найден в Саффолке» или «Разыскивается. Полиция подозревает убийство». «Какая глупость», – пробормотал он и пошел за конвертом. Любопытно, Снизамы не доверили ему чести сообщить об исчезновении жены в полицию.

Сидней поехал в Ронси Нолл, опустил письмо и заглянул в ближайшую лавку купить джем.

– Я бы хотел купить апельсинового джема, мистер Фаулер, – сказал он, представляя, как завтра мистер Фаулер скажет из-за прилавка: «Мистер Бартлеби, я читал в газете о вашей жене».

И мистеру Фаулеру, и его дочери Эдит, помогавшей ему

в магазине, а также мистеру Ратледжу из молочной лавки, он спрашивал об Алисии на прошлой неделе, и даже Фреду Хартангу из гаража Ронси Нолла, где он почти всегда заправлялся бензином, – Сидней уже сообщил всем им, что Алисия уехала в Кент к матери. Теперь же все эти люди узнают из газет о том, что ему уже три недели известно, что его жены нет у матери, а он тем не менее продолжает рассказывать ту же историю. Он вспомнил, что миссис Лилибэнкс узнала об этом на пикнике с Инес и Карпи. Она, видимо, никому ничего не сказала, что было весьма любезно с ее стороны.

– Вы, кажется, предпочитаете густой джем, не правда ли? – спросил мистер Фаулер, доставая банку. (Это был довольно высокий худой человек с черными щетинистыми усами, напоминавшими немного усы Редьярда Киплинга.)

– Да, – ответил Сидней, довольный тем, что продавец помнит его вкусы.

– Завернуть?

– Нет-нет, я больше ничего не беру.

Сидней сделал прощальный жест и направился к двери.

– Надеюсь, миссис Бартлеби чувствует себя хорошо? – сказал мистер Фаулер на прощание.

Сидней обернулся.

– Надеюсь, что да. Она не особенно любит писать, – сказал он, посмотрел мистеру Фаулеру прямо в глаза и вышел.

Именно так бы сказал убийца, подумал он.

Вторник, 2-е августа. Сидней посмотрел на календарь с

фотографией двух щенков, подаренный ему в молочном магазине во Фрамлингеме, и подумал, что этот день будет много для него значить. Нет, сегодня ничего не произойдет, но тем не менее день станет поворотным, потому что на сцену выходит полиция. Сегодня же он намеревался послать экземпляр «Стратегов» Поттеру и Дэшу в Лондон. Оригинал Сидней уже отправил своему агенту в Нью-Йорке десять дней назад, но поскольку Лондон был ближе и важнее для него, он оставил себе вторую копию, еще раз перечитал ее и отослал, так ничего и не исправив. Он сделал это уже перед закрытием почты, приложив к рукописи письмо к издателям.

На следующее утро, в десять часов в дверь постучал молодой полицейский. Это был блондин со свежим цветом лица и весьма важным видом, несмотря на улыбку. Он достал блокнот и ручку, а Сидней подвинул ему стул. Усевшись, посетитель приступил к делу:

– Речь идет о вашей жене. Вам известно что-нибудь о ней?

– Ничего, – ответил Сидней. Сам он уселся на диван.

Первые вопросы были точно такими, как и ожидал Сидней. Когда он в последний раз видел свою жену? – Второго июля. – Где? – Он посадил ее в Ипсвиче на лондонский поезд, кажется, в субботу в половине двенадцатого. – Она говорила, куда едет? – а, что поедет к матери. – В каком настроении она была? – В прекрасном. Она собиралась заниматься живописью и хотела побыть одна. – Не кажется ли вам странным, что она с тех пор ничего никому не сообщила о

себе, даже мужу? – Нет, честно говоря, не кажется, ведь она сказала, что напишет ему, только когда захочет вернуться, и просила его не разыскивать ее. – Но не странно ли то, что она не написала даже своей матери? – Может быть, и странно.

Сидней медленно потирал ладони между коленями и ждал следующих вопросов.

– Полиция ведет поиски в районе Брайтона, но нам важно получить сведения и от вас. Как вы думаете, она могла отправиться в какоенибудь другое место?

– Не знаю.

– Она сказала, сколько времени будет отсутствовать?

– Нет, точного времени не называла. Сказала что-то вроде: «Даже если я буду долго отсутствовать...» Она не хотела, чтобы я ее разыскивал, может быть, Алисия рассчитывала уехать на несколько месяцев или даже на полгода.

– В самом деле? – полицейский записал слова Сиднея. – Она сама вам так сказала?

– Она сказала, что не знает. (Сидней нервно пожал плечами). Взяла с собой два чемодана и зимнюю одежду. Видимо, считала... что разлука на некоторое время будет полезна нам обоим, – сказал Сидней, чувствуя, что его ответы все больше и больше кажутся подозрительными. Будучи совершенно правдивыми, они тем не менее все точнее походят на ответы убийц, которые утверждают, будто жертва заявила, что будет отсутствовать неопределенное время.

– В таком случае родители миссис Бартлеби и не должны

были так уж беспокоиться, – предположил полицейский.

– Согласен. Если сегодняшние газеты что-нибудь напечатают (я пока видел только «Тайме»), Алисия тут же узнает, что ее семья так волнуется, и сообщит о себе.

– В «Дейли Экспресс» и в других газетах уже появилось сообщение с фотографией. А родители миссис Бартлеби не знают о том, что она могла уехать и на полгода? – спросил, нахмурившись, полицейский.

– Не знаю. Я не говорил об этом ее матери, чтобы не волновать ее. К тому же я не был уверен, что Алисия на самом деле уедет так надолго. Но раз ее мать уже забеспокоилась, то я...

Сидней остановился. Он сбился. Еще один промах, еще одна ошибка, сказал он себе. Почему он ничего не сказал миссис Снизам? Потому что лгал, потому что недостаточно продумал свою версию для того, чтобы можно было, не сбиваясь рассказывать всем одно и то же.

Полицейский встал.

– Думаю, это все, что нас на сегодня интересует, мистер Бартлеби. Подождем, может быть, сегодня, прочитав газеты, она объявится.

Сидней поднялся в свой кабинет, потом что-то подтолкнуло его, и он перешел в комнату и выглянул в окно. Полицейский стоял на краю дороги с велосипедом и просматривал свои записи. Потом развернул велосипед и направился к дому миссис Лилибэнкс. Спрыгнув с велосипеда, он посту-

чал в дверь.

Не замечали ли соседи в последнее время что-нибудь подозрительное в доме Бартлеби?

Сидней не стал дожидаться у окна, пока полицейский выйдет; но когда через десять минут вновь посмотрел туда, велосипед по-прежнему стоял, прислоненный к ограде. А ведь миссис Лилибэнкс могла видеть, как Сидней выносил ковер, и он уже думал об этом. Но он действительно не подумал, что Снизамы могут обратиться в полицию. Пожалуй, Алисия могла бы иметь больше уважения к своим родителям и написать им. Если она не хотела, чтобы он знал про нее, просто могла бы попросить не раскрывать секрета.

Сидней смутно ощутил в себе что-то вроде вины или стыда, но это ощущение не было ни приятным, ни интересным.

Миссис Лилибэнкс была рада поговорить с кем-нибудь об Алисии, хотя и не знала, что в сегодняшних газетах был объявлен ее розыск. Узнав об этом, она сказала себе, что ей не следует проявлять какого бы то ни было удивления тем, что от Алисии нет вестей. Не стоило усиливать всеобщее беспокойство.

Покончив с предварительными вопросами, молоденький полицейский спросил:

– Вы достаточно хорошо знаете семью Бартлеби?

– Нет, мы просто соседи. Я живу здесь лишь с конца мая. Мы с Алисией немного рисовали вместе.

– Вы часто встречались с мистером Бартлеби после отъ-

езда его жены?

– О, да. Один раз он ужинал со мной, а я как-то была у него на пикнике.

Миссис Лилибэнкс могла добавить, что это было три недели назад и что именно в тот день она узнала, что Алисии нет у родителей, и заметила, что лондонские друзья Алисии этим удивлены; но решила избегать лишних разговоров.

– Его беспокоило отсутствие жены?

– Совсем нет. Она ведь предупредила, что хочет уехать на некоторое время.

– Это сказала она или мистер Бартлеби?

– Она. Алисия уехала в субботу, а в четверг или в пятницу приходила ко мне. Кажется, в пятницу. Сказала, что хочет побыть одна и позаниматься живописью, и думает, что одиночество пойдет на пользу и ей и мужу.

Полицейский кивнул.

– Она была в хорошем настроении?

– Да, в очень хорошем.

– Вы имели от нее какие-нибудь известия?

– О, нет. Если бы имела, то сразу сообщила бы об этом мистеру Бартлеби.

– Вы еще рассчитываете получить их?

– Да... по правде сказать, – ответила миссис Лилибэнкс осторожно. – Но, возможно, ей нелегко заставить себя написать даже почтовую открытку, если она действительно хочет некоторое время побыть одна и ни с кем не общаться.

– Как вы думаете, у Бартлеби были хорошие отношения между собой? Это помогло бы понять решение, принятое миссис Бартлеби. Ведь она могла, например, найти работу под другим именем или даже уехать за границу... Я не задал этого вопроса мистеру Бартлеби, так как видел, что он хочет убедить меня в том, будто у них все было прекрасно и будто они просто решили расстаться на полгода.

– На полгода? – переспросила миссис Лилибэнкс.

– Так утверждал мистер Бартлеби. Сказал, что не удивится, если его жены не будет полгода. Миссис Бартлеби сама говорила вам это?

– Нет, конечно, нет, иначе я бы вспомнила. Я подумала, что она уезжает на несколько недель, может быть, на месяц.

Миссис Лилибэнкс сидела на диване очень прямо, скрестив руки на коленях.

– Так... Полицейский быстро внес что-то в свой блокнот. Он сидел на пуфе, и чтобы записать что-то, ему приходилось крепко сжимать колени своих длинных ног. Не хочу показаться нескромным, но, на ваш взгляд, у них был благополучный брак?

– Мне кажется, да, – проговорила миссис Лилибэнкс, подбирая слова. – Я видела их вместе в компании других людей... я вам уже говорила.

Но она также видела бурную вспышку раздражения у Сиднея как-то вечером, но стоит ли придавать ей слишком много значения?

– Вы не замечали ничего странного после отъезда миссис Бартлеби?

Миссис Лилибэнкс слегка вздрогнула, но тут же постаралась сохранить спокойствие. Перед глазами у нее возник Сидней, идущий по саду и несущий на плече что-то тяжелое. Это было на следующее утро после отъезда Алисии... или ее предполагаемого отъезда. Было еще очень рано, едва рассвело. Миссис Лилибэнкс хотела тогда понаблюдать в бинокль за птицами, но было еще недостаточно светло, хотя она и слышала их пение. Она спустилась на кухню и поставила на плиту чайник. Когда снова выглянула в окно из своей комнаты, то увидела отъезжающий автомобиль Сиднея.

– Нет, – ответила она, – я не видела ничего особенного.

– Миссис Бартлеби не сообщала вам по секрету, что она, например, должна с кем-то встретиться?

– Нет, – ответила миссис Лилибэнкс.

XV

4-го и 5-го августа в «Дейли Экспресс» и «Ивнинг Стандарт» были напечатаны две разные фотографии Алисии Бартлеби. Подписи под ними гласили: «ВЫ ВИДЕЛИ ЕЕ?» и «ВСЕ ЕЩЕ НЕ НАЙДЕНА, ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ». В кратких сообщениях говорилось, что миссис Алисия Бартлеби, двадцати шести лет, проживающая в Ронси Нолле, Саффолк, как предполагается, отправилась 2-го июля в Кент навестить своих родителей, но до сих пор там не появилась и не дала о себе никаких известий. Ее муж считает, что она может находиться в Брайтоне, и полиция ведет поиски в этом районе.

В четверг, когда появилась первая фотография, Эдвард Тилбери должен был приехать в Брайтон поездом, чтобы потом добраться на автобусе до Арандела, маленького городка, в окрестностях которого они с Алисией сняли дом. Сегодня был день рождения Эдварда. Обычно же он приезжал в пятницу и оставался до понедельника. То, что он увидел и прочитал в газетах, безмерно удивило его, и ему не терпелось расспросить обо всем Алисию. Эдвард вышел из поезда в Брайтоне и пересел в автобус до Арандела, сильнее обычного заботясь о том, чтобы не привлекать к себе внимание. Но еще больше он был сбит с толку словами Алисии. Она сказала, что днем съездила на мотороллере в Литтлхемптон

в Институт Красоты и остригла и покрасила волосы. А еще она приготовила праздничный торт с розовым мороженым и свечками. Он стоял на низком столике.

– С днем рождения, дорогой!.. Тебе нравится моя новая прическа? – спросила она весело, погладив его по голове.

– Нравится, очень нравится. Ты видела газеты? Алисия, дорогая, что ты собираешься делать?

– Конечно, видела. погоди, пойду сделаю тебе что-нибудь выпить. У меня есть сюрприз к ужину. Надеюсь, ты не догадаешься по запаху.

Она ушла на кухню.

Только теперь Эдвард освободился от своего кожаного портфеля. Он привез с собой деле, чтобы ознакомиться с ним за эти дни, и был доволен, что большую часть работы ему удалось сделать в поезде. Он ожидал увидеть Алисию расстроенной и испуганной, и тогда бы попытался ее успокоить и убедить сообщить о себе родителям.

Алисия принесла виски Эдварду и себе, хотя было заметно, что до его прихода она уже выпила немало.

– Твое здоровье, дорогой.

Он посмотрел на ее рыжеватые волосы. Наверное, именно такой цвет и называют каштановым.

– Ты даже не поцелуешь меня?

Он поцеловал ее сперва в щеку, а потом в губы.

– Как твоя нога, дорогой?

– О, прекрасно, – ответил Эдвард чуть поморщившись.

В прошлое воскресенье на пляже он наступил на осколок стёкла. Ему хорошо обработали ранку, но все равно он немного прихрамывал и в своей конторе сказал, что наступил дома на кнопку.

– Ты, как я вижу, не хочешь открывать кому бы то ни было свое убежище?

– Нет, дорогой. Но хочу уехать отсюда. Ты слышал о таком месте как Ангмеринг? Это тоже на берегу моря... и ближе к Брайтону, если ехать на машине, – она улыбнулась.

– Но странно, что ты покрасила волосы именно сегодня. Алисия села на диван, обитый коричневым бархатом, и усадила Эдварда рядом с собой.

– Не нервничай, дорогой. Когда меня начнут искать, что они найдут, как ты думаешь? – Только это, – она потрогала свои волосы.

– Алисия, я не уверен, что ты поступаешь разумно. Я же, со своей стороны, не могу позволить втянуть себя в историю, в которой... из-за любовных дел водят за нос полицию...

– Для тебя важно только это?

– Но ты знаешь, что я хочу жениться на тебе, но, похоже, мы выбрали не самый подходящий для этого способ. Ты же не хочешь, чтобы я начал с того, что потерял работу? Ведь нет? – спросил он с нервным смешком. – Должен признаться, мне было очень неудобно, когда я сегодня сюда ехал.

– О, Эдвард, сейчас я постараюсь убедить тебя и придать тебе уверенности. Послушай, если мы завтра отсюда уедем,

не волнуйся, я смогу сама перевезти те немногие вещи, которые у нас здесь есть, мы потеряем денег только за пять дней аренды вместо пятнадцати.

– Дело не в этом.

– Деньги всегда имеют значение. Я позвоню тебе завтра в контору и скажу, где остановилась...

– Дорогая, прошу тебя, не звони мне в контору, я тебе уже говорил об этом.

– Ладно. Я приеду за тобой на Брайтонский вокзал завтра в семь часов. Или, скажем, в половине седьмого.

Эдвард ничего не ответил, пытаясь сохранить спокойствие. Как ему казалось, Алисия совсем не думает о том, что говорит, или, вернее, не способна сделать то, о чем говорит, даже если и очень захочет. Она придаст ему храбрости? Она, которая так боялась всего, что даже уговорила его не приезжать в Брайтон на машине? Боялась быстрой езды и даже на мотороллере не могла ехать быстрее 25 километров час, а он с превеликим трудом убедил ее в том, что им нужен здесь мотороллер? А ведь у нее с девятнадцати лет были права, выписанные на имя Алисии Снизам. Эдвард сделал большой глоток виски и сказал:

– И сколько времени так будет продолжаться?

– О... может быть, еще несколько недель. Разве мы не счастливы, дорогой?

Она погладила его по руке.

– Мы были счастливы.

– И продолжаем быть.

Она наклонилась к нему, обняла вокруг шеи рукой и поцеловала.

Это был долгий и упоительный поцелуй. Эдвард расслабился. Да, наверное, они все еще счастливы. Алисия нравилась ему в постели больше всех других женщин, с которыми он спал до нее. Об этом Эдвард не забывал.

– Меня смущает полиция, – сказал он, когда поцелуй закончился.

– Но что мне, по-твоему, сделать? – Едва слышно спросила Алисия.

– Почему бы тебе вместо того, чтобы ехать завтра в Англию, не отправиться в Кент и не сказать родителям, что ты все это время жила в разных городках около Брайтона и занималась живописью? Извиниться за то, что до сих пор ничего не напивала им, сообщить, что собираешься развестись, а затем поехать и сказать то же самое Сиднею? А меня пока держать в стороне от всего этого.

Алисия почувствовала себя задетой. Эдвард явно не в восторге от ее планов.

– Но разве мы делаем что-то противозаконное? Эдвард усмехнулся.

– Нет, дорогая, но в данной ситуации хуже всего то, что сюда вмешалась полиция.

– Если я сделаю так, как ты говоришь, то не смогу ни видеться, ни быть с тобой целые месяцы.

Это было правдой, и Эдвард в растерянности замолчал.

XVI

В субботу 6-го августа полиция явилась к Сиднею и миссис Либлибэнкс. Пришел тот же молоденький полицейский и еще один человек, некий инспектор Брокуэй из Ипсвича. Это был высокий пятидесятилетний человек с ласковым голосом, но каждые пять минут он заходил в приступе кашля. В эту первую августовскую субботу Сиднею пришла в голову мысль, что Алисия тоже и совершенно сознательно играет свою роль в той воображаемой драме, в которой он убил ее. Она делает все, чтобы не выдать себя не только ему, но и всем остальным.

И в эту же субботу Сидней почувствовал в подтверждение своих мыслей, что инспектор Брокуэй относится к нему с крайней недоверчивостью. Это обстоятельство вызвало в нем некоторую нервозность и чувство вины. Но вместе с тем он был весьма уверен в себе, хотя бы и потому, что вовсе не убивал Алисии. И все же он умудрился выронить из рук чашку, когда наливал кофе на кухне (молоденький полицейский и инспектор от кофе отказались), и оба сыщика внимательно посмотрели на него из столовой. Он вдруг стал путаться в показаниях, начав с заявления, что посадил жену на поезд в Кэмпси Эш. Когда молодой полицейский поправил его, напомнив предыдущие показания, он спохватился и сказал, что это было в Ипсвиче.

– Не было ли в тот день в Ипсвиче кого-либо из ваших знакомых? Вы никого не встретили на вокзале? – спросил инспектор.

– К сожалению, нет, – живо ответил Сидней и увидел, что инспектор про себя отметил это «к сожалению».

Сидней был удивлен, с какой силой в нем проявлялась воображаемая виновность.

Инспектор захотел осмотреть спальню и мастерскую Алисии, и там Сидней заметил, что она увезла с собой ящик с красками, размером с небольшой чемоданчик, но оставила мольберт. Инспектор открыл верхний ящик комода в спальне, в котором лежали вещи Алисии, в надежде найти что-то такое, чего никогда не оставит ни одна женщина, например губную помаду или пудреницу, и обнаружил там целых четыре тюбика с помадой и две старые пудреницы и, кроме того, стопку носовых платков и шарфиков, маленький несесер с швейными принадлежностями и несколько поясов. Инспектор спросил, с каким чемоданом уехала Алисия, и Сидней ответил, что она взяла с собой два, один синий с углами из коричневой кожи, и другой – побольше, кожаный, коричневый и с ремнями. Алисия захватила с собой и шерстяное пальто с меховым воротником и другие зимние вещи. Что было на ней? Сидней не помнил. Но через руку был перекинут бежевый плащ.

Затем инспектор Брокуэй с полицейским, не говоря ни слова, вышли через заднюю дверь во двор. Сидней, озада-

ченный, пошел за ними. Оказалось, что инспектор хочет посмотреть, нет ли где следов, указывающих на то, что во дворе или в саду копали. Сиднею это показалось любопытным, ибо напомнило некогда нашумевшее дело Кристи. И теперь он изо всех сил старался вообразить себя виновным понастоящему, а именно, убившим и закопавшим свою жену под несколькими квадратными метрами дерна, который затем аккуратно вернул на место, предварительно разрезав на ровные квадраты. Однако ему так и не удалось себе ничего вообразить, и он ограничился тем, что стал вести себя так, как, ему казалось, в такой ситуации ведет себя преступник. Он любовался небом и птицами, предоставив полицейским заниматься своим делом. Убийца, наверное, внимательно наблюдал бы за действиями сыщиков, за их жестами, стараясь угадать, обнаружили ли они что-нибудь, и Сидней поступал так же: время от времени он бросал взгляды в их сторону, стоя неподвижно метрах в десяти от них. Инспектор осмотрел также гараж и отметил, что пол там покрыт деревом. Не слишком основательный обыск, подумал Сидней. Нужно было на четвереньках обшарить каждый сантиметр, а в некоторых местах даже покопать землю, поднять доски пола в гараже. Хотя инспектор, кажется, искал следы ямы, где должно быть зарыто тело, и, возможно, позже он проведет более тщательный обыск. Впрочем, двух или трех ливней, которые прошли за этот месяц, было достаточно, чтобы уничтожить всякие следы на земле, и инспектор, несомненно, не мог не

подумать об этом.

Брокуэй простился вежливо, но довольно холодно, не прибавив ничего шутливого вроде «не падайте духом, как только мы что-нибудь узнаем, непременно сообщим вам».

Сидней закурил сигарету, глядя вслед полицейским, направлявшимся к дому миссис Лилибэнкс. Машина инспектора стояла на обочине, напротив дома Сиднея. Он подумал, что миссис Лилибэнкс наверняка скажет что-нибудь в его пользу и тем самым немного ослабит подозрения, которые зародились у инспектора. Хотя, с другой стороны, инспектор, намекнув на собственные подозрения, может вызвать их и у миссис Лилибэнкс. Сыщики попытаются вытянуть из нее как можно больше. Возможно, она расскажет им о ковре, если только что-нибудь видела. Сиднею очень бы хотелось послушать, о чем они там говорят.

Спустя несколько часов, уже около пяти, миссис Лилибэнкс позвонила и спросила, не помешает ли она Сиднею, если зайдет к нему или, может быть, лучше он сам придет к ней выпить чашечку чая или чего-нибудь другого.

– Как вам будет угодно. Почему бы вам не прийти ко мне? – ответил Сидней, – у меня тоже есть чай и спиртное.

Миссис Лилибэнкс обещала скоро прийти. Чтобы собраться, ей понадобилось около десяти минут: она пару раз посмотрела на себя в зеркало, ища на платье пятна от краски – она только что отошла от мольберта. Визит инспектора из Ипсвича потряс ее. Она даже приняла ложку лекарства, ко-

торое доктор Андервуд прописал ей пить только в моменты сильного волнения, потом прилегла на часок, но не смогла заснуть. «Мы должны рассмотреть вероятность того, что мистер Бартлеби убил свою жену, миссис Лилибэнкс...» После этого инспектор, правда, попытался смягчить свои слова, но его тон убедил миссис Лилибэнкс в том, что у нее самой есть некоторые подозрения. Возможно, это и было самое ужасное. Она поняла, что у нее есть шанс узнать всю правду, но при условии, что ей достанет смелости. Да, в этом деле смелость была необходима, ей казалось, что будет гораздо тяжелее жить в постоянных сомнениях, как сейчас. Сомнения причиняли бы ей ужасную боль. Но она не могла поделиться своими чувствами с инспектором Брокуэем, поскольку была уверена, что тот придаст бы ее сомнениям слишком большое значение. А Сидней, может быть, абсолютно невиновен.

Наконец миссис Лилибэнкс вышла из дома и в половине шестого постучала в дверь Бартлеби; в этот самый момент она вспомнила странный звонок Алекса Полк-Фарадейса два дня назад. Он звонил узнать, что она думает об отъезде Алисии и о поведении Сиднея. Да, мистер Полк-Фарадейс был явно склонен допустить вероятность того, что Сидней виновен в убийстве своей жены, если бы миссис Лилибэнкс сама об этом заговорила. Но он считался другом и компаньоном Сиднея, и поэтому миссис Лилибэнкс очень не понравилось его поведение, и она промолчала.

Сидней широко раскрыл дверь и встретил миссис Лилиб-

Энкс с улыбкой.

– Как ваши дела, Сидней?

– О, сегодня снова приходила полиция. Я видел, что и к вам они тоже заходили. Но у них, кажется, ничего нового.

– Ничего. Мне очень жаль, Сидней.

– Мне кажется, что Алисия нарочно не дает о себе знать... Она готова выдержать любой шум вокруг этого дела ради того, чтобы иметь возможность жить спокойно, где бы она ни находилась. Ее родители будут сильно разгневаны, когда она вернется. Это очень добропорядочные люди. Садитесь, миссис Лилибэнкс. Могу я предложить вам виски? Или вы предпочтете чай?

– Ни того, ни другого, спасибо.

– Вот как? – разочарованно спросил он.

– На самом деле я пришла, – сказала она, немного отворачиваясь в сторону и глядя на ковер под ногами, – я пришла спросить, где вы купили этот ковер. Мне нужен ковер. Я подумала, может быть, вы знаете магазин...

На какой-то миг Сидней замешкался, потом сказал:

– Я купил его у Эббота, в Дебенхеме. У них было несколько восточных ковров, немного, но вы можете съездить и посмотреть сами. Я, кажется, заплатил за него около девяти фунтов.

Миссис Лилибэнкс медленно села на диван, внимательно глядя на Сиднея.

– Мне больше нравится ваш старый ковер. И я готова его

купить у вас, – добавила она, выжимая из себя улыбку.

– Но его у нас больше нет. Я взял его... (Он улыбнулся.). Я взял и выбросил его. В доме для него не было места, а я не думал, что за него можно будет получить больше десяти шиллингов.

Миссис Лилибэнкс почувствовала, как бешено заколотилось ее сердце под зеленой шерстяной кофтой. Ей показалось, что Сидней слегка побледнел. И вид у него был виноватый. И вел он себя, как если бы был в чем-то виновен. Однако упорное нежелание считать его виновным удерживало миссис Лилибэнкс от того, чтобы окончательно счесть его таковым. Теперь уже он внимательно смотрел на нее.

– Впрочем, неважно, – сказала миссис Лилибэнкс. – Я попробую поискать у Эббота. Я знаю, здесь все хвалят этот магазин... Не хочу больше вас задерживать, Сидней, – сказала она, поднимаясь. – Вы, наверное, все время работаете.

– О, я могу работать в любое время дня и ночи! – уже более веселым тоном ответил он. – У меня ненормированный рабочий день. Поэтому меня можно отвлекать безболезненно. Больше того, мне иногда бывает скучно одному и я радуюсь, когда меня отвлекают.

«Сейчас самый момент пригласить его на ужин и дать ему посмотреть в бинокль», – подумала миссис Лилибэнкс. Она скажет ему, что ранним утром любит наблюдать за птицами, и проследит за его реакцией. Но она почувствовала, что не в состоянии сделать это сегодня.

– Нужно будет, чтобы вы на днях заглянули ко мне на ужин, – сказала она. (Она дошла до двери и обернулась.) – Молю бога, чтобы с Алисией ничего не случилось, где бы она сейчас ни была, Сидней. В любом случае, пожалуйста, сообщите мне, если случайно... вы...

Он продолжал внимательно смотреть на нее.

– О, конечно, миссис Лилибэнкс, если я узнаю что-нибудь, непременно вам сообщу.

Она медленно вернулась домой. Ей показалось довольно странным, что он не полюбопытствовал, о чем говорили с ней полицейские. Разве любой другой, будучи невиновным, не захотел бы этого узнать?

А в этот момент Сидней уже с головой ушел в окончательный вариант «Двойника сэра Квентина», который получил сегодня с утренней почтой от Алекса. Алекс сделал все очень быстро. Итак, миссис Лилибэнкс видела его с ковром. Его глупое подражание человеку, выносящему мертвое тело, оказывается, имело своего зрителя. И каковы же были его ощущения? Он чувствовал себя немного виноватым, это верно.

Зазвонил телефон, Сидней сбежал вниз, думая, что звонит из Лондона кто-нибудь из друзей – сообщить, что к нему тоже приходила полиция. Сегодня инспектор Брокуэй узнал у него имена наиболее близких друзей Алисии, и он назвал Инес и Карпи, Полк-Фарадейсов и двух школьных подруг, чьи имена нашел в записной книжке. Инспектор убедился,

что это была их единственная общая записная книжка.

– Привет, коварный убийца! – раздался зловещий голос. Сидней рассмеялся.

– Привет, Алекс. Я не только коварный убийца, но и счастливый человек, спасибо!

– А я как раз читаю твой сценарий. Получил его днем, и он мне очень понравился.

Там шла речь об убийстве Лэшем некоего весьма могущественного диктатора.

– Да, знаешь, несколько минут назад ко мне приходила полиция, – сообщил наконец Алекс. – Ради бога, старик, скажи, что ты им насочинял? Что за спектакль ты устроил?

– В каком смысле?

– Похоже, они подозревают тебя в убийстве Алисии. Ты что, послал их к черту? Знаешь, это может быть опасно. Они пытали меня про твой характер. Ты же не хочешь, чтобы я сказал им правду?

– Надеюсь, ты достаточно сгустил краски и сделал меня достойным создателем Лэша?

– Я сказал, что ты ужасно подозрительный тип, что ты бил свою жену, что у тебя мрачное воображение и что, по всей вероятности, ты убедил свою молодую и богатую супругу поселиться в деревне, в безлюдном Ронси Нолле, желая без помех свести с ней счеты и закопать где-нибудь в лесу.

И Алекс расхохотался тем своим смехом, который появлялся у него только в минуты искреннего веселья. Сидней

улыбнулся.

– И все-таки о чем они тебя спрашивали?

– Мой дорогой Сидней, я не так уж далек от правды. Они спросили, что я думаю о ваших с Алисией отношениях. Я ответил, что, по-моему, у вас все было прекрасно. Тогда они спросили, не думаю ли я, что Алисия встречается с другим мужчиной. Я решительно отверг и это. А ты?

– Нет-нет, я тоже так не думаю. (На самом деле он подумал, что это вполне возможно. Алисия всегда была очень скрытной и никогда никому не давала поводов для подозрений.) А ты ни о чем таком не слыхал? О комнибудь в Лондоне?

– Нет, ни разу. Ни тени подозрений.

– Ты конечно догадываешься, что она лежит сейчас в шести футах под землей в лесу, недалеко отсюда. А потому и не зачем болтать о каких-то других мужчинах.

– Как!? Ты убил ее, Бартлеби?! Ну-ка, выкладывай все на чистоту! Тебе все равно не уйти.

– Я столкнул ее с лестницы, и она сломала себе шею. На следующее утро, еще до восхода солнца, я закопал ее. В жизни мне не было так хорошо. Я рад, что наконец сделал это. Если бы я мог, я повторил бы то же самое снова.

– Спасибо, мистер Бартлеби. Уверен, что наши слушатели будут счастливы услышать из первых рук, вернее, уст – от самого убийцы, рассказ о подвиге, который миллионы из нас мечтают совершить сами. Если бы только мы могли себе это

позволить!

Три минуты кончились. И Алекс торопливо сказал:

– Возьмемся за Лэша. Нужно заканчивать эту историю. И связь оборвалась.

Около шести часов Сидней, перечитав внимательно «Двойника сэра Квентина», вложил его в большой конверт, который собирался отправить завтра. Интересно, чем занимается сейчас Алисия? И почему четыре дня он не получает никаких известий от Снизамов? Он отыскал в записной книжке телефон Инес и Карпи и позвонил им.

К телефону подошла Карпи. Инес ушла, оставив ее сидеть с детьми.

– Похоже, никаких новостей, Сид, – сказала она своим звучным голосом с антильским акцентом.

– Никаких?

– Недавно приходила полиция. Инес еще была дома.

– Мне пришлось дать им ваш адрес, Карпи. Они хотели знать адреса друзей Алисии в Лондоне. Надеюсь, они вас не слишком обеспокоили?

– Нет-нет, Сид. Но мы нашли их вопросы о вас довольно странными. Они спрашивали, были ли вы с Алисией счастливой парой и не видели ли мы, как вы ссоритесь. Мы, конечно, сказали, что нет. Мы объяснили им, что вы оба люди искусства, и время от времени нуждаетесь в уединении. Еще они спросили, не кажется ли нам, что у Алисии был кто-то еще. Мы ответили что не думаем... Вы ведь тоже так не ду-

маете, Сид?

– Нет, – ответил Сидней.

– Надеюсь, они не собираются мучать вас только потому, что у них просто нет никого другого под рукой.

– Они делают свою работу, и их нельзя за это упрекать.

– Это, конечно правильно, но не таким же способом. Только ни в коем случае не раздражайтесь, когда будете еще говорить с ними, чтобы не осложнять дела. – Я чувствую себя как никогда спокойным.

И Сидней пообещал позвонить, если у него появятся новости.

Ложась спать, он подумал, что довольно странно иметь в качестве друзей одного – обвинителем, который, правда, ничего не может доказать (Алекс), а другого – свидетелем, который располагает доказательствами, но отказывается их предоставить (миссис Лилибэнкс). Это все равно что одновременно быть и осужденным и оправданным. У Сиднея тут же возникла идея сценария, и он сделал в тетради несколько заметок.

XVII

Стоя перед обеденным столом, миссис Лилибэнкс расставляла цветы в оранжевой с белыми разводами вазе. Было четверть пятого, миссис Хаукинз заканчивала наверху уборку ванной комнаты, которую она всегда оставляла напоследок. Сегодня в доме царил особый порядок, потому что утром натерли мебель воском. К половине восьмого был приглашен на ужин Сидней. Миссис Лилибэнкс пошла на кухню поставить воду для чая себе и миссис Хаукинз.

Миссис Хаукинз была пятидесяти лет, невысокая, худая, с непослушными седыми волосами, которые вечно выбивались из-под черной косынки. Нос у нее был крупным, а глаза быстрыми. От нее исходило ощущение какого-то постоянного беспокойства, поэтому присутствие ее утомляло, но на нее можно было положиться, и она ни разу еще не подвела миссис Лилибэнкс. Миссис Хаукинз приходила всегда точно в назначенное время, хотя дни работы то и дело переносились из-за ее семейных дел. Она уже перестала приходиться ежедневно, как это было после переезда миссис Лилибэнкс: старая дама решила, что в этом нет необходимости. Хотя идея эта принадлежала Андервуду из Лондона, ее поддержала Присей, которая и встретилась с миссис Хаукинз после переезда бабушки. Тем не менее миссис Хаукинз каждый день между тремя и четырьмя часами звонила, чтобы узнать,

все ли в порядке. И всякий, раз после того, как в газетах появилось сообщение об исчезновении Алисии, миссис Хаукинз спрашивала, нет ли у миссис Лилибэнкс новых известий об этом деле. Впрочем, далеко не одна она в округе подозревала Сиднея в убийстве жены. Как и все прочие, миссис Хаукинз прочла в газетах, что Сидней давно уже знал, что его жена не появлялась в доме своих родителей, однако ничего не сказал об этом даже самым близким друзьям. «Значит, он что-то замышлял», – неоднократно внушала миссис Хаукинз миссис Лилибэнкс, а та, как могла старалась обходить эту тему. Она очень хорошо понимала, что бесполезно объяснять людям типа миссис Хаукинз, что Алисия и Сидней, художница и писатель, нуждались, порой в полном одиночестве и могли жить некоторое время порознь, не зная ничего друг о друге. Однако после того разговора с Сиднеем о ковре у миссис Лилибэнкс, уставшей от попыток защитить Сиднея, все чаще и чаще возникало ощущение, что здравомыслие простых людей вроде миссис Хаукинз, мистера Фаулера или мясника мистера Вири, возможно, ведет их по верному пути, в то время как ее собственные рациональные рассуждения, кажется, завели ее в тупик. Придя к такому заключению, миссис Лилибэнкс все же старалась пока скрывать от миссис Хаукинз то, что она постепенно начинает переходить на ее точку зрения.

Они пили чай за столом, на котором стояла ваза с цветами.
– Опять никаких известий, – сказала миссис Хаукинз, ка-

чая головой и помешивая свой чай.

Миссис Лилибэнкс всегда угнетала необходимость что-либо скрывать. Миссис Хаукинз упала бы в обморок, узнай она, что Сидней Бартлеби приглашен сегодня на ужин. Впрочем, достаточно будет, если Батледж, проезжая на своем старом грузовике, увидит Сиднея входящим в ее дом, чтобы на-завтра об этом узнали все.

– У него такой самодовольный вид, – снова начала миссис Хаукинз. Он все время улыбается. По его виду не скажешь, чтобы он очень беспокоился о своей жене.

– Я и не думаю, что он беспокоится, миссис Хаукинз. Я немного была знакома с Алисией, как вы знаете. (Миссис Лилибэнкс заметила, что говорит в прошедшем времени и поправилась.) Она просто любит время от времени уезжать куда-нибудь одна.

– У этих американцев дикие нравы. Это всем известно. Меня волнует, когда же они все-таки хоть что-нибудь узнают? Полиции следует покопать вокруг дома. Это как в деле Кристи. А не ждать, пока могила зарастет настолько, что невозможно будет ее найти. Вам не дует из этого окна, миссис Лилибэнкс? – спросила она, имея в виду кухонное окно.

– Нет-нет, спасибо.

– Я подняла его, потому что пользовалась сегодня нашатырным спиртом. Не выношу запаха нашатырного спирта.

Она улыбнулась, к ней неожиданно вернулось хорошее настроение.

Вскоре она ушла, пообещав вернуться в субботу, а завтра, как обычно, позвонить.

– Надеюсь, вы хорошенько запрете дверь на ночь, миссис Лилибэнкс. Не хотела бы я жить здесь, да и все так говорят.

Эти слова неприятно подействовали на миссис Лилибэнкс.

Она поднялась на второй этаж и с чувством, словно исполняет какойто ритуал, взяла бинокль из верхнего ящика письменного стола. Затем сошла вниз и положила его на край буфета в столовой. Ее внимание привлек воробей, усевшийся на подоконник. Он на какое-то мгновение поглядел ей прямо в глаза и улетел. Миссис Лилибэнкс поднялась снова наверх и прилегла отдохнуть, прежде чем начать готовить ужин. В 7.35 в дверь постучали.

– Здравствуйте, миссис Лилибэнкс, – сказал Сидней с порога. – Это вам. Лучшее из всего, что я нашел в Ипсвиче.

Он протянул букет красных гладиолусов с длинными стеблями, завернутый в тонкую бумагу.

– О, благодарю вас, Сидней. Как это мило с вашей стороны!

– И еще вот это.

Это была бутылка красного вина в сиреневой бумаге.

– Но что мы будем праздновать, скажите? Вы...

Она не решилась спросить, не получил ли он известий от Алисии.

– Мистер Пламмер с телевидения проявил сегодня боль-

шую благосклонность к мистеру Лэшу. Он еще не решил, покупать ли сценарий, но сказал, что первые три истории ему понравились... и... у меня, и у Алекса появились определенные надежды на этот счет. Миссис Лилибэнкс, вам необходимо приобрести телевизор, чтобы увидеть мои шедевры. Я куплю вам его, – и Сидней развязно махнул рукой.

– Ни в коем случае. Я уже решила купить телевизор до наступления зимы. Это прекрасная новость. Сидней. Надеюсь, у вас все получится. Я знаю, чего это вам стоило.

Сидней встал на цыпочки и принюхался. На нем были лучшие его ботинки, которые он только что начистил.

– Что за божественный аромат доносится из вашей скромной деревенской кухни?

– Это утка. Надеюсь, она придется вам по вкусу. Подождите, я поставлю ваши цветы в воду и приготовлю что-нибудь выпить. Или лучше пойдите и налейте себе сами.

– С удовольствием.

Вслед за хозяйкой Сидней прошел через столовую на кухню.

Там они пробыли минут пять, пока миссис Лилибэнкс ставила гладиолусы в воду, а Сидней наливал виски со льдом для себя и безо льда для хозяйки. Они немного поболтали, но миссис Лилибэнкс чувствовала себя несколько напряженно, потому что не могла и не хотела сказать что-нибудь вроде: «Какая жалость, что вы не можете позвонить Алисии и сообщить ей новость о Лэше!»

Со стаканами в руках они прошли через столовую в гостиную. В дверях миссис Лилибэнкс обернулась: то, что она увидела, заставило задрожать ее правую руку со стаканом. Сидней остановился посередине комнаты и смотрел на бинокль, приоткрыв рот. Выражение его лица было точно таким, как тогда, когда он говорил о ковре.

Он заметил, что она на него смотрит.

– А... этот бинокль... Кончиками пальцев он потер лоб.

– Да?

– Вы купили его в Ипсвиче, не так ли? – он наконец двинулся дальше и вслед за миссис Лилибэнкс вошел в гостиную. – У антиквара?

– Да, – ответила миссис Лилибэнкс. – Я купила его, чтобы наблюдать за птицами.

– Дело в том, что я сам чуть не купил этот бинокль. Вот почему я так на него смотрел... В тот день, когда я отправился за ним в магазин, где видел его раньше, его там уже не оказалось. Я помню, что очень расстроился. Потому и был поражен, увидев его здесь. Так, как если бы увидел в чужом доме какую-то вещь, которая на самом деле принадлежит мне.

Миссис Лилибэнкс села на диван. Сидней казался не слишком возбужденным, и поэтому она решила, что не стоит предлагать ему сесть.

– Иногда ранним утром я встаю, чтобы понаблюдать птиц. На восходе солнца.

Он посмотрел на нее, ожидая продолжения.

Сидней разыгрывает комедию, вдруг подумала миссис Лилибэнкс. Вероятно, он вставит все это в одну из своих историй.

Но все-таки, что было тогда в ковре, отчего он казался таким тяжелым? И почему Сидней выносил его из дома в такую рань? Ни один из обоих Бартлеби не был любителем рано вставать. Алисия сама однажды сказала ей об этом. Почему же Сидней проснулся в такой час и к тому же на следующее утро после отъезда Алисии?

– Вы читали в газетах историю о том французе, который отправился из Марселя в Танжер на лодке длиной три с половиной метра? – спросил Сидней.

И за ужином они больше не возвращались к опасной теме. Несмотря на то, что миссис Лилибэнкс очень тщательно готовилась к этому разговору и точно продумала все вопросы, которые будет задавать Сиднею, задать их ей пока не хватало смелости. А что если Сиднея приведет в ярость ее любопытство и он, чего доброго, убьет ее? С другой стороны, она ведь может умереть со дня на день от сердечного приступа, и если Сидней причинит ей зло, то это, по крайней мере, поможет доказать его виновность. А если он действительно убил Алисию?! Нет, это ужасно! Нужно как можно скорее раскрыть тайну. И, окончательно покоровшись своей судьбе, и со странной грустью, с которой она шестью месяцами раньше смирилась с вероятностью собственной скорой смерти, миссис Лилибэнкс приступила к делу.

– Я видела вас в бинокль как-то рано утром, – качала она доброжелательным тоном, когда они пили кофе. – Кажется, это было в то утро, когда вы выносили свой старый ковер. Во всяком случае, у вас на плече было что-то очень тяжелое.

– Да? – Да-да, действительно, – сказал Сидней, со стуком ставя чашку на блюдце, – это был ковер.

Миссис Лилибэнкс заметила, как он вздрогнул. Но Сидней хорошо играл сбою роль и быстро взял себя в руки. Миссис Лилибэнкс почувствовала, как по спине у нее пробежал холодок страха, словно она увидела привидение, но это неприятное ощущение быстро рассеялось.

– Я удивилась, увидав вас на ногах в столь ранний час. Я часто встаю рано... Это, кажется, было на другой день после отъезда Алисии, и поначалу я искала ее рядом с вами, а потом вспомнила, что она накануне уехала.

– Да, это было в тот самый день, – сказал Сидней.

Она увидела, как у него оттопырилась нижняя губа. Что это было? Проявление упрямства или признак поражения, свидетельство того, что игра проиграна?

Он неотрывно смотрел на середину стола и хранил молчание. Тогда старая дама продолжила:

– А что вы сделали с тем ковром? – спросила она все тем же доброжелательным тоном.

– О... я избавился от него... совсем, – сказал Сидней тем же тоном, что и она.

– Вы его закопали, – сказала миссис Лилибэнкс с едва за-

метной улыбкой.

– Да, – на мгновение в глазах Сиднея вспыхнул какой-то безумный огонь, будто ему вдруг захотелось встать и ударить свою собеседницу. Но огонь сразу погас. – В нем завелась моль, много моли... и я подумал, что лучше его закопать. Или сжечь, но мне хотелось, чтобы кто-нибудь решил, что в лесу пожар.

– Вы закопали ковер в лесу?

– Нет, в поле, – он сделал неопределенный жест рукой.

– И для этого вы так рано встали? Чтобы вас не увидели?

Миссис Лилибэнкс вся напряглась. Сердце ее заколотилось.

Она потушила свою недокуренную сигарету и решила, что выпьет еще немножко кофе.

– Возможно, – сказал Сидней, смотря на нее.

– А что было в ковре?

Правая рука Сиднея крепко сжалась в кулак. Миссис Лилибэнкс увидела, как капельки пота выступили у него на лбу. Еще чуть-чуть, и он в бешенстве бросится на нее.

– Кажется, вы меня обвиняете. Точно так же, как Алекс, миссис Хаукинз, мистер Фаулер и все остальные. И как полиция. – Он говорил негромко, но голос его дрожал.

– Поверьте, я вас вовсе не обвиняю. Просто спрашиваю.

– Вы думаете, что я убил Алисию, завернул ее тело в ковер и закопал. Вы хотите сейчас это доказать.

– Я вовсе ничего не хочу доказать.

– Нет, хотите. И пытаетесь уловить, как я буду реагировать

на ваши вопросы. Вы предложили мне купить старый ковер, хотя сами видели, что я увез его из дома.

Она подумала, что больше нет необходимости продолжать. Все было подтверждено. Да, она оказалась права, но не испытывала при этом никакой радости. Больше всего ей хотелось сейчас закрыть глаза, спрятать голову и исчезнуть куда-нибудь.

– Если вы скажете, что в ковре ничего не было, я вам поверю.

Я не собираюсь доносить кому бы то ни было, что видела вас с ковром... Не только соседям, но и полиции.

Он продолжал смотреть на нее, его лицо выражало испуг.

– Не знаю, верю ли я вам...

– У вас нет оснований мне не верить. Я уже дважды, и еще на прошлой неделе могла сказать полиции, что видела, как вы клали ковер в свою машину и увезли его. Но не сделала этого.

– Почему?

Ей не хотелось открывать ему, что до сегодняшнего дня она не придавала истории с ковром никакого значения.

– Если вы в чем-то виноваты, это все равно станет известно. Предоставляю вам, Сидней, полную свободу. – Капельки пота медленно сползали с его лба к вискам. Он продолжал пристально смотреть на нее. – У меня есть коньяк, хотите?

– Да. Да, пожалуйста.

Миссис Лилибэнкс почувствовала облегчение и от того,

что он согласился, и от того, что сделал это вежливо. Коньяк она хранила для себя как лекарство, но после переезда она ни разу не притрагивалась к нему. Миссис Лилибэнкс сходила за рюмкой и наполнила ее почти до краев. Сидней, склонившись над столом, принялся пить коньяк мелкими глотками.

– Еще кофе, – сказала миссис Лилибэнкс, наливая ему в чашку.

– Это не может продолжаться... так продолжаться, – проворчал Сидней, словно разговаривая с самим собой.

– Что именно?

– Что вы не скажете... что видели... это... Стараясь говорить как можно спокойнее, она ответила:

– Видимо, вы недостаточно хорошо знаете меня. Я умею держать свое слово. А в данном случае речь идет об обещании, которое я дала себе, а не вам. Не мое дело подозревать кого бы то ни было. Особенно если есть вероятность того, что подозрения эти необоснованы.

Сидней постепенно приходил в себя. Возможно, это коньяк оказал свое благотворное действие. Он вдруг заговорил о телевизорах, о том, что в Саффолке с его равнинным рельефом местности изображение совсем не искажается. Но он уже не чувствовал себя непринужденно, и взгляд его стал угрюмым и задумчивым.

– В выходные приедет Присей, – сообщила миссис Лилибэнкс. – На этот раз вы обязательно должны ее увидеть. Очень

жалею, что вы не познакомились в прошлый раз.

Она ждала случая сообщить ему это, поскольку не видела лучшей возможности смягчить драматизм того, что произошло: разве смогла бы она представить своей внучке человека, которого считает убийцей?

– Я буду очень рад, – ответил Сидней.

Сделав несколько затяжек, он затушил сигарету и распрощался, не предложив, как прежде, помочь хозяйке убрать посуду. Миссис Лилибэнкс еще некоторое время оставалась сидеть на диване, пытаясь разобраться в своих мыслях. Конечно, она рисковала сегодня, но, кажется, самое опасное уже позади. Сидней знает теперь, что дал повод для серьезных подозрений, и если он в самом деле виновен, сказала себе миссис Лилибэнкс, то обязательно выдаст себя нервозностью. Миссис Лилибэнкс свято верила в силу чувства вины. Большинство убийц, считала она, в глубине души чувствуют необходимость сознаться, быть разоблаченными. Теперь, подведя все итоги, миссис Лилибэнкс решила, что вечер не прошел безрезультатно, по крайней мере, для себя она сделала открытие: она действительно верит, что Сидней убил Алисию.

XVIII

На следующее утро Сиднею позвонила миссис Снизам и сообщила, что они с мужем хотят заехать к нему во второй половине дня. Сидней ответил, что будет очень рад их видеть, и миссис Снизам уточнила, что они приедут около трех.

Положив трубку, Сидней стал бесцельно ходить по комнатам, перекладывая с места на место разные вещи. Зайдя в ванную комнату, он снял со стены фотографию из газеты. Сиднею подумалось, что миссис Лилибэнкс должна была несколько раз видеть эту фотографию. А что если Снизамы намерены сами заняться расследованием исчезновения своей дочери? Тогда они наверняка будут встречаться с местными жителями, в том числе и с миссис Лилибэнкс. Алисия наверняка много рассказывала им о ней.

Потом Сидней вспомнил, что именно сегодня, в субботу, придет внучка миссис Лилибэнкс, Присей, стало быть, поработать сегодня не удастся. Он с неохотой отложил новую историю о Лэше, решив, что нужно съездить купить что-нибудь в Ронси Нолл. Сценарий был почти завершен, в этой истории Лэш наряжается и гримируется под одну немолодую даму, недавно умершую. Разбойнику удастся обмануть даже мужа покойной, не говоря уж об адвокатах. Прежде чем закончить этот спектакль и исчезнуть навсегда, он прихватывает с собой крупную сумму денег и драгоценностей.

История получилась такой живой и веселой, что Сидней не сомневался в ее скором успехе. Оставалось лишь выдумать подходящее название. «Лэш под покровом тайны»? Фу!

– Здравствуйте, мистер Вири, – поприветствовал Сидней мясника.

– Здравсте, – хмуро отвечал мистер Вири, внимательно разглядывая лицо, руки и одежду Сиднея. Он слишком углубился в это занятие, и Сиднею показалось, что мясник не слышал его просьбы.

– Мне нужны сегодня хорошие антрекоты, – повторил Сидней.

Взвесив два антрекота и полфунта шпигованного бекона, мистер Вири протянул Сиднею сверток и сдачу с таким видом, словно боялся хотя бы кончиками пальцев прикоснуться к его ладони. Когда он выходил из лавки, какая-то покупательница испуганно посторонилась, не переставая при этом внимательно наблюдать за ним. Обернувшись, чтобы взглянуть на витрину-Сидней увидел, что мистер Вири и та дама уже оживленно обсуждают его появление.

Миссис Лилибэнкс позвонила и пригласила его выпить кофе и поесть клубники в половине третьего. Сидней отметил, что пока он отсутствовал, перед ее домом появился красный открытый «триумф».

– Спасибо, с большим удовольствием, – ответил Сидней. – Но я зайду ненадолго, потому что в три часа приедут мистер и миссис Снизам, родители Алисии.

Он разговаривал таким откровенным и веселым тоном, как будто в четверг ничего не произошло.

Миссис Лилибэнкс тоже говорила так, словно ничего и не было.

Сидней подумал, что, наверное, испугал в тот вечер миссис Лилибэнкс. Но он и сам испугался. Его образ, который он до сих пор представлял себе в каком-то комически забавном свете, стал вдруг пугающе идеальным. Никто в целом мире, будь он даже гениальнейшим актером, не способен заставить свой лоб в нужный момент покрыться холодным потом. Зато теперь-то Сидней прекрасно представлял себе, каково это, когда милая пожилая дама подозревает тебя в убийстве. Это было не только непередаваемо трудно, но дико и даже глупо.

В четверть третьего он закончил сценарий и отправился к миссис Лилибэнкс. Присцилла Холлруэй ему очень понравилась. Она оказалась миниатюрным, прекрасно сложенным существом с длинными каштановыми волосами, миндалевидными глазами, матовой кожей и фантастической сексапильностью, о чем, вероятно, ни она сама, ни ее бабушка не подозревали. Она держалась очень спокойно и уверенно, видимо, желая казаться более взрослой и более опытной, чем на самом деле. Хотя, возможно, причиной тому был и сам Сидней и история об исчезновении Алисии, рассказанная ей миссис Лилибэнкс. Хотя, считал Сидней, вряд ли она поделилась с внучкой своими подозрениями: Присей смотрела на него, как на существо таинственное, но не как на преступ-

ника.

За те полчаса, что он пробыл у них, об Алисии речь не заходила. Они говорили о Лондоне, о спектакле, который сейчас там шел, в котором сама Присей играла небольшую роль. Присей расспрашивала Сиднея о его работе на телевидении, о которой много слышала от бабушки.

– Бабуля, ты мне еще не показала свои новые картины, – сказала Присей.

– Конечно, покажу, но только не сейчас, Сидней зашел к нам ненадолго, а он почти все их уже видел.

– Кстати, мне уже пора идти, – сказал Сидней, поднимаясь. – Вы не знакомы со Снизамами, миссис Лилибэнкс?

– Нет, но я бы хотела с ними познакомиться. Может, вы передадите им мое приглашение зайти на чашечку чая?

– Спасибо, но я собирался предложить им чай у себя. Я позвоню вам позднее и расскажу, как идут дела, – он посмотрел на миссис Лилибэнкс открыто и приветливо. – Большое спасибо за клубнику. Рад был с вами познакомиться, мисс Холлоуэй, – и вышел.

Снизамы приехали на десять минут раньше обещанного. Глядя, как они выходят из своего серого «мерседеса», Сидней подумал, что они постарели и тревога наложила отпечаток на их лица. Мистер Снизам был довольно маленького роста, с бледным лицом и редкими рыжими волосами. Жена его казалась даже выше своего мужа, она была блондинкой, а нос и глаза ее свидетельствовали о весьма решительном ха-

рактере. Алисия удачно сочетала в себе качества обоих родителей.

– Здравствуйте, Сидней, – сказала миссис Снизам, открывая калитку, но не протягивая руки. – Как ваши дела?

Сидней ждал их, стоя посреди аллеи.

– Неплохо, спасибо. А ваши?

Они вошли в дом. Сидней предложил им выпить по рюмке хереса, но услышал отказ. Тогда он предложил им чай, но и от чая гости тоже отказались, сославшись на то, что еще рано. Они все внимательно осматривали вокруг, будто искали в доме одну из разгадок таинственного исчезновения Алисии. Попутно миссис Снизам задавала Сиднею те же самые вопросы, на которые он уже не раз по телефону отвечал ей в течение этих недель. Однако на сей раз теще несомненно хотелось посмотреть и на выражение его лица во время ответов. Мистер Снизам хранил молчание, но тоже внимательно следил за Сиднеем. Он напоминал уменьшенное и сморщенное изображение Синклера Льюиса.

– Вы уверены, Сидней, что она не пересела на другой поезд в Ипсвиче и не поехала, допустим, куда-нибудь на север?

– Я видел, как уходил поезд, – ответил Сидней, – и мы... мы помахали друг другу.

Конечно, они не махали друг другу, но как уходил поезд, Сидней действительно видел.

Миссис Снизам вперила в него свои холодные, пронизательные глаза.

– Гм, полиция пыталась найти хотя бы одного служащего железной дороги, который видел бы, как Алисия садилась в поезд или...

– Я думаю, это будет трудно сделать, – с улыбкой прервал ее Сидней.

– Да, никто не помнит ее, – миссис Снизам посмотрела на мужа, который указательным пальцем сосредоточенно и с мрачным видом потирал свой нос. Она слегка выпрямилась на диване и положила ногу на ногу. На ней было платье из темно-синего набивного шелка, а запах ее духов Сидней узнать не смог, видимо, это были дорогие духи, во всяком случае, дороже тех, к которым он привык. – Я хочу вас спросить, Сидней, может быть, вы серьезно поссорились перед отъездом Алисии?

– Нет-нет, поверьте, миссис Снизам, – он нервно облизнул губы и помахал руками в знак несогласия. – Она хотела некоторое время побыть одна и позаниматься живописью. Сказала, что, когда у нее появится желание увидеть меня, она сама даст о себе знать... или вернется домой. Вот почему я сижу здесь и никуда не уезжаю, хотя тоже мог бы отправиться куда-нибудь.

Сидней отметил про себя, что опять становится слишком многословным и это обстоятельство порождает в его слушателях недоверие. Они, наверное, думают: «Сидней никуда не уезжает по одной весьма простой причине: он еще не до конца скрыл улики».

Подумав об этом, он непроизвольно пожал плечами и увидел что миссис Снизам заметила его жест.

– Писатели и художники. Они думают, что им все известно этом мире! – сделав такое заявление, миссис Снизам посмотрела на мужа, ища у него поддержки.

– О, молодежь, она вся такая, – произнес тот хмуро.

– Они не хотят жить, как все остальные, прилично и спокойно, следуя определенным правилам. В результате же оказываются в полной растерянности, столкнувшись с трудностями, которые сами же и породили своим странным образом жизни. Ты знаешь что я имею в виду, Хартли, – она снова повернулась к мужу.

Но на сей раз Хартли ничего не ответил, лишь значительно покачал головой, уставившись в ковер глазами.

– По-моему, в нормальном обществе нет места богеме и того образу жизни, который она исповедует. И люди эти прекрасно сознают, что ведут себя вопреки тому, чего хочет от них общество и неизменно оказываются жертвами своей собственной философии... потому что философия эта ложная и далекая от реальности.

Ложный бог, подумал Сидней, который слушал внимательно и с самым торжественным видом, словно сидел на церковной проповеди. Миссис Снизам считает, что общество – это что-то вроде бога, могущественного и непознаваемого, которому следует поклоняться слепо.

– И Алисия сейчас платит за это, – с глубоким вздохом

заклучила миссис Снизам.

Она сидела все так же прямо и пристально смотрела в глаза Сиднею.

– Да, машинально ответил Сидней, – ... очевидно, вы правы, – Миссис Снизам с удовлетворением кивнула, видя, что с успехом выступила в защиту своего собственного образа жизни, который должен, без сомнения, быть и образом жизни ее дочери.

– Да, – повторил Сидней.

Какое-то время все трое хранили молчание. Сидней первым нарушил его:

– Моя соседка, миссис Лилибэнкс, просила передать вам приглашение зайти к ней на чай в четыре часа. Она очень хорошо знала Алисию. Возможно, Алисия вам о ней рассказывала.

Миссис Снизам вопросительно посмотрела на своего мужа.

– Я не знаю, Хартли. Что ты об этом думаешь? Конечно, нужно ответить что-нибудь миссис Лилибэнкс. Да, Алисия мне о ней говорила, – прибавила она, обращаясь к Сиднею.

– Боюсь, мы потеряем много времени, – произнес Хартли Снизам.

По просьбе мистера Снизам Сидней показал им комнату Алисии. Там миссис Снизам не удержалась и высказала несколько довольно равнодушных, впрочем, порицаний по поводу последних картин Алисии, выполненных в абстракт-

ной манере.

– У нее есть очень хороший портрет миссис Лилибэнкс, – сказал Сидней. – Он висит в гостиной. Вы его, наверное, просто не заметили.

Миссис Снизам и вправду его не заметила, но с честью вышла из положения, заявив:

– О, да, нужно будет взглянуть на него еще разок.

Без десяти четыре они стали прощаться. Миссис Снизам посмотрела в сторону дома миссис Лилибэнкс и предложила мужу:

– Хартли, мы могли бы зайти только на минутку к миссис Лилибэнкс, просто чтобы познакомиться, и не оставаться на чай.

– Хорошо, – согласился Хартли.

Вежливо раскланявшись, они пообещали немедленно сообщать друг другу, если появятся какие-нибудь известия от Алисии, и Сидней вернулся в дом. Он был уверен, что Снизамы пробудут у миссис Лилибэнкс не меньше получаса и, конечно же, останутся на чай. Они просто хотели избавиться от него, чтобы иметь возможность поговорить с миссис Лилибэнкс с глазу на глаз. Но они не знали о приезде Присей, а ее присутствие, конечно же, заставит их сдерживаться. В любом случае, есть там Присей или нет, он был уверен, что миссис Лилибэнкс ничего не скажет им про ковер.

Однако не прошло и четверти часа, как вдруг послышался шум заводимого мотора. Сидней подошел к окну и увидел,

как «триумф» Присей удаляется в сторону Ипсвича и Лондона.

XIX

Миссис Лилибэнкс немного удивилась, что Снизамы пришли без Сиднея. Первые минуты знакомства прошли достаточно хорошо, однако, как только Присей уехала, обстановка стала натянутой. Снизамы принялись допрашивать миссис Лилибэнкс с пристрастием, медленно, осторожно, но неумолимо. Что она думает обо всей этой богемной жизни, которую вели Сидней и Алисия? А этот нестриженный газон, разве не удручающе он действует на настроение? Миссис Лилибэнкс несколько раз удалось вызвать у них вежливую улыбку своими снисходительными ответами, но миссис Снизам каждый раз неуклонно возвращалась к тому, что ее интересовало.

– Я никогда не верила, что Сидней может сделать ее счастливой, – сказала она. – Знаете, на самом деле мы не одобряли этот брак, но не хотели, как вы понимаете, противодействовать ему на манер старомодных и строгих родителей. Но всегда знали, что добром это не кончится. Верно, Хартли?

– Да, дорогая, – кивнул Хартли Снизам.

– Алисия привыкла поступать по-своему, и обычно мы не мешали ей. Потому-то она и вышла замуж за Сиднея. До какого-момента это могло казаться естественным, а потом... – мисс Снизам с силой хлопнула ладонью по тыльной стороне другой руки. – Что бы она ни думала, но это когда-ни-

будь должно превратиться. Алисия нуждается в жизни размеренной, в такой, которой была подготовлена воспитанием. Сидней Бартлеби не очень понравился мне, когда они поженились, и, буду откровенной, мне не нравится, как он ведет себя сейчас, – сказала мисс; Снизам, смотря прямо в глаза миссис Лилибэнкс.

– Что вы имеете в виду под ее теперешним поведением? – спросила миссис Лилибэнкс.

– Он не похож на человека, у которого пропала жена, – заявила миссис Снизам. – На мой взгляд, муж должен реагировать не так. Он слишком холоден. Сидней словно знает, где она, и не хочет сказать. Хотя не думаю, чтобы он знал. Мне кажется, это все его просто не волнует. Надеюсь, вы простите меня за мою откровенность, миссис Лилибэнкс, но дело серьезное, и мы с мужем уже целый месяц живем в тревоге. Не кажется ли вам, что Сидней с Алисией тайно договорились и решили никому ничего не открывать в этом деле?

Миссис Лилибэнкс взяла чайник, чтобы подлить гостям еще чая, но миссис Снизам ее остановила:

– Сидней сказал мне, и Алисия тоже говорила, что они хотят на некоторое время расстаться.

– Да, я уже слишком много об этом слышала. И Хартли тоже. Но я имела в виду что-нибудь более серьезное... развод, например...

– О, нет, ни о чем подобном я не слышала, – ответила мисс Лилибэнкс. – Да и не уверена, что Алисия могла довериться

мне в подобных вещах.

– Она никогда не говорила вам о каком-нибудь друге мужчине? – спросила миссис Снизам.

– Ни разу.

– Мы должны предусмотреть все возможности, даже самые неприятные, – заявила миссис Снизам. Она помолчала немного и вдруг добавила: – И даже такую, что ее убил Сидней.

Миссис Лилибэнкс чувствовала, как внимательно миссис Снизам наблюдает за выражением ее лица, словно стараясь угадать, не посещала ли и ее подобная мысль. Мистер Снизам, со своей стороны, хранил молчание, и это говорило о том, что они с женой уже обсуждали такую возможность.

– Вам не приходила в голову подобная мысль? – спросила миссис Снизам.

– Кларисса, – мягко сказал мистер Снизам, – не давай твоему воображению полностью овладеть тобой.

– Давайте посмотрим фактам в лицо, – настаивала его жена со зловещим спокойствием в голосе. – Полиция не нашла Алисии ни в Брайтоне, ни где-либо еще. Она так и не появилась, хотя фотография ее была напечатана во всех английских газетах уже неделю назад. У Сиднея же Бартлеби никогда не было своих денег, смерть Алисии спасла бы его от безденежья.

– Дорогая, это похоже на полицейский роман.

– Так всегда и говорят, пока не становится слишком позд-

но, – ответила миссис Снизам, – кстати, я не пойму, почему полиция так долго тянет с расследованием?

Она остановилась, явно ожидая ответа миссис Лилибэнкс, но той, видимо, нечего было сказать, и некоторое время они сидели молча.

– Надеюсь, миссис Лилибэнкс, вас ничего не заставляет молчать, и если у вас есть какие-то подозрения, вы можете честно сказать об этом. Может быть, вы заметили что-то... или видели какую-то ссору.

Миссис Лилибэнкс заметила, что глаза гости наполнились слезами. Это тронуло ее, и она внезапно почувствовала жалость к этой женщине.

– Конечно, как и во всякой семье, между ними тоже случались размолвки...

– Значит, вы заставляли их в такие моменты? Когда это было?

– Ну... (миссис Лилибэнкс почувствовала, что немного волнуется). Однажды, когда я ужинала у них, я услышала раздраженный голос. Ничего особенного, это длилось одно мгновение. Уверена, что со всеми это случается.

– Чей это был голос?

– Сиднея. Всего какое-то мгновение.

Миссис Снизам явно была не удовлетворена таким ответом.

– А не ссорились ли они перед отъездом Алисии?

– Нет. Во всяком случае, мне об этом ничего не известно.

– Не видели ли вы, чтобы Сидней ее когда-нибудь бил?

– О, господи! Нет.

– А вам... вам нравится Сидней?

Миссис Лилибэнкс глубоко вздохнула и сказала, тщательно подбирая слова:

– Я нахожу его интересным... да, порой с ним бывает очень интересно. Он полон разных идей.

– Для историй, которые никто не покупает?

– Но... он очень надеется, что ему удастся продать «Лэша». Он вам говорил об этом? Сценарий для телесериала.

– Да? – миссис Снизам посмотрела на мужа, который безучастно покачивал ногой. – Кажется, он делает это вместе с Алексом Полк-Фарадейсом?

– Да, кажется так.

– Но Алекс – приличный молодой человек. По крайней мере, он имеет постоянную работу, хотя тоже хочет стать писателем.

Миссис Лилибэнкс ничего не ответила. Она почувствовала, как минутное ее расположение к миссис Снизам вновь исчезает. Но при этом она колебалась, а не следует ли рассказать им о случае с ковром? Конечно, это означало бы нарушить обещание, данное Сиднею, но не обернется ли ошибкой и то, что она утаила эти сведения только лишь из страха перед преступником? С другой же стороны, ее могут обвинить в том, что она сеет слухи против невинного человека. Ах, если бы миссис Снизам не была столь эмоциональна,

то миссис Лилибэнкс, возможно, и открылась бы родителям Алисии, предупредив их, чтобы они сохраняли спокойствие, когда будут передавать ее рассказ полиции, и изложили бы одни лишь факты, факты, которые, впрочем, были довольно туманными. Слабое утреннее освещение, слабое зрение миссис Лилибэнкс... Но пусть бы этим занялась полиция. Однако миссис Лилибэнкс понимала, что не может надеяться на спокойствие и разум миссис Снизам.

– Значит, Сидней, вам нравится, – утвердительно произнесла миссис Снизам.

– Дорогая, мне кажется, ты не должна допрашивать нашу хозяйку с таким пристрастием.

Вскоре Снизамы поднялись и распрощались, поблагодарив миссис Лилибэнкс за чай. Старая дама была тронута, увидев, что миссис Снизам чуть было не поцеловала ее в щеку, но в последний момент не решилась. А мистер Снизам даже немного задержал ее руку в своих.

– Алисия много о вас рассказывала, – сказал он. – Она очень к вам привязана.

– Бот потому-то мне и кажется странным, что она ничего не написала своей соседке, дорогой, – вставила миссис Снизам.

Они вернулись к машине, стоявшей перед дверью дома Сиднея.

Миссис Лилибэнкс убрала со стола и поставила посуду в раковину. Застыв на мгновение в задумчивости перед разо-

виной, она вдруг решительно подошла к телефону. Во время разговора со Снизаммами она уже приняла решение и не хотела от него отступить.

Набрав номер ипсвичской полиции, она попросила к телефону инспектора Брокуэя. Инспектора не было на месте.

– Кажется, у меня есть что сообщить ему, – сказала она. – Дело касается Алисии Бартлеби.

– Да? Не могу ли я передать ваше сообщение, миссис Лилибэнкс?

– Нет, благодарю. Я не хочу говорить по телефону. Лучше встретиться с инспектором лично.

Ей ответили, что передадут ее просьбу обязательно, и если он не сможет заехать сразу, то позвонит ей. Миссис Лилибэнкс сказала, что весь день будет дома.

Положив трубку, она подумала о том, что если уж быть до конца правдивой, ей придется рассказать инспектору Брокуэю о неожиданной вспышке гнева у Сиднея, когда Алисия разбила стакан. В ней не было ничего особенного, но тот случай явно доказывал, что у Сиднея случались внезапные и очень сильные приступы раздражения. Алисия рассказывала, что два раза Сидней даже ударил ее. Он способен вдруг – ни с того ни с сего, прийти в дикую ярость, – сказала Алисия, прищелкнув пальцами. У миссис Лилибэнкс мелькала мысль, что исчезновение Алисии могло быть чем-то вроде бегства, может быть, даже и к какому-нибудь мужчине; бежать, чтобы вновь обрести уверенность и отомстить. Но по-

сле встречи со Снизамми это предположение стало казаться ей уже менее правдоподобным, и она все больше склонялась принять версию о том, что во время одного из своих диких приступов Сидней зашел слишком далеко. Инспектор ведь спрашивал, что она думает о характере Сиднея, точнее, о его темпераменте. Миссис Лилибэнкс вполне могла приписать ему способность в состоянии гнева убить человека и в то же время, сохранить достаточно хладнокровия для того, чтобы сыграть свою роль так, как он играл ее теперь.

В 7.20 позвонил инспектор Брокуэй, и без четверти девять он уже сидел у миссис Лилибэнкс.

Выйдя от нее, он направился к соседнему дому, чтобы допросить Сиднея Бартлеби.

XX

Сидя на диване в гостиной, под звуки «Весны священной» Сидней делал записи в своей коричневой тетрадке.

«13 августа.

Никак не могу представить себе это. Все время чего-то недостает. Я не верю, будто в каждом из нас сидит убийца; мне, например, кажется это ужасным, даже и в той степени, в какой я имею к этому отношение. Но это может значить, что я близок к истине? Какая-то смесь духовного и отчасти физического дискомфорта, сильного беспокойства, чувства собственной низости, разрыва со всем человеческим, необходимость носить маску и стыд за собственную жестокость, стыд, не смягчаемый даже детскими воспоминаниями, которые могли привести меня к этому поступку. Иногда убийцы бывают слишком дерзкими. Возможно, причина в том, что они стараются не размышлять, а, возможно, и в том, что они попросту не способны на размышления. Короче, я не удовлетворен тем, что вообразил себе, потому что я не настоящий убийца. Думаю, у настоящего убийцы были бы другие мысли и ощущения, чем у меня. Да и почему бы им быть такими же? Мои реакции – всего лишь результат условий, в которых нахожусь я. Многие из сложившихся ситуаций я просто не смог предугадать.»

Он сидел неподвижно, уставившись невидящим взглядом

куда-то в пространство. Стук в дверь вывел его из задумчивости. Стучали сильно, значит, это не миссис Лилибэнкс. Сидней положил ручку, закрыл тетрадь и пошел открывать. Он был удивлен, увидев в дверях высокую фигуру инспектора Брокуэя.

– Профессор, Брокуэй! Извините... инспектор, – сказал Сидней.

Он тут же подумал, что миссис Лилибэнкс, должно быть, рассказала историю с ковром его тестю с тещей, но мысль эта не вызвала в нем привычного чувства вины.

– Добрый вечер, – сказал инспектор Брокуэй, поднося ко рту свой огромный кулак и сильно кашляя. – Надеюсь, я не очень вас побеспокоил.

Сидней так близко стоял к инспектору, что кашель заставил его отшатнуться.

– Ничуть. Входите. Я сейчас выключу. Он остановил проигрыватель.

Инспектор расстегнул пуговицы своего костюма из сине-коричневого твида, снял шляпу и сел на стул.

– Вы, кажется, встречались сегодня со Снизамами?

– Да, они приезжали в три часа.

– Как я понимаю, у них нет ничего нового?

– Нет.

– А у вас?

Инспектор Брокуэй взглядом окинул комнату, на мгновение задержавшись на коричневой тетрадке, потрепанной

скорей от времени, чем от частого применения, после чего снова повернулся к Сиднею.

– Нет.

Сидней пожалел, что оставил тетрадь на столике, на самом виду. Инспектор потрогал ее пальцами правой руки и слегка пододвинул к себе.

– Сегодня миссис Лилибэнкс рассказала мне что видела, как вы выходили из этого дома с ковром, и что вы сказали, будто где-то закопали его. Это правда?

– Да, – ответил Сидней, и его голос заметно и совершенно неожиданно дрогнул. – Это был старый ковер, полный личинок моли. Я не хотел сжигать его, а так как мусор вывозят только раз в две недели, я его закопал.

– Когда вы его закопали? – спросил инспектор.

– О... несколько недель назад.

– В июле?

– Да.

– Вы не помните точной даты?

– Сразу после отъезда моей жены, я хорошо помню. Я проснулся утром... Это было на следующий день после ее отъезда.

– Еще до восхода солнца?

– Да. (Нужно, не колеблясь, излагать факты, как бы подозрительно они не звучали, подумал он.)

– Где вы зарыли ковер?

– Где-то неподалеку от Пархама. По дороге в Пархам. В

лесу.

Инспектор, наморщив лоб, посмотрел на него.

– Расскажите, как вы это сделали.

Сидней глубоко вздохнул и вдруг почувствовал настоящую боль. Да-да, сначала я столкнул ее с лестницы, подумал он. Всю ночь тело пролежало в доме. Он провел рукой по волосам, нерешительно посмотрел в другой конец комнаты и обернулся к Брокуэю.

– Вилами я выкопал яму...

Инспектор Брокуэй вытащил пачку сигарет и протянул Сиднею, но тот отказался, покачав головой. Впервые инспектор закурил в его присутствии. Что ж, можно расслабиться теперь, когда тайна разгадана?

– Вы можете найти это место?

– Думаю, да. В любом случае могу попробовать, – со слабой улыбкой сказал Сидней. Все шло как и должно было идти.

– Хорошо.

Инспектор выпустил первое облако дыма, встал, направился к окну и вдруг закашлял так, что снова заставил Сиднею вздрогнуть. Сидней неожиданно понял, что напоминает ему этот кашель: звук, когда нога давит в мелкие щепки пустой деревянный ящик.

– Еще не стемнело, попробуем, – спросил инспектор.

– Как вам угодно.

Машина инспектора стояла перед домом миссис Лилиб-

энкс. Инспектор знал дорогу на Пархам, и Сидней помог ему, лишь когда они поехали через лес.

– Немного притормозите. Здесь налево.

Сидней повел его в лес. Он осмотрелся кругом, пытаясь найти знакомые деревья и кусты, но не смог. Ничего, сказал он себе. Обернулся и попытался вспомнить, на каком расстоянии от дороги было то место.

– С того дня кустарник сильно разросся.

– Очень может быть, но вы все-таки попробуйте.

Сидней медленно двинулся вперед. Остановился на небольшой полянке и осмотрел землю.

– Может быть, здесь.

Инспектор посмотрел, но не увидел следов вил.

– Прекрасно. Я отмечу это место, и мы вернемся сюда завтра, – он вырвал из своей записной книжки листок, положил его на землю и придавил камнем.

Они вернулись к машине. Инспектор молча отвез Сиднея домой, и, попрощавшись, пожелал ему доброй ночи.

Вот она, чисто английская, спокойная манера вести дела, подумал Сидней. Оставить убийце еще одну ночь. Отвезти его домой и пожелать на прощание доброй ночи: ничего, мол, мы накинем тебе веревку на шею! Сидней вообразил, что в ковре и в самом деле лежит труп Алисии, уже полуразложившийся, и он сам пытается уснуть в своей постели и все вертится с боку на бок, изнывая от страха, ведь миссис Лилибэнкс видела его с ковром на плече и навела на его след по-

лицию. Ему оставалось провести на свободе всего несколько часов. Убийца, решил он, наверное, сразу же отправился бы мстить миссис Лилибэнкс. Странно, что полиция не охраняет ее дом или не посоветовала ей уехать на время. При этой мысли Сидней вылез из постели и выглянул в окно.

Было слишком темно, чтобы разглядеть перед ее домом машину или человека. Возможно, миссис Лилибэнкс ночует сейчас у соседей. А может быть, сама позвала кого-нибудь переночевать в комнате для гостей. Сидней снова лег. Он пытался вообразить еще что-нибудь, но очень быстро заснул.

На следующее утро, около восьми часов, Сидней увидел, что миссис Лилибэнкс, как обычно, наливает воду в поилку для птиц, стоящую на газоне. У него мелькнула мысль, что полицейские, должно быть, уже перекопали все вокруг и нашли наконец пустой ковер без единого пятнышка крови. Он усмехнулся и отправился варить себе кофе. Перед тем, как сесть за работу, он снова взглянул в окно кабинета в сторону дома миссис Лилибэнкс. Старой дамы не было, хотя в это время она обычно работала в саду. Сидней решил, что она, должно быть, чувствует себя неудобно, ее мучает тревога, и нужно сходить как-нибудь ее успокоить. Миссис Лилибэнкс могла подумать, что он сердится за то, что она нарушила обещание и рассказала инспектору историю с ковром. Но Сидней решил подождать, пока полицейские не скажут, что ничего не нашли. Конечно, она могла поверить, когда он имел глупость внушить ей будто в ковре что-то было. И теперь

придется объяснить, что у него просто разыгралось воображение, что он шутил. (Миссис Лилибэнкс, вероятно, не оценит такой мрачный юмор, но тем хуже.) Он может также сказать, что стал жертвой минутного помутнения разума, галлюцинации, ужаса, беспокойства и сам в тот вечер по-настоящему поверил, что убил Алисию. Ни одно из этих объяснений нельзя считать удовлетворительным, но важно как можно скорее сказать миссис Лилибэнкс, что в ковре ничего не было. (Как? Не может быть! – скажет он инспектору. – Кто-то похитил тело! Я этого не переживу! Ищите лучше!) И Сидней переключил внимание на новую историю о Лэше.

Ровно в десять зазвонил телефон.

– У аппарата инспектор Брокуэй. В месте, которое вы указали вчера вечером, нет зарытого ковра. Вы не могли бы немедленно приехать, мистер Бартлеби. Может быть, днем вам легче будет отыскать это место?

Менее двух минут понадобилось Сиднею, чтобы выйти из дома. Какая жалость! Несчастные полицейские потратили все утро, ковыряясь в твердой земле! Наверное, занимались этим с самого рассвета!

Когда он приехал, инспектор стоял у своей машины, курил и беседовал с молодым полицейским из Ронси Нолла. Сидней поставил свою машину сзади.

– Здравствуйте, инспектор! Здравствуйте, – кивнул он и молодому полицейскому. – Мне очень жаль, что я ввел вас в заблуждение. Мне следовало бы посмотреть подальше от

дороги. Возможно, там мы и найдем.

– Как вам будет угодно, – сказал инспектор.

Сидней пошел по левой стороне дороги, внимательно вглядываясь в заросли, но каждый метр казался ему неотличимым от предыдущего, и он повернул обратно. Подойдя к инспектору, который ждал, облокотившись о машину, Сидней сказал:

– Очень жаль, инспектор, но мне кажется, что это не там. Это где-то здесь, мне нужно еще посмотреть.

– Пойдемте, – согласился инспектор и двинулся следом.

Через двадцать-тридцать шагов Сидней увидел темные силуэты двух полицейских, один сидел на поваленном дереве, другой стучал вилами по дереву, пытаясь стряхнуть с них землю. Сидней направился к ним.

– Кажется, вам не повезло, – сказал он. – Мне очень жаль, что я причинил вам столько беспокойства.

Земля была изрыта так, словно здесь копали бомбоубежище. Полицейские расстегнули свои мундиры.

– Здесь ужасно твердая земля, – пожаловался тот, что стоял.

– Но я уверен, что это где-то здесь, – настаивал Сидней и пошел немного вправо и параллельно дороге, которую скрывали деревья. Колючки цеплялись за его брюки. Поскользнувшись на чем-то, он с отвращением увидел под ногами огромного черного слизняка. Он вышел на маленькую прогалину и в нерешительности остановился.

– Возможно, здесь, – сказал Сидней молодому полицейскому, стоявшему у него за спиной.

Полицейский вынул карманный нож и сделал две отметки на молодом деревце, потом счистил кору, и стало видно белые следы. Инспектор внимательно изучал землю.

Сидней направился к дороге. Ему попалось еще одно похожее место.

– К сожалению, трава сильно разрослась. Поэтому и трудно найти.

– Прошло ведь много времени, почти два месяца, – ответил молодой полицейский.

Сидней подумал о том, в каком состоянии будет труп спустя столько времени.

– Больше ничем не могу помочь, – произнес он, вернувшись туда, где молодой полицейский сделал отметку на дереве.

Неожиданно прямо перед ними из-за деревьев возник инспектор.

– На какую глубину вы копали?

– Метра на полтора, кажется, – ответил Сидней. – Возможно, именно поэтому они и не нашли ничего в том месте. Надо проверить, как глубоко они копали.

Инспектор и молодой полицейский двинулись за ним. Вернувшись к первому месту, Сидней попросил вилы, и начал тыкать ими в землю возле большого дерева и выкопал несколько комков темной земли. Там, где копали полицей-

ские, земля была плотной, и корни деревьев казались нетронутыми.

– Ничего не понимаю, – проговорил Сидней. Четверо полицейских стояли вокруг и смотрели на него.

– Ребята, я думаю, нужно копать глубже в месте, где только что копал мистер Бартлеби, – сказал инспектор. – И там, подальше, есть еще одно место.

Полицейские вяло принялись за работу.

Сидней постоял какое-то время, затем спросил инспектора:

– Есть ли смысл мне оставаться тут? У меня много работы дома.

Инспектор разрешил ему идти, сказав, что вскоре сам позвонит.

Сидней вернулся к машине. На траве к месту раскопок уже протопталась дорожка.

В час дня позвонил инспектор и сообщил, что раскопки во втором месте ничего не дали.

– Странно, ковер был скручен, но не свернут пополам, он длинный, и его легко найти.

Инспектор сказал, что после обеда они попробуют покопать еще в одном месте, которое им указал Сидней.

В конце концов они его найдут, подумал Сидней, не мог же ковер испариться. И он вернулся к сценарию. Лэша пригласили в полицию (они по-прежнему не подозревали о его преступной деятельности) и попросили помочь поймать бан-

ду грабителей, совершивших уже несколько крупных преступлений в Паддингтоне. Выдавая себя за рецидивиста, недавно освободившегося из тюрьмы, Лэш проникает в банду и ждет подходящего момента, чтобы выдать злодеев полиции, самого ловкого оставив себе для личных нужд.

В четыре Брокуэй не позвонил.

Сидней вдруг подумал об Алисии. Где она, черт возьми, чем занимается? С кем она? У нее непременно кто-то есть. У Алисии были богатые друзья, но вряд ли в этой ситуации она обратилась к ним за помощью. Нет, тут что-то другое. Скорее всего, ее содержит какой-то мужчина, и она стала его любовницей. Сидней нахмурился, одновременно задетый и заинтригованный таким предположением. Он встал из-за стола и в этот день больше уже к нему не подходил.

Около пяти, когда он слонялся по двору, зазвонил телефон. Сидней едва успел добежать и снять трубку.

– Алло, Сидней. Это Элспет Крэгг. Как ваши дела?

– Спасибо, прекрасно. А ваши?

– Есть какие-нибудь новости от Алисии?

Они проговорили около пяти минут. Элспет уже вызывали в полицию? Нет, она только что родила ребенка. Они с мужем жили в Вудбридже и были людьми довольно скучными. Вопросы и реплики Элспет так надоели Сиднею, что он хотел уже, чтобы как-то оживить беседу, рассказать о том, как полиция перерыла землю в поисках старого ковра, в котором они рассчитывали найти труп Алисии; но потом ре-

шил, что Элспет не заслуживает таких интересных сведений. К тому же он и не хотел говорить об этом по телефону: а вдруг полиция прослушивает его номер. И Сидней постарался поскорей закончить разговор.

– Уф, – вздохнул он, положив трубку. Инспектор Брокуэй позвонил в шесть.

– Мы наконец нашли его, мистер Бартлеби. С пятого раза.

– О, боже! Мне очень жаль.

– Ничего не поделаешь, это наша работа, – он усмехнулся.

– Вы все описали верно – старый, изъеденный молью, а теперь еще и заплесневевший ковер.

– Могу себе представить.

– В тот день у вас наверное было много сил.

Сиднея подмывало сказать ему: «А вы покопайте еще немного и найдете тело, ковер – просто маскировка».

– Да-да, в самом деле так... я хотел зарыть его так же глубоко, как если бы я действительно хотел что-то закопать. Просто я проводил некоторые опыты для одной из моих историй. Я хотел знать, сколько там попадается корней, сколько времени это может занять... в общем, вы сами видели.

– Чисто писательские проблемы.

– Да, точнее, автора телевизионных историй... Большое спасибо, что позвонили, инспектор.

– Вы завтра будете дома? Завтра был понедельник.

– Да-да, в принципе я целый день буду дома и, если выйду, то только за покупками.

– Я заеду к вам после обеда.

Сидней принял ванну, надел чистую рубашку и хорошо выглаженные брюки. Он спешил, не желая, чтобы инспектор опередил его и первым сообщил новость миссис Лилибэнкс. Может быть, отнести ей цветов? Розу или цветную капусту? Нет, без глупостей. На прошлой неделе Сидней приносил ей брюссельскую капусту. Он просто сделает ей короткий визит, извинится, что не мог прийти раньше, так как помогал полиции и затем ждал звонка от инспектора.

Придав своему лицу самое строгое и серьезное выражение, он направился к дому миссис Лилибэнкс, с дорожки пытаясь разглядеть, где находится старая дама. Ничего не увидев, Сидней решил войти через кухню.

– Миссис Лилибэнкс! – позвал он, повернув ручку двери. Дверь отворилась. В кухне никого не было.

– Миссис Лилибэнкс! – он вошел в столовую.

Миссис Лилибэнкс стояла в гостиной, прислонившись к дивану и прижав к груди правую руку. В первый момент Сиднею показалось, что она что-то держит в руке, но миссис Лилибэнкс просто прижимала кулак к левой груди.

– Что случилось, миссис Лилибэнкс? – и Сидней бросился к ней.

Лицо ее было бледно, а рот открыт, как будто от какого-то страшного потрясения. Она вдруг резко вскрикнула и, прежде чем Сидней успел подбежать к ней, рухнула на пол рядом с диваном.

– Подождите, я помогу вам лечь, – сказал Сидней.

Тело ее как-то сразу обмякло, и он с трудом смог поднять ее.

– У вас есть лекарство? Скажите... где... Где лекарство, миссис Лилибэнкс?

Оставив ее, Сидней бросился на кухню, намочил тряпку и бегом вернулся. Он подумал, что надо бы дать ей воды, но решил, что это опасно: миссис Лилибэнкс была явно не в состоянии проглотить что-нибудь. На кухне Сидней нашел коньяк, налил его в чайную чашку, надеясь, что от его запаха она придет в себя, и поставил ей чашку под нос.

Только теперь он понял, что миссис Лилибэнкс мертва. Рука, которую она прежде прижимала к груди, до странности молодая и красивая рука вытянулась на диване вдоль тела. Сиднею самому захотелось выпить коньяка, но он поставил чашку, достал носовой платок и вытер руки. Подойдя к телефону он вдруг резко обернулся и крикнул: «Миссис Лилибэнкс!» Ответа не было.

Сняв трубку, Сидней начал набирать номер «999», но тут же положил ее, не успев набрать последней девятки. Что они подумают? Бартлеби сообщает о смерти женщины, которая открыла полиции историю с ковром? Они наверняка решат, что он отомстил, просто-напросто сильно напугав ее и прекрасно зная, насколько у нее большое сердце. А разве на самом деле это не так? А может быть, подумал Сидней, поворачиваясь еще раз взглянуть на миссис Лилибэнкс, она сама

выбрала этот момент, чтобы умереть, сама напугала себя, не выпила в положенное время свое лекарство... Пошла на это специально, чтобы его обвинили и у всех сложилось впечатление, будто это он убил ее, мстя за историю с ковром? Нет, это уже слишком.

В течение нескольких секунд Сидней стоял, словно парализованный, глядя на телефонную трубку. Отпечатки его пальцев были еще и на чашке и на дверной ручке. Почему бы ему и рассказать все как было? Но при этой мысли воображение его заработало вновь: да, это он убил миссис Лилибэнкс, специально замахнувшись на нее, чтобы испугать. Посудите сами, разве не очевидно? Даже если полиция и не нашла ничего в ковре, все равно тело Алисии зарыто где-нибудь, а Сидней Бартлеби совсем потерял голову. Некоторые из его близких друзей несомненно так и скажут.

В этот момент зазвонил телефон. Сидней посмотрел на аппарат и, пока тот звонил, решил, что, кто бы ни звонил, он скажет, что вошел к миссис Лилибэнкс в тот самый момент, когда с нею случился сердечный приступ. И добавит, что хочет срочно позвонить в полицию или доктору, то есть сделать то, что полагаете делать в подобных случаях. Может, это Присей? Или миссис Хаукинз, она ведь звонит каждый день. Или инспектор Брокуэй. Очень может быть, и Сидней торопливо снял трубку.

– Алло?

Но на том конце провода уже никого не было. Он набрал

номер телефонной станции:

– Соедините меня, пожалуйста, с ипсвичской полицией. Когда его наконец соединили, оказалось, что инспектор Брокуэй всего две минуты как вышел.

– Ему что-нибудь передать?

– Нет, – нервно ответил Сидней. – Нет, спасибо. И положил трубку.

Если инспектор выехал прямо сюда, он приедет через двадцать минут. Нужно ли его здесь дожидаться. Сидней предпочел бы вернуться домой, но это может произвести впечатление еще более неблагоприятное: будет похоже, что он сбежал с места преступления, стараясь скрыть улики. Он, конечно, мог позвонить в Ипсвич и рассказать все любому полицейскому. Но ему попросту не хотелось. Почему бы не подождать? Даже если в дверь позвонит кто-нибудь из соседей, разве он не сможет рассказать все как есть? Сидней избегал глядеть на лежавшее тело миссис Лилибэнкс. Посмотрев на часы, он вычислил, что инспектор должен быть здесь без четверти восемь, если предположить, что Брокуэй направляется именно сюда. Сидней взял сложенное покрывало с ручки кресла и накрыл им миссис Лилибэнкс до подбородка, при этом стараясь не смотреть на нее и не прикасаться к ней.

Ему очень не хотелось оставаться рядом с умершей, и Сидней поднялся на второй этаж. Он вошел в мастерскую миссис Лилибэнкс. Там пахло скипидаром, как пахло раньше в мастерской Алисии, но здесь запах был свежим, слов-

но миссис Лилибэнкс только что закончила свои занятия и спустилась попить чая. Сидней вышел и заглянул в другую дверь, там была спальня. В изголовье удобной кровати лежало множество подушек, кровать была накрыта вязаным шерстяным покрывалом. На столике валялась книжка Памелы Хенсворд Джонсон, а на нижней полке – бинокль. Затем Сидней зашел еще в комнату, которая, как ему показалось, была гостиной, чистая, хорошо прибранная и безликая. Он начал чувствовать себя свободнее и только теперь осознал, что произошло.

Вернувшись в спальню, Сидней взял бинокль. Он впервые держал его в руках. Подошел к окну и стал смотреть. Собственный дом оказался совсем рядом. Наведя бинокль на задний двор и гараж, он представил себя выходящим в то утро с тяжелым ковром – не таким уж и тяжелым, как пытался представить – перекинутым через правое плечо, и идущим к машине, чтобы тут же отъехать в легком утреннем тумане.

Сидней услышал, как хлопнула задняя дверь. – Миссис Лилибэнкс! – послышался женский голос.

О, господи! Наверное, это миссис Хаукинз. Внутри у него похолодело. Он подбежал к лестнице и закричал:

– Миссис Хаукинз, это вы?

Но в тот же самый момент женщина издала ужасный вопль, который и заглушил слова Сиднея.

– Миссис Хаукинз!

Сидней сбежал по лестнице вниз.

Миссис Хаукинз обернулась, увидела его и издала еще один ужасный вопль. Попятившись, она опрокинула столик, на котором стояла чашка с коньяком.

– Не прикасайтесь ко мне! Не приближайтесь!

– Ради всего святого, замолчите! – крикнул Сидней, неожиданно разозлившись на нее за столь шумное вторжение.

Совершенно обезумев, с выпученными глазами, миссис Хаукинз тянулась за фарфоровой собакой, стоявшей на камине.

– Ради бога, не кидайте ее! – закричал Сидней в ужасе от мысли о подобном святотатстве.

Но она кинула прежде, чем он закончил фразу.

Сидней машинально отпустил бинокль и на лету поймал собаку. Проверив, не треснула ли она, ударившись о его кольцо, он испепеляющим взглядом посмотрел на миссис Хаукинз:

– Успокойтесь, ненормальная!

– Не двигайтесь с места! (Ее волосы торчали в разные стороны, и она начала косить от ужаса.) Что вы тут делаете? Миссис Лилибэнкс мертва. Что вы тут делаете?

– Я жду полицию, и если вам это не нравится, почему бы вам отсюда не убраться? – сказал Сидней, сдерживаясь изо всех сил перед обезумевшей женщиной.

Он шагнул к камину, чтобы вернуть собаку на место, и

миссис Хаукинз попятилась еще, едва не сев на голову миссис Лилибэнкс. Чувствуя, что вот-вот совершенно выйдет из себя, Сидней развернулся и поставил собаку на книжную полку в другом конце комнаты. Потом поднял бинокль. «Чертова фурия», – пробормотал он.

– Уходите! – выкрикнула миссис Хаукинз. – Уходите из этого дома.

– Я жду полицию, – не глядя на нее, повторил Сидней. На улице послышался шум мотора.

Охая, словно собираясь грохнуться в обморок, как барышня викторианской эпохи, миссис Хаукинз доползла до окна и чуть не упала там. Похоже, она не слишком твердо держалась на ногах.

Сидней открыл дверь. Слава богу, к дому шел инспектор Брокуэй, он прибыл как раз вовремя.

– Инспектор Брокуэй! Я только что вам звонил, – сказа, Сидней. – Входите.

– Что здесь происходит? – убыстряя шаг, спросил инспектор.

– С миссис Лилибэнкс случился сердечный приступ.

– Вы инспектор? – сказала миссис Хаукинз. – Я пришла пять минут назад и застала вот этого, – жест в сторону Сиднея, – преспокойно спускающимся со второго этажа. Он сказал, чтобы убиралась, а она лежала там, замертво! (Она кивнула на миссис Лилибэнкс.) Он заявил мне...

– Успокойтесь, пожалуйста, уважаемая. Чуть позднее мы

выслушаем вашу историю. Миссис Лилибэнкс мертва?

Инспектор Брокуэй подошел к миссис Лилибэнкс, осторожно приподнял покрывало, взял правую руку и попытался нащупать пульс. Покачал головой.

– Так что же произошло? – спросил он Сиднея. Миссис Хаукинз затараторила снова.

– Прошу вас... – инспектор жестом попросил ее замолчать, проявляя завидное терпение.

Миссис Хаукинз замолчала.

– Я пришёл сюда в четверть восьмого, – сказал Сидней. – Постучал, мне не ответили, тогда я открыл заднюю дверь и позвал. Когда я переступил порог гостиной, миссис Лилибэнкс держалась за сердце... вот так (он показал). Я спросил ее, где у нее лежит лекарство, но миссис Лилибэнкс уже не могла говорить. Она упала, и я перетащил ее на диван. После чего, думаю, умерла. Вот и все.

Сидней почувствовал, что у него пересохло в горле.

– Я попытался дать ей коньяка. Миссис Хаукинз потом разлила его.

– Мне очень жаль, – выговорила миссис Хаукинз.

– Когда вы пришли, миссис Хаукинз? – спросил инспектор.

– Пять минут назад. Я вхожу и вижу, что он спускается как ни в чем не бывало, а она лежит там. Что он делал наверху? Что он делал в этом доме?

– Зачем вы приходили? – инспектор повернулся к Сид-

нею.

– Я пришел к миссис Лилибэнкс, так как боялся, что она решила, будто я зол на нее... из-за того, что она рассказала вам ту историю с ковром. С того времени я не видел ее, хотя обычно она заходила или звонила мне. Я хотел ее успокоить, – он запнулся и замолчал.

Миссис Хаукинз использовала момент, чтобы издать свой «Ах!» Инспектор смотрел на руку Сиднея, и тот только теперь заметил, что держит бинокль, который поднял с пола.

– Что вы делаете с биноклем?

– Я поднялся наверх... Я не хотел оставаться внизу, но думал, что вы, наверное, скоро приедете. Я нашел бинокль в ее комнате и смотрел в него в окно.

Инспектор ничего не спросил. Он достал из кармана блокнот и записал показания миссис Хаукинз, та давала их с радостью. Потом он сказал, что пока больше в ней не нуждается и свяжется с ней позже. Миссис Хаукинз с видом человека, исполнившего свой долг, направилась было к двери, но, дойдя до кухни, вернулась назад:

– Инспектор, нужно что-нибудь сделать для миссис Лилибэнкс?

– Вам известно имя ее врача, миссис Хаукинз? Он должен будет подписать свидетельство о смерти.

– Это доктор Туэйт. Он живет в городе, сразу за церковью, в Доме с портиком.

– А, да? Я знаю его. Он уже работал с нами. Спасибо, мис-

сис Хаукинз.

С ее уходом Сидней почувствовал себя много свободнее.

Инспектор подошел к миссис Лилибэнкс и набросил ей на лицо покрывало. Потом открыл телефонный справочник, чтобы позвонить доктору Туэйту. Чувствуя себя не в силах сидеть и слушать их разговор, Сидней вышел из комнаты. Ему было очень жалко миссис Лилибэнкс. Ему показалось, что он уже успел полюбить ее. Вскоре пришел инспектор.

– Теперь садитесь и спокойно расскажите мне, что же случилось.

Сидней сел и положил бинокль на стол перед собой. Между ним и инспектором стояла ваза с цветами, такими свежими, будто миссис Лилибэнкс только что собрала их.

– Я уже рассказал вам. Все произошло именно так, как я вам говорил.

– Вы звонили в полицию?

– Да.

Сидней подумал, что инспектор может это проверить.

– Вы оставили сообщение? Сообщили, что миссис Лилибэнкс умерла?

– Нет, я хотел побеседовать лично с вами. Мне пришло в голову, что вы наверное уже едете сюда.

– Что вас заставило так думать?

– Предположение, что вы можете приехать к миссис Лилибэнкс и рассказать о находке ковра... чтобы она не беспокоилась, – ответил Сидней.

– Именно это я и собирался сделать, а потом рассчитывал встретиться с вами.

– Да? А зачем?

– Чтобы спросить вас, не зарыли ли вы в лесу что-нибудь еще. В этом или в каком-нибудь другом.

Сидней почувствовал, как кровь приливает к его лицу.

– Нет.

– А мне кажется, что это возможно. Вспомните хорошенько.

– Вы полагаете, я мог забыть? – с улыбкой спросил Сидней.

– Все возможно, если захотеть. А может быть, вы перепутали все это с историей, которую сейчас пишете.

Инспектор был так близок к истине, что Сидней на какой-то миг совсем растерялся. Его коричневая тетрадка со вчерашнего дня лежала в ящике письменного стола. Сидней подумал, что лучи будет всегда иметь ее при себе, так как инспектору может прийти на ум мысль обыскать дом, чтобы найти именно эти записи. Приступ оглушительного кашля прервал размышления Сиднея.

– Мне показалось, что вся эта история с ковром была разыграна вами специально, ведь мы понимали, что миссис Либлибэнкс могла увидеть вас. Или даже разыграли комедию ради себя самого на самом же деле, зарыв тело до или после этого, – инспектор улыбнулся, обнаружив прокуренные зубы, такие же не правильные, как черты его лица. Такие лица

писатели называли будто вырубленными топором. – Ведь не имеет смысла так глубоко закапывать ковер, если вы не собираетесь создать нужное впечатление.

Инспектор ждал, какое действие произведут его слова. Точь-в-точь, как миссис Снизам со своими рассуждениями о том, чего ждет от нас общество.

– Это абсурд, – сказал Сидней.

– Меня не удовлетворяет такой ответ.

– Почему? – спросил Сидней.

– Потому что мне этого недостаточно. Зарубите себе на носу.

Сидней слегка пожал плечами.

– Значит, вы продолжаете искать в лесу труп?

– Не обязательно именно в этом лесу. Что же произошло в то утро, мистер Бартлеби.

– А вы не спрашивали у миссис Лилибэнкс? У нее был бинокль, и она могла воспользоваться им в то утро.

– Когда вы закапывали ковер, не вырыли ли вы где-нибудь еще одну яму? Чтобы быстрее покончить с этим «делом»?

– С каким делом?

Сидней и в самом деле не понимал рассуждений инспектора. Или тот считал, что он использовал ковер, желая спрятать тело Алисии и вместе с ковром вынести из дома? Или думал, что Сидней вместе с ямой для ковра вырыл другую, оставив тело Алисии еще на сутки лежать дома?

– А почему мне было не зарыть ее в тот же самый день?

Зачем мне терять время? – быстро спросил он.

– Потому что становилось уже слишком светло... Хотя... а вы случайно не выкопали вторую яму накануне?

– Нет, инспектор, – решительно ответил Сидней.

– Зарыть ковер, – должно быть, на это у вас ушло не меньше часа?

– Больше, – признался Сидней.

– Когда вы узнали, что миссис Лилибэнкс видела вас с ковром?

– В тот вечер, когда вы приехали и говорили со мной. Вчера вечером.

Сиднею показалось, что это произошло уже гораздо раньше.

– А не раньше?

– Нет... Миссис Лилибэнкс пригласила меня на кофе вчера после обеда.

Молчание.

– Вы закопали тело своей жены, мистер Бартлеби? – инспектор задал это вопрос с таким спокойным видом, будто предлагал сигарету.

«А что мне было с ней делать, с мертвой, вы же знаете», – подумал Сидней.

– Нет.

Руки его машинально играли с биноклем, крутя его на столе. Заметив это, Сидней отодвинул бинокль подальше.

– Вы хотите взять его? К сожалению, я не могу вам этого

позволить: бинокль стал теперь вещественным доказательстве (Инспектор поднялся.) Вы совершенно вправе считать, что все ы умозаключения есть не что иное как цепочка самых абсурдной идей.

– Я не скажу ничего подобного, мне по вкусу всякие теории.

– Я должен оставаться тут до приезда доктора. Не буду вас больше задерживать, мистер Бартлеби.

Сидней встал и сказал:

– Спасибо.

Инспектор ушел в гостиную.

Сидней же направился к двери. На пороге он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на миссис Лилибэнкс.

– По вашему виду можно заключить, что вы считаете, будто и миссис Лилибэнкс умерла тоже с моей помощью.

– Почему вы так говорите? – нахмурившись, спросил инспектор.

– А почему вы думаете, что я убил свою жену?

– Я не говорил, что так думаю, я только спросил вас. Сидней видел, что инспектор пытается угадать его мысли он, видимо, ждал, что Сидней сам себя выдает какой-нибудь мелочью, но Сидней ничем не мог помочь ему, разве только сделать вид, но притворяться в этот момент у него не было ни малейшего желания.

– До свидания, инспектор.

– До свидания, мистер Бартлеби.

Сидней вышел.

В нескольких метрах от своего дома, ему почудилось, что звонит телефон, и он побежал. Он не ошибся, звонил Алекс.

– Я тебя уже набирал сегодня и подумал, а уж не засадили ли тебя в тюрьму?

– Да? А почему?

– Из-за истории с ковром. Об этом уже сообщили в вечернем выпуске. Сказали, что полиция наконец нашла ковер, который искала с утра. Ради бога, Сидней, скажи, что ты еще задумал? Ты что, разыгрываешь для них очередной сценарий про Лэша? Посвяти меня, сценарий, кажется, обещает быть удачным.

– Это не сценарий, старик, это правда.

– Я знаю. Ты закопал ковер, но пустой.

– Я закопал ковер.

– О, им наверное не за что зацепиться, вот они и распилили эту историю...

– Возможно, они преувеличили, но гораздо меньше, чем сами думали, – зловещим голосом проговорил Сидней.

– Они передали, что ковер был на глубине четырех футов. Ты что, Сид, сходишь с ума? Ты случайно не вообразил себе, что в ковре была Алисия? Ха-ха-ха-ха-ха!

– Алисия глубже, под ковром. Они недостаточно глубоко к пали, вот и все, – ответил Сидней, сопровождая свои слова зловещим смехом. – Подожди до завтра, в первом выпуске они дадут сенсационное сообщение.

– У меня есть дикое предчувствие, что ты не шутишь. Они сказали, что получили эти сведения от какой-то соседки, которая видела тебя в бинокль. Это случайно не миссис Лилибэнкс?

– Она самая. Она видела меня одновременно с одной маленькой птичкой. Ну ладно, Алекс. Зачем ты мне звонишь? Не из-за этой же дурацкой истории?

– Ты какой-то нервный, Сидней. У тебя там действительно какие-то неприятности? Обязательно скажи мне. Хитти тоже очень переживает.

– Да, конечно у меня неприятности. Алекс... – он понизил голос и шепотом продолжал: – Алисия была в ковре, и миссис Лилибэнкс показалось, что она ее видела, видела ее торчащие ноги. А может, голову или руку.

– Гм.

Сидней вспомнил, что миссис Лилибэнкс умерла, и у него пропало желание шутить.

– Сид?

– Я здесь.

– Значит, ты вынес ее, завернув в ковер?

– Но я зарыл ее в другом месте, и они никогда не найдут ее. Внимание, Алекс, здесь конец серии.

Но Алекс думал не о серии.

– Где вы зарыли ее, Бартлеби?

– Зачем мне указывать им место. Я привел их туда, где был ковер.

– Только вы немного ошиблись, Бартлеби. Мы можем записать это как ваши показания, Бартлеби? Вы на самом деле зарыли ее в другом месте?

– Да, я вытащил ее из ковра и зарыл в другом месте, – Сидней было смертельно скучно, машинальным жестом он ослабил узел галстука. – Я должен прекратить этот разговор. Он и так уже стоил тебе две полкроны.

– Скажи, что ты на самом деле рассказал полиции?

– Алекс, я устал...

– Хорошо, Сид, я звоню сообщить тебе, что всю неделю буду дома и закончу сценарий. Хитти с детьми уехала в Клэктон. Так что, если захочешь мне позвонить, я дома.

– Понял, Алекс, спасибо. Я буду помнить.

– Надеюсь, что хоть на это ты еще способен, – сказал Алекс со смешком. – Привет, Сид.

Сидней подумал, что со стороны Алекса весьма любезно потратить одну неделю из своего двухнедельного отпуска в Лондоне единственно ради работы над Лэшем.

Он надел старые брюки, намереваясь тоже поработать, но вместо этого бросился на кровать в спальне. Миссис Лилибэнкс умерла, и Сидней в самом деле был в отчаянии от того, что явился причиной ее смерти. Он подумал, что, в конечном счете, ее погубила неправильная позиция, которую она заняла в этом деле: она исходила из того, что Алисию убил он и, значит, пришел к ней, чтобы убить и ее тоже. Но позиция миссис Лилибэнкс всецело зависела от его собственной,

позиции. . . Все с самого начала было совершенно нереально, но тем не менее имело такие страшные и совершенно реальные последствия. У миссис Снизам тоже была своя позиция: подозрительность. Да, ею полностью владели ее фальшивые предрассудки, да, она была идолопоклонницей, ко поскольку ее позиция заключалась в стремлении поддержать порядок, законность и единство семьи, общество поощряло такую позицию. Религии тоже, несомненно, относились к разряду позиций, и это все очень упрощает. Можно все называть позициями, а не убеждениями, истиной и верой. Миром правят позиции, которые, впрочем, с таким же успехом можно называть и иллюзиями.

Поднявшись, он достал из ящика стола коричневую тетрадь и записал в нее свои размышления, потом спустился на первый этаж и положил тетрадку во внутренний карман куртки, рядом с бумажником.

XXI

На следующий день, в понедельник, «Тайме» посвятил истории с ковром короткую заметку. Большая ее часть была повторением обстоятельств исчезновения Алисии. «Ее муж – Сидней Бартлеби, двадцати девяти лет, американец, писатель», сухо заканчивалась она, и у Сиднея сложилось впечатление, что «Таймс» тоже считает, что писатель Бартлеби распространяет литературные опыты и на свою личную жизнь.

Ничего, подумал Сидней, ковер, может, и пуст, но миллионы людей мысленно уже завернули в него труп, потому что именно этого они и хотят. Возможно, так будет и с читателями «Дейли экспресс», зачастую это те же самые люди, которые читают и «Таймс».

Он отправился на машине в кондитерскую в Ронси Нолле, где торговали и газетами, чтобы купить «Дейли экспресс». Владелец, саффолкский акцент которого был сильнее, чем у любого из клиентов, при встрече с Сиднеем не проронил ни звука ограничившись тем, что, не разжимая зубов, дал ему сдачу шестипенсовой монеты. Миссис Хаукинз, конечно же, успела все растрезвонить о смерти миссис Лилибэнкс.

Вернувшись домой, Сидней устроился на диване и прочитал статью в «Дейли экспресс».

«... История с ковром стала известна благодаря соседке Бартлеби, миссис Грас Лилибэнкс, 73 лет, которая реши-

ла сообщит полицию о том, что увидела в бинокль, когда 3-го июля утр встала понаблюдать за птицами... Довольно неосторожно со стороны мужа, у которого исчезла жена, за-капывать что бы то было, будь это даже изъеденный молью ковер... Большой брат мог следить за ним!»

Сидней уселся за стол и принялся за работу над сценарием о Паддингтонской банде. Алекс писал, что Пламмер уже получил их третий сценарий и заявки на четвертую и пятую истории. Сидней надеялся, что Пламмер примет решение раньше, чем Алекс закончит очередную заявку, и, если «Лэш» будет куплен, нужно будет заготовить как можно больше новых идей. С другой стороны, американский агент Сиднея уже неделю назад получил «Стратегов», и рукопись, возможно, находится уже у «Саймона и Шустера».

Сидней надеялся получить оттуда ответ со дня на день, он просил своего агента сразу сообщить ему, принята ли рукопись. Закончив свой сценарий, Сидней начал делить его на сцены. Даже будь сейчас рядом Алекс, и у него не получилось бы лучше. В три часа дня он закончил черновик и вставил в машинку чистый лист:

Действие первое.

(Далее шел список действующих лиц и описание декораций.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ: Грязный паддингтонский квартал.

Несколько обыденных сценок: женщина кричит что-то в окно маленькому мальчику, который идет по тротуару, затем

она обменивается сплетнями с соседкой, которая тоже высунулась в окно. Какой-то старик пытается затащить к себе проститутку, но та отказывается подниматься по лестнице. Наконец крупный план на Грин-О, шестнадцати лет, члена «Паддингтонского террора», он тоже стоит у окна и делает кому-то знаки, предупреждая об опасности...

Запланировано ограбление. Несколькоими секундами позже банда совершит налет в самом сердце Вест-Энда, затем скроется на краденном «Роллс-Ройсе».

Сидней бодро печатал вторую сцену, когда в дверь постучали. Он подумал, что это прачка, и вспомнил, что не снял постельное белье с кровати.

На пороге стоял инспектор Брокуэй.

– Здравствуйте, мистер Бартлеби. Извините, что не предупредил вас по телефону, но меня не было на месте, и я не нашел телефонного автомата. У вас есть немного времени?

– Да, конечно, – сказал Сидней, распахивая дверь.

– Доктор Туэйт отказался подписать свидетельство о смерти миссис Лилибэнкс. Я хотел предупредить вас.

– А что это значит?

– Это значит, что будет произведено вскрытие и расследование. Это значит, что доктор Туэйт не считает смерть миссис Лилибэнкс результатом только естественных причин.

– В самом деле? Насколько я видел, она умерла от сердечного приступа.

– Доктор думает, что вы, возможно, ее напугали. Напри-

мер, по неосторожности, но... Что вы об этом думаете?

Сидней знал, к чему клонит инспектор, и не сомневался, что полиция все еще продолжает поиски трупа в лесу.

– Конечно, это возможно. Но я постучал в дверь и, входя назвал свое имя.

Инспектор придвинул себе стул.

– Что именно вы собирались ей сказать?

– Что в ковре ничего не было. И что я не сержусь на нее за разговор с вами. Я же изложил вам то же самое вчера вечером.

– Да.

Инспектор быстро взглянул на Сиднея, словно взвешивал искренность его слов. Сидней сел на диван.

– В любом случае, время идет, а от вашей жены никаких известий.

Сидней нервно потер лоб.

– Я начинаю думать, что она не одна, что она с мужчиной и не хочет, чтобы это открылось. А все откроется, если она решит объявиться теперь.

– В теперешней ситуации такая версия была бы для вас предпочтительней? – спросил инспектор доброжелательным тоном.

– Я не знаю, откуда она берет деньги, если живет одна. Разве что работает под чужой фамилией, но мне это кажется маловероятным.

– Гм, я пытался посмотреть в бинокль из окна миссис Ли-

либэнкс, – признался вдруг инспектор. – Знаете, а ведь можно ошибиться относительно того, есть ли что-нибудь или нет в большом ковре.

– Но... миссис Лилибэнкс сказала, что она видела?..

– О, если бы она сказала, что видела что-то, я бы вам уже сообщил. Она утверждала уже потом, что, возможно, и видела что-то... Но вы ведь знаете, что это была за женщина, она и про ковер-то с трудом решилась признаться. А неприятные подозрения, которые могли у нее возникнуть, она, конечно сохранила бы при себе.

Сидней успокоился и слушал внимательно.

– Вы смогли вынести труп завернутым в ковер. И потом зарыли в каком-нибудь другом месте.

– Думаю, это было возможно. Но не в одно утро. Я вам говорил уже. Я слишком устал тогда. Знаете, вырыть зараз две ямы очень трудно.

Инспектор Брокуэй терпеливо улыбнулся.

– Почему высказали: «Я думаю, это было возможно»? Довольно странный ответ.

– Я хочу сказать, что это было возможно, но не для меня, я бы физически не смог... Продолжаются ли поиски в лесу?

– Да, мы продолжаем копать. С нашей точки зрения, это совершенно логично. Конечно же, мы продолжаем поиски и в Брайтоне и его окрестностях.

– Совершенно справедливо.

Сидней чувствовал разочарование от того, что его слиш-

ком мало задевает поведение инспектора. Он испытывал скорее чувство нетерпения, чем вины; а нетерпение, увы, не пригодится ему для заметок о поведении убийцы. Или пригодится?

– Вы ничего не будете иметь против, если я на несколько дней съезжу в Брайтон?

– Нет, если вы будете поддерживать контакт с полицией. Позвоните мне сразу. Если меня не будет на месте, я оставлю для вас свои координаты в ипсвичской полиции. Кстати, может, вас это интересует, завтра к одиннадцати мы получим результаты вскрытия.

Сидней это совсем не интересовало, но он вежливо кивнул: «Спасибо».

После ухода инспектора Сидней вновь принялся за работу. Без четверти семь, когда до закрытия газетного киоска оставалось пятнадцать минут, он отправился в Ронси Нолл посмотреть, что пишет о раскопках «Ивнинг стандарт». Раз полиция их продолжает, они должны интересоваться и журналистов.

Он не ошибся. На четвертой странице была помещена статья с фотографиями: одна – полицейского без мундира, но с лопатой, и другая, менее приятная – с видом дома Бартлеби, он выглядел так одиноко и уныло, что легко можно было выдать его читателям за место убийства. Мусорный бак на переднем плане казался особенно грязным. В статье особое внимание уделялось глубине ямы, которую выкопал Сидней

для своего ковра, а также тому, что полиция продолжает поиски в лесу. Завтра утром наверняка появится что-нибудь в «Дейли экспресс». Сиднею было странно, что Снизамы до сих пор не позвонили ему обсудить эти события, и он решил, что теперь они полностью полагаются на полицию.

Когда он вернулся домой, позвонил телефон.

Человек на том конце провода представился репортером «Дейли экспресс» и попросил о встрече. Он звонил из автомата в Ронси Нолле.

– Нет, к сожалению, ничего не получится ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо еще.

– Если вы невиновны, а я в этом уверен, хорошая статья могла бы помочь вам. «Дейли экспресс» хотел бы первым...

– Мне нечего прибавить к тому, что я уже сказал в полиции.

– Но ситуация в настоящий момент складывается для вас не самым лучшим образом. После обеда я был в лесу и побеседовал с полицией.

– Вот и напишите статью о том, что они вам там наговорили.

– Хотите ли вы сделать заявление по поводу смерти вашей соседки, миссис Лилибэнкс?

Сидней положил трубку.

Назавтра он встал пораньше и поехал в поселок купить «Дейли экспресс». На этот раз, кроме него, в лавке было еще трое клиентов один мужчина и две женщины. Они откры-

венно рассматривали его, пока он покупал газету. Женщины немного отступили назад, но мужчина держался смело. Сидней знал их всех в лицо и, возможно, когда-то, пару раз с ними и здоровался, но теперь об этом не было и речи. Одна из двух женщин, правда, робко ему улыбнулась, но Сидней представил себе, как она вместе с остальными подумала: «Убийца... Полиция ищет в лесу труп его жены... Могильщик из Ронси Нолла...» От газетчика он получил еще одну порцию молчания. Забыв дома мелочь, Сидней вынужден был разменять десятишиллинговую купюру. Мальчик, который ставил свой велосипед у края тротуара, посмотрел на Сиднея с откровенным интересом. Сидней улыбнулся ему, и мальчик ответил ему тем же.

Он спешил домой, чтобы поскорей посмотреть газету. Там была маленькая заметка о том, что врач миссис Лилибэнкс отказался подписать свидетельство о смерти, сказав: «Насколько я могу судить, она чувствовала себя хорошо в последнее время, в том числе и в воскресенье, 14-го августа, и я не нахожу причин для неожиданной смерти без какого-то внешнего вмешательства», «Сидней Бартлеби, ее сосед (говорилось далее в статье) заявил, что пришел к ней вечером в воскресенье сообщить, что полиция ничего не обнаружила в том ковре... Полиция продолжает в лесу поиски, возможно, зарытого там трупа. Напомним, что миссис Алисия Бартлеби исчезла 2-го июля. Полицейские потратили на раскопки уже шестьдесят часов, но до сих пор ничего не нашли».

Остаток дня и вечер Сидней посвятил разработке истории о паддингтонской банде.

В среду он отправился в Ипсвич, оставил машину на стоянке снял в банке 20 фунтов и сел в лондонский поезд. С собой Сидней взял небольшой дорожный несессер, принадлежавший Алисии, по виду вполне годившийся и для мужчины. Он рассчитывал вер нуться через два-три дня. Приехав в Лондон, он вспомнил, что забыл позвонить Брокузю. Инспектора не оказалось в Ипсвиче, но Сиднею было оставлено поручение: «Позвоните на полицейский пост Кинг-стрит в Брайтоне и свяжитесь с мистером Макинтошем». Имя было типично полицейское, и стоявшее перед ним «мистер» указывало на высокий чин. Сидней знал, что в Англии, во всяком случае у врачей, так принято.

С Ливерпульского вокзала Сидней добирался до вокзала Виктория на автобусе, очень медленно и с постоянными остановками из-за пробок, но ему было безразлично, когда он попадет в Брайтон. Шансов обнаружить Алисию в каком-нибудь ресторане в восемь часов вечера было столько же, как на пляже после полудня. Но Сидней не думал, что Алисия живет в самом Брайтоне, там было слишком много полиции. С вокзала Виктория, узнав, что до ближайшего скорого в Брайтон остается еще сорок пять минут, он позвонил Алексу спросить, нет ли каких-нибудь новостей о «Лэше»?

– Что ты делаешь в Лондоне?

– Я еду в Брайтон, чтобы участвовать в поисках Алисии, – ответил Сидней. – Я позвонил спросить, нет ли известий от Пламмера.

– О, старик, я получил ответ утром. Они его купили.

– Отлично. Сколько дали?

– Восемьсот фунтов за историю.

– Гм. Не слишком-то густо, но тоже неплохо. Надеюсь, ты продолжаешь вкалывать?

– Конечно. Ты... ты не мог бы заглянуть ко мне на несколько минут?

– Нет, извини, я не хочу опаздывать на поезд. А что такое?

– Да... все та же история с полицией. Знаешь, Сид... действительно есть вероятность того, что все полетит к черту с «Гранадой».

– Почему?

Но тут же он и сам все понял.

– На заявке есть и твое имя. А если ты окажешься в тюрьме, старик?

– Я не собираюсь попадать в тюрьму. В конце концов, по одним только подозрениям людей не сажают в тюрьму, – насторожившись, ответил Сидней.

– Да, конечно, но, допустим, что произойдет самое худшее.

– Ничего не произойдет. Именно за этим я и еду в Брайтон. Чтобы поймать свою загулявшую супругу.

– Ясно... Позвони мне из Брайтона, ладно?

– Договорились, – без всякого энтузиазма ответил Сидней. Но при мысли об успехе хорошее настроение вернулось. – Наконец-то дело стронулось с места, Алекс. Ты уже сообщил Хитти?

– Да-да.

– Привет, Алекс.

– Пока.

Конечно же. Алекс позвонил Хитти. Но вот ему он не позвонил, хотя Сидней до одиннадцати был дома. Сидней подозревал, что происходит сейчас в голове Алекса. Тот думал, что, если положение Сиднея осложнится, это не пойдет на пользу «Лэшу», но сам он может остаться единственным обладателем прав. Но думал ли так Алекс на самом деле? Сидней наморщил лоб. Ладно, успокойся, проживем-увидим, уговаривал он себя, медленно направляясь со своим маленьким чемоданчиком к 9-й платформе, откуда отходил поезд на Брайтон. Именно такие чувства испытывает человек, когда добивается успеха и когда ему удастся продать что-нибудь дорого... вернее сказать, относительно дорого...

Сидней повеселел. Он было сел на тридцать шестое место, но огромный город словно притягивал его и не хотел отпускать. Кому еще позвонить? Конечно, Инес и Карпи. Он вышел и направился к газетному киоску разменять деньги. Это отняло много времени.

Через две минуты он сообщил Карпи, что скоро зайдет к ней. Инес не было дома. Сидней взял такси, их квартира

была довольно далеко.

Карпи, в пеньюаре и сандалиях, открыла ему дверь.

– Привет, Сидней. Проходите. В это время мы разрешаем детям находиться в гостиной. Надеюсь, вы не против?

– О, нет, – любезно ответил Сидней.

На полу было расстелено два покрывала, и это напоминало пикник у Сиднея, с той только разницей, что вместо сэндвичей детей были пластмассовые игрушки.

– Я сварю вам кофе, Сид?

– О, нет, спасибо.

– Садитесь. Он сел на тахту.

– Может, вы хотите хереса? Это все, что мы сегодня можем вам предложить.

– Нет, спасибо, я ничего не хочу. Я уезжаю через десять минут, – сказал Сидней, понимая, что наверняка пропустит этот поезд, и ему придется ждать еще час.

Карпи села на желтую кожаную подушку.

– Сколько времени вы проведете в Брайтоне?

– Я думаю, дня два-три. Достаточно, чтобы как следует осмотреть город. Думаю, мне это удастся лучше, чем полиции.

– Скажите мне, что за раскопки они ведут в лесу?

Карпи рассмеялась. Подушка сплюснулась под ее весом. Удивительно было видеть такие зрелые формы у такой молодой женщины: Карпи было всего 24 года, но ей нравилось говорить прибавляя себе возраст.

– Сперва они копали, чтобы найти ковер, который я зарыл довольно глубоко, теперь же тратят время на то, чтобы найти Алисию. Что же касается миссис Лилибэнкс, у нее случился сердечный приступ именно в тот момент, когда я пришел сказать ей, что в ковре не нашли ничего такого. Вот и все. Полиция как раз наткнулась на ковер, и я хотел предоставить миссис Лилибэнкс официальную информацию о расследовании. (Сидней пожал плечами и взял протянутую Карпи сигарету. Сделал глубокую затяжку.) Спасибо. Я, наверное, останусь в Брайтоне на пятницу и на субботу. Если у Алисии есть друг, он скорее всего не приедет раньше уик-энда. Впрочем, может быть, я их и вовсе не увижу. (Он почувствовал себя очень уставшим.)

Карпи все эти сведения очень ошеломили. Она внимательно смотрела на Сиднея.

– Я очень полюбила миссис Лилибэнкс.

– Я тоже.

– У вас не было никаких вестей от Алисии?! Ни единого слова откуда бы то ни было?!

– Ни единого. На самом деле я и приехал к вам, чтобы спросить – еще один раз – нет ли у вас намеков на возможную связь Алисии с каким-нибудь мужчиной.

Полные, не тронутые помадой губы Карпи не дрогнули. Большие черные глаза смотрели в упор на Сиднея.

– Мы с Инес уже это обсуждали. И пришли к отрицательному выводу. Мне очень жаль, Сид.

– Видите ли... (Сидней поднялся.) У меня такое предчувствие, что все дело тут в ком-то, кого она встретила здесь у вас. У нас не много знакомых, которые устраивали бы такие вечеринки, как вы. Полк-Фарадейсы, например, ничего такого не устраивают, да и остальные наши друзья в Саффолке. Простите мою настойчивость, но тот ваш последний вечер... когда это было? В марте? Поднеся руку к виску, Карпи задумалась.

– А, да. Да, тогда, я помню, повсюду вдоль стен стояли люди. Я даже не всех знала. Просто одни привели с собой других. Вы меня понимаете?

Если какой-то мужчина и завязал с Алисией знакомство на этом вечере, возможно, что он больше в доме Инес и Карпи и не появился, даже если они его и приглашали. Это еще более затрудняло поиски.

– Погодите. – Сидней встал и повернулся к стене за своей Оспиной. – Вот здесь стоял тогда какой-то тип, который разговаривал с Алисией. Я помню, у него еще был такой вид... Я сидел на диване и не подходил к ним. Вы не помните такого, знаете, довольно хорошо одетого человека, шатена, невысокого, лет тридцати? Забыл только, какого цвета у него глаза. Но одет он был с иголочки.

Карпи рассмеялась.

– Я должна была его запомнить! Ухоженные и хорошо одетые мужчины не часто здесь появляются. Сидней улыбнулся.

– Может, вы спросите у Инес, не помнит ли она кого-ни-

будь в этом роде?

– Конечно, Сид.

– Я позвоню вам сегодня вечером. Кто знает, может, она вспомнит, – он взял свой чемоданчик. – Если мне удастся поймать такси, я как раз успею на этот поезд. Извините меня за бесцеремонность, Карпи.

– Ну что вы, не стоит, – она проводила его до двери. – Стоянка такси будет налево и еще раз налево.

Сидней успел на поезд. Когда он устроился в купе, где, кроме него, было еще пять пассажиров, ему пришло в голову, что он давно уже не был на людях. Никто из соседей его не рассматривал. Газеты напечатали его фотографию всего один раз, в начале августа, когда полиция только приступила к поискам Алисии.

В Брайтоне все казалось залитым солнцем, открытым и приветливым. Складывалось впечатление, что ничто и никто не сможет здесь прятаться.

Мужчины были в спортивных рубашках без галстуков, женщины – в сандалиях и брюках или светлых хлопчатобумажных юбках. Сидней пошел в сторону моря. Он прекрасно сознавал, что совершенно бессмысленно искать Алисию в половине четвертого на лежаках для солнечных ванн, но соблазн попытаться сделать все как можно быстрее был слишком велик, и он заглянул в три гостиничных холла и прошелся по пляжу. Заплатив шесть пенсов, зашел в парк аттракционов. Там были торговцы горячими сосисками и кукурузны-

ми хлопьями, кабины фотоавтоматов, автоматы, продающие гороскопы, бильярдные, столы для игры в пинг-понг.

Сидней спросил, где находится полицейский участок.

Мистера Макинтоша не было, но любезный человек, назвавшийся констеблем Клэром, объяснил при помощи карты Брайтона и его окрестностей, как ведутся поиски.

– Уже две недели, как мы взяли все под свой контроль, – говорил он, очерчивая вокруг Брайтона большой круг, в котором было множество дорог с множеством поселков, отелей и пансионатов. – Обошли даже дома. Естественно, сейчас мы уже значительно расширили поле наших действий и теперь ведем поиски практически по всей Англии.

В этот момент к ним подошел и сам мистер Макинтош, смуглый худой человек.

– Из Ипсвича мне сообщили, что вы хотите принять участие в розыске.

Он улыбнулся уголком губ.

– Да, я приехал на несколько дней, – объявил Сидней.

– Буду вам очень признателен, если вы станете сообщать сюда утром и вечером о результатах ваших поисков. Достаточно, если вы просто позвоните нам. Где вы остановились?

– Пока у меня нет на этот счет ни малейшего представления. Я еще даже не уверен, что останусь в Брайтоне.

– В таком случае не могли бы вы позвонить нам сегодня же вечером, как только устроитесь, мистер Бартлеби?

Сидней вновь вышел на залитую солнцем улицу. Он поду-

мал, что в любом случае ему следует быть на вокзале в семь и в восемь часов вечера.

Ожидание на вокзале было безрезультатным, он не встретил ни Алисию, ни того, одетого с иголки человека, чье лицо тщетно пытался вспомнить. Наступил час ужина, и ой поочередно заглянул в три ресторана. Тоже ничего. Потом забрал в камере хранения свой чемоданчик, нашел автобусную станцию и сел на автобус, идущий в небольшой поселок километрах в пятнадцати отсюда, под названием Самнер Даунз. Он устроился в пансионе, где комната и завтрак стоили 26 шиллингов, и из автомата, чтобы разговор не смогли подслушать в пансионе, позвонил в Брайтон, Хотя имя Бартлеби не вызвало никакого любопытства у хозяина.

– Я, к сожалению, не знаю названия пансиона, – сказал он полицейскому. – Но, думаю, он здесь единственный.

За два следующих дня, четверги субботу, Сидней на автобусах, идущих со всеми остановками, объехал весь район, побывав в Бонор Реджис на восток от Брайтона, в Аранделе, Ленсинге и Уортинге, потом Сифорде и Писуэйвене – на запад. Иногда он вылезал из автобуса и ходил пешком, задавая вопросы торговцам и заходя на почту. Никто ничего не слышал о высокой худой молодой женщине со светлыми (рыжими, каштановыми) волосами, которая приехала отдыхать. (Сидней не мог себе представить, чтобы Алисия выкрасила волосы в черный цвет.) Все спрашивали ее имя, но Сидней отвечал: «Это не имеет значения, поскольку она мо-

жет называться и другим именем...» Двое или трое ответили: «Несколько недель назад здесь уже искали жену Бартлеби. Мы-то думаем, что бедняжки уже нет в живых. Вы, случайно, не ее ищете?» Сидней ответил «нет», ибо не видел необходимости в утвердительном ответе.

В пятницу, 19-го августа Сидней возвращался в Брайтон, чтобы успеть к пятичасовому поезду. По пятницам вечером поезда ходили каждые полчаса. Сидней видел, как выходили торопливые деловые люди, многие из них улыбались, их встречали женщины, но среди этих женщин Алисии не было, а среди мужчин – того, Одетого с Иголочки.

Если положение этого типа соответствовало его внешнему виду, он, конечно, мог приехать на машине. В промежутках между поездами Сидней сидел в буфете на вокзале. В семь часов он опять на платформе, и вдруг среди пассажиров, выходящих из поезда, увидел человека, напоминавшего того, кого он ждал.

Человек был без шляпы и шел быстро, немного опустив голову, будто пряча лицо. Сидней поспешил за ним. Приехавшего явно никто не должен был встречать, иначе он не стал бы опускать голову. Одет пассажир был в хорошо отутюженный серый костюм, пиджак был расстегнут, в одной руке он держал сложенный зонт и черный кожаный портфель, в другой – большой пакет с продуктами, завернутыми в бумагу от Сейнсбери. Выйдя из вокзала, он стал ловить такси. Сидней последовал его примеру. Незнакомцу быстро

удалось остановить машину, Сидней тоже поймал такси, но пятнадцатью секундами позднее, при этом ему пришлось довольно грубо оттолкнуть какую-то женщину.

– Здесь сверните направо... – сказал Сидней, нагнувшись вперед, чтобы не упустить из виду первое такси.

– Едем в город?

– Еще не знаю.

Через секунду Сидней сказал:

– Я с другом, он едет в той машине, третьей справа. Нам нужно не отстать от него.

Шофер не обрадовался такой перспективе, но вел себя учтиво, и Сидней обещал, что будет показывать ему дорогу. Они выехали на шоссе, идущее по берегу моря, и свернули направо. Сидней, как жокей верхом на лошади, торопил своего шофера, заставляя обгонять идущие впереди машины, чтобы не упустить из виду такси, в котором был незнакомец. Еще сильнее Сидней забеспокоился, когда они выехали из города. А если это не то такси? А вдруг этот тип едет на свидание к толстой брюнетке или его ждут на ужин в какой-нибудь большой компании, где нет никакой Алисии и о ней даже никто и не слышал.

Первое такси свернуло направо, в сторону моря и вдруг затормозило.

– Не подъезжайте слишком близко, пожалуйста. Так поехали, – неожиданно глухо сказал Сидней.

На левой стороне дороги он увидел стоящий мотороллер

и рядом с ним – Алисию. У нее были короткие каштановые волосы и летняя юбка в складку. Когда Сидней проезжал мимо, она глядела куда-то мимо него. Алисия и этот тип встретились, точно тысячу лет не виделись друг с другом; держась за руки, они целовали друг друга и в щеки, и в губы; и даже если бы целое полчище львов прошло перед ними, они, наверное, бы ничего не заметили. В открытое окно машины Сидней даже слышал голос Алисии.

– Это мои друзья, – сказал Сидней. – Я хочу сделать им сюрприз. Пожалуйста, поверните там подальше и вернемся назад.

Шофер подчинился. Дальше дорога сужалась, и Сидней велел шоферу ехать по ней. Впереди на мгновение появился мотороллер и снова исчез на спуске дороги. Они уже почти догнали его. Мужчина сидел за рулем, Алисия – сзади. В одном месте дорога становилась совсем узкой, и Сидней не хотел, чтобы его видели едущим за ними.

– Прекрасно, поверните назад, пожалуйста, – сказал он шоферу, слегка задыхаясь. – Я хочу вернуться назад.

– Вернуться?

– Я приехал слишком рано, – сказал Сидней, не слишком заботясь о том, что говорит.

Он велел ехать назад на вокзал, потому что не смог придумать никакого другого места.

Заплатив за такси, Сидней, совершенно оглушенный, стоял некоторое время, не зная куда пойти и что делать. Али-

сия, похоже, была совершенно счастлива, и это, наверное, и потрясло его больше всего. Однако нужно было что-то делать. Нужны имена, адреса, даты... Телефонные номера. Он с трудом вспомнил номер Инес и Карпи. Разменял деньги и вошел в телефонную кабину. Сначала услышал голос Инес, что-то кому-то кричавшей.

– Привет, – наконец весело произнесла она.

– Здравствуйте, Инес. Это Сидней. Как дела?

– Прекрасно, – смеялась она, будто кто-то ее щекотал.

– Я хотел узнать... – начал Сидней и тут же замолчал. Он не мог сказать им, при каких обстоятельствах нашел Алисию. – Вы знаете, что я заходил к Карпи в среду. Я говорил с ней об одном... человеке, которого как-то видел у вас.

– Ах, да! – сказала Инес, вдруг становясь серьезной. – Карпи! Как звали этого типа?.. Да? Она думает... мы думаем, что, возможно, это был Эдвард Тилбери, хотя не знаем наверняка. Он адвокат, друг Василия. Вы знаете Василия, он приезжал с нами на пикник.

Сидней помнил Василия и его машину.

– Вы думаете, это может быть он? Не выше метра семидесяти, хорошо одетый?

– Думаю, что да. Я немного помню его, хотя не знала его по имени, пока он еще раз не зашел к нам.

Сидней мог попросить их разузнать, как в последнее время проводит свой досуг Эдвард Тилбери, но не решился.

– Большое спасибо, Инес.

– Не за что Сид, но, знаете, мне кажется, что это тот самый тип, о котором вы говорили, не знаю только, встречается ли он с Алисией.

– Я понимаю, Инес. Большое спасибо. И не волнуйтесь. Это всего лишь мои предположения. Алисия могла встретиться и с кем угодно еще.

– Сид, вы думаете, она жива? – спросила Инес. – Вы не считаете, что ее, например, могли убить?

– Нет, я так не считаю.

– Когда они стали говорить о том, что, вероятно, вы убили ее, сразу стало казаться, будто ее действительно кто-то убил. И они ведут себя так, будто ее уже нет в живых.

– Это чушь, – сказал Сидней.

– Во всяком случае, – со смехом сказала Инес, – я прекрасно представляю себе, зная вас, как вы зарываете ковер, в котором ничего нет. Ха-ха-ха!

Веселое настроение Инес неожиданно благотворно повлияло и на Сиднея.

– Инес, мы с Алексом продали «Лэша»! Я узнал об этом совсем недавно.

– Да ну! Это потрясающе! Я всем расскажу об этом. Странно, что Алекс ничего не сказал нам. Карпи звонила ему вчера, чтобы пригласить назавтра в гости. А вы вернетесь завтра вечером, Сид?

– Наверное нет, спасибо, Инес.

– Очень жаль. Что вы делаете в Брайтоне? Обшариваете

улицы?

– Почти что так.

И не возвращаясь больше к Эдварду Тилбери, они закончили разговор.

Сидней по-прежнему пребывал в каком-то странном состоянии. Он терпеливо стоял на остановке автобусов до Самнер Даунз, когда вдруг вспомнил, что еще не звонил в Брайтонскую полицию и направился к автомату.

– Я все еще в Самнер Даунз.

Надо было сказать, что завтра он возвращается домой, но он промолчал.

– Вы узнали что-нибудь сегодня?

– Нет, к сожалению, ничего...

XXII

Вернувшись в пансион, в свою комнату, Сидней обессиленно рухнул в кресло. Немного передохнув, он поискал в кармане коричневую тетрадь. Его охватил ужас – тетради не было! Он вынул бумажник и снова пошарил в кармане. Ничего. Может быть, он забыл ее в Ронси Нолл? Не вставая с кресла, Сидней поглядел вокруг, хотя и знал, что в комнате тетради нет: с самого приезда сюда он ничего еще не вносил в нее. Сейчас он хотел записать фразу, которая беспрестанно вертелась в голове: «Я видел А. и чувствую себя на грани помешательства». После этого Сидней собирался разобраться в своем состоянии. Теперь же, когда тетрадка исчезла, он мог бы сделать это даже с большим успехом. Да была ли вообще у него эта тетрадка? Какая половина его «я» имела ее? Что делает теперь эта половина?

Уезжая из Ронси Нолла, Сидней переоделся в свой лучший костюм, но сверху надел старую твидовую куртку. Он вскочил, чтобы поискать в куртке, висевшей на вешалке, но там ничего не было. Может быть, он по рассеянности оставил тетрадь дома, на кровати, куда свалил все вещи, прежде чем уложить их? Может быть. Или забыл сегодня в магазине, где разменивал один фунт, чтобы купить сигарет. Его имени на тетради не было, и он не беспокоился, что находка ее может породить у кого-то подозрения на его счет. Ему лишь

было жалко утраченных записей.

Сидней осмотрел комнату, ища бумагу, и, не найдя, оторвал кусочек сомнительного вида оберточной бумаги, лежавшей в ящике прикроватного столика. Записав замечание, касавшееся собственного помешательства, он продолжал:

«Мы составляем неплохой квартет: труп Алисии и я – убийца, с одной стороны; загоревшая Алисия и я – встревоженный рогатый муж – с другой. «Наш брат шизофреник» – неплохое получилось бы название».

Вдруг он вспомнил, что на его тетрадке стояло имя, единственное имя, на первой странице: Клифф Хангер. Когда-то он предложил Алексу назвать так детектив для следующего телесериала.

Он вновь развернул карту Брайтона с окрестностями. В той стороне, куда направился мотороллер Алисии, были Шорхем, Лэнсинг и Уортинг, затем – Горинг, Ферринг, Ангмеринг, Рэстингтон и Литлхемптон. Кажется, Алисия как-то говорила про Ангмеринг? Сидней уже побывал в Лэнсинге и Уортинге, но решил, что нужно вернуться туда и объехать по порядку три остальные поселка. Перед сном он выпил пива и съел сэндвич с чеддером, но спал плохо.

Он встал в семь часов, побрился и оделся, спустился вниз и попросил телефонный справочник Лондона. Такого в пансионе не оказалось. Сидней позвонил в справочную службу Лондона из телефона-автомата и узнал, что есть несколько Э. Тилбери. Его попросили назвать еще одну букву из инициа-

лов. Сидней попросил соединить его с Эдвардом Дж. Тилбери в Майда Вэйл. Телефон звонил долго, но никто не ответил, и Сидней пожалел, что не догадался сделать это вчера вечером, когда был в Брайтоне. Там он мог перебраться всех Тилбери по лондонскому справочнику.

Вскоре Сидней уже ехал на автобусе в направлении Уортинга. Он вспомнил почту в Ангмеринге и маленького, худого и веснушчатого человека за окошком. Он пошел берегом мимо вилл, глядявываясь и ища мотороллер, Алисию или Тилбери. Но все безуспешно. Возможно, из осторожности они убирают мотороллер. Вот почта.

– Здравствуйте, – входя, сказал он человеку в окошке.

– Здравствуйте, – улыбаясь ответил тот.

– Я хотел спросить, не знаете ли вы тут человека по имени Тилбери? Среди отдыхающих.

– Тилбери?.. Нет, но сейчас проверю на всякий случай.

Он достал из ящика список, посмотрел и покачал головой:

– Тилбери нет.

Неожиданно Сиднея охватила усталость и отчаяние.

– Вы меня спрашивали о молодой женщине. Это ее имя?

– Я точно не знаю.

Он улыбнулся и вышел было, но тут же вернулся и спросил:

– Вы знаете людей, у которых есть мотороллеры? Вы не видели здесь серый мотороллер с задним сиденьем? Он принадлежит молодой женщине.

– А... это, наверное, миссис Лиманз, – человек наморщил лоб. – Это ее вы ищете?

– Она живет поблизости?

– Да, вон там, на вилле. (Он указал в сторону моря, в направлении, противоположном Брайтону.) Она живет там со своим мужем. Он приезжает на уик-энды.

– Она остановилась здесь на лето? Вы с ней знакомы?

– Нет. Это сиреневый дом, кажется, пятый отсюда.

– Спасибо, – сказал Сидней и вышел.

Сидней отыскал дом, о котором говорил служащий с почты, и долго наблюдал за ним, но так и не увидел ничего особенного. Подойти ближе у него не было ни малейшего желания. Миссис Лиманз? Что ж, имя было выбрано удачно, если Алисия и Тилбери действительно скрывались под этим именем. Оно казалось настоящим, во всяком случае, не более фальшивым, чем Тилбери.

В три часа Сидней вернулся в Самнер Даунз. Он заплатил хозяину и пошел наверх уложить вещи, захватив с собой последнюю газету. Газеты за те два дня, что он провел здесь, лежали на ночном столике. Расследование по делу о смерти миссис Лилибэнкс было отложено на неопределенное время, а похороны состоялись утром в среду. Вскрытие не обнаружило наличия какого-нибудь яда или лекарства, но сердце было увеличено, во всяком случае, налицо был сердечный приступ, вызванный, по мнению доктора Туэйта, сильным потрясением. Сидней подумал, что ничего подобного

не случилось бы, позвони инспектор Брокуэй миссис Лилибэнкс несколькими минутами раньше и сообщи ей, что в ковре ничего не было. В газете за четверг говорилось также, что мистер Сидней Бартлеби отправился в Брайтон, чтобы помочь полиции в поисках жены. Следовательно, не было ничего удивительного в том, что Эдвард Тилбери тогда, на вокзале, прятал свое лицо. Странно, что он вообще приехал.

Сидней заказал такси до Брайтона. Он решил, что «Лэш» принесет ему достаточно денег для того, чтобы он мог позволить себе потратить гинею за поездку на такси.

По пути он заехал в полицейский участок и нашел там мистера Макинтоша. Сидней сказал ему что, к сожалению, у него ничего не вышло и он возвращается в Саффолй.

– Пожалуйста, подпишите этот документ, прежде чем уедете, мистер Бартлеби.

Макинтош протянул ему лист бумаги, на котором Сидней должен был заполнить несколько пустых граф: час своего прибытия в Брайтон и час отъезда. Там говорилось, что Сидней приехал в Брайтон с целью содействовать полиции в поисках своей жег Алисии, а внизу было оставлено место, чтобы вписать полученный результат.

И Сидней написал: «Без результата».

На вокзале в Брайтоне он полистал телефонный справочник, Лондона и нашел некоего Эдварда С. Тилбери. Имя это показалось ему более обещающим, чем остальные. Кроме того, там было четверо Эдвардов Тилбери с разными буква-

ми посередине. Сидней разменял монету и попытался позвонить одному из них, тому, что жил на Слоан-стрит. Номер не ответил.

Конечно, он мог и подежурить перед домом на Слоан-стрит в воскресенье вечером, чтобы увидеть, как Одетый с Иголочки Человек возвращается домой, но на такое явное шпионство Сидней пойти не мог. Зато он мог унизиться до того, чтобы попросить Инес и Карпи найти адрес их Эдварда Тилбери. Какая ужасная необходимость! Думать, что Алисия связана со всем этим!

До поезда оставалось еще двадцать минут, и он позвонил Алексу, надеясь, что ему повезет и Алекс еще не уехал в Клэктон, а окажется дома.

– В пять часов я буду в Лондоне. Могу я с тобой встретиться? – спросил Сидней.

– Дело в том... я собираюсь уезжать шестичасовым поездом, старик.

– А ты можешь поехать позже?

– Что-нибудь узнал об Алисии?

– Увы, ничего. Я постараюсь приехать как можно быстрее... Мы продали «Лэша» и потом... – Сидней заметил, что говорит просящим тоном. – А где контракты?

– Они у меня.

Сидней повторил, что скоро приедет, и положил трубку, прежде чем Алекс успел возразить.

Всю дорогу до Лондона он проспал, хотя ему казалось,

что на это он способен в последнюю очередь. Проснувшись уже перед самым прибытием на вокзал Виктория, побрызгал себе на лицо водой и причесался. Потом поймал такси до Ноттинг Хилла где жили Полк-Фарадейсы. Их квартира была на первом этаже высокого белого дома. Звоня в дверь, Сидней был уже почти уверен, что ему не откроют, но Алекс спустился к входной двери и отворил ее.

– Привет, – сказал он.

– Добрый день. Я не задержу тебя надолго. Сейчас только двадцать минут шестого, и ты даже сможешь успеть на свой поезд.

Однако по виду Алекса можно было заключить, что ему все равно, сколько сейчас времени, и Сидней понял, что его приятель протонапросто наврал.

Они поднялись по лестнице.

– Они что, хотят внести какие-то изменения в первый сценарий?

– Так, по мелочи. Я все сделаю.

– Это касается сюжета?

– Нет.

Алекс открыл дверь своей квартиры и они вошли в гостиную, где царил полнейший беспорядок.

На диване стоял открытый, наполовину собранный чемодан. В одном из углов гостиной находился большой стеновой шкаф, выкрашенный в белый цвет, он тоже был открыт, и из него торчали какие-то вещи. Рядом на полу валялись дере-

вянная лошадь и грязно-желтый плюшевый жираф.

– Давай посмотрим контракт, – сказал Сидней. Из кармана чемодана Алекс достал документ.

– Я еще не подписал его.

Сидней прочитал, что каждому из них полагалось по пятьдесят процентов. Сериал должен был продолжаться не менее шести недель, за каждую дополнительную серию полагалась дополнительная плата.

– По-моему неплохо, а? – сказал Сидней. – Не бог весь что, но, в конце концов, они нас не грабят.

– Да, – ответил, несколько замямвшись, Алекс.

– Алекс, в чем дело? Тебя что-то не устраивает?

– Что меня не устраивает...

Алекс, он укладывал чемодан, выпрямился:

– Что меня не устраивает, Сид, так это положение, в котором ты оказался.

– Да брось ты думать об этом. Алисия жива и здорова. Судя по всему, у нее появился любовник... Меня смех берет от всей этой истории.

Алекс испытующе смотрел ему в глаза, сам же отступая немного назад, к дивану.

Сидней заметил, что сам только что непроизвольно сделал шаг в его сторону, и вдруг подумал: неужели Алекс его боится?

– Что тебя беспокоит, Алекс?

– Меня беспокоит... меня беспокоит, что сериал может

быть приостановлен, если твое положение усугубится.

Сидней почувствовал, как в нем растет раздражение. Его разозлило то, что Алекс, кажется, вздумал разыгрывать перед ним какую-то нелепую комедию.

– Возможно, в душе ты мечтал бы, чтобы сериал принадлежал только тебе. Тем более, что первые шесть серий уже придуманы и написаны. Начиная с водопроводчика и кончая «паддингтонской бандой».

– Не будь идиотом! Надо же! Я хочу присвоить себе весь сериал! – Алекс рассмеялся. – Но ведь проблема остается, Сид, и ты это знаешь. Где Алисия? Конечно, легко сказать, что она жива, что у нее есть любовник, но где она? Где? Ты что, воображаешь, что публика будет каждую неделю видеть на экране твое имя рядом с моим и молчать?

– А что она будет делать?

– Бойкотировать нас. Писать жалобы и прочее. Сидней улыбнулся.

– Передача мне очень понравилась, но совсем не нравится ее автор. Ах!

– Ты даже не хочешь подумать о том, что они просто-напросто могут остановить все на середине.

– Алекс, не будь дураком.

– Именно им я и не хочу быть. Ради чего я, по-твоему, должен рисковать? Только ради тебя?

Сидней нахмурился.

– Тогда что ты предлагаешь?

– Я думаю, что должен получать шестьдесят процентов, а ты – сорок. Мне кажется, это справедливо, если принять во внимание ту работу, которую я уже сделал и которую мне еще предстоит сделать. А равно и возможность того, что в любой день все может быть остановлено.

Сидней вздохнул. Ему была известна любовь Алекса к деньгам, подогреваемая в нем его семейством. Любовь эта постоянно толкала Алекса на поиски все новых и новых заработков.

– Я рискую не меньше, чем ты. И тоже потратил свое время.

– Но ведь твоя часть уже завершена. И именно ты стал причиной этого риска.

– Но без меня ты бы вообще ничего не сделал! Ох, Алекс, черт возьми, мне надоел этот спор. Короче, я не согласен с твоими условиями.

Алекс натянуто улыбнулся и взял со столика сигарету.

– Пока ты относительно свободен, но сколько времени, по-твоему, это может продолжаться? А если полиция узнает то, что уже известно нам с Хитти?.. Все те истории, которые ты нам рассказывал, когда объяснял отсутствие Алисии? Ты даже не способен вспомнить версию, которой собирался придерживаться. Все эти...

– Ты про то, что я говорил, будто она поехала к своей матери? Но она сама просила меня так говорить.

– А эти твои шуточки, когда ты выпил и рассказывал, как

закопал ее на шесть футов под землю и теперь живешь на ее деньги?! А все ваши ссоры, которые мы вынуждены были наблюдать?

– Мне вовсе не нужно возбуждать себя алкоголем, чтобы придумывать истории такого рода. Я могу сочинять их где и когда угодно.

– А вдруг я подумаю, что это вовсе не истории? А вдруг это правда?

Сидней почувствовал скуку. Был ли Алекс просто глуп или пытался грубо его шантажировать? Сидней не испытывал ничего, кроме скуки.

– Значит, Алекс, ты считаешь, что это правда?

– Я ничего не знаю.

Сидней с усмешкой посмотрел на него.

– Давай, Алекс, выкладывай. Ты веришь этим историям? Или просто хочешь оторвать кусок побольше?

– Сид, я просто не знаю, что будет дальше. Скажи лучше сам, ты убил Алисию? Да или нет?

Сидней подумал, что Алекс сейчас похож на одного крайне эмоционального героя из его собственных историй.

– Увы, нет, мой дорогой, – сказал он. – Зачем ты пытаешься меня шантажировать?

– Я не считаю это шантажом. Я только хочу...

– Нет, в самом деле: шантаж – это простое и ясное слово и оно означает именно то, что означает. А по тебе не похоже, что ты стремишься к ясности, – Сидней снова произ-

вольно сделал шаг в сторону Алекса, и снова тот отступил назад. – Ты что, боишься меня? Уже убедил себя в том, что я убиваю людей?

– Раз уж ты употребил множественное число, то вспомним и миссис Лилибэнкс. Доктор отказался подписать свидетельство о смерти. Как ты думаешь, какой вывод из этого напрашивается? Только тот, что она умерла от испуга и напугал ее ты. И скорей всего намеренно.

– Если это так, то почему я до сих пор разгуливаю на свободе? Хватит, Алекс, хватит. Если тебе не нравится слово «шантаж», назовем это корыстью. В настоящий момент твое поведение диктуется именно корыстными целями.

Сидней взял сигарету из пачки Алекса на столе.

– Спасибо, – сказал он, поднося ее ко рту.

На какой-то миг Алекс растерялся, но быстро пришел в себя и с новой решимостью вернулся к делу.

– Я настаиваю на шестидесяти процентах ради собственной безопасности, Сид. Соглашайся, иначе... Ты знаешь, что я имею ввиду.

– Нет, я не знаю.

– Я многое могу рассказать полиции. Разные и не слишком приятные вещи, не говоря уже о том, что произошло перед самым исчезновением Алисии. Эти отвратительные ссоры между вами...

– А, ты говоришь о случае с чашкой? – Сидней рассмеялся. – Если ты веришь всему, что сейчас говоришь, то ты так

или иначе должен это все им рассказать...

– Я не уверен, что верю, – сказал Алекс. – Я пытаюсь защитить свои интересы. Ничего больше.

Его логика немного напомнила ему рассуждения Алисии, но Алисия была только наивна, в то время как Алекс действовал из корысти. Но все же Сидней чувствовал, что Алекс говорит искренне. Алекс просто ослеп, точно осьминог в собственном чернильном облаке.

– В твоём положении нет ничего смешного. Алекс снова подошел к чемодану.

– Я устал спорить, Сидней, устал, и мне нужно ехать.

– Не дожидаясь моего ответа? Знай: я не согласен.

– С твоей стороны это просто недальновидно, – заметил; Алекс. Знаешь, я дам тебе время на размышления, до понедельника. К тому времени тебя, возможно, и так арестуют, а если не арестуют, мой адрес: Отель в Клэктоне.

– Привет от меня Хитти, – бросил Сидней, с чемоданчиком в руках выходя из квартиры и закрывая за собой дверь.

Сидней намеревался хорошенько обдумать все в поезде, по дороге в Ипсвич, и решить, что делать дальше. Однако, когда он попытался это сделать, ему вдруг почудилось, что проблемы, словно снежный ком, навалились на него разом и буквально погребли под собой. Ему было страшно думать о них, и он нашел спасение во сне. В Ипсвиче, взяв со стоянки свою машину, к ночи он был уже дома.

XXIII

В воскресенье, 20-го августа, Алисия и Эдвард с облегчением узнали из заметки в «Ивнинг Аргус», что Сидней Бартлеби после безрезультатных поисков своей жены покинул Брайтон.

Они жили уже в Лэнсинге под тем же именем: миссис и мистер Эрик Лиманз. Сняли там очень недорого дом, правда, слишком просторный, который помпезно назывался виллой. После извести о смерти миссис Лилибэнкс Эдвард все больше и больше склонялся к тому, чтобы прекратить игру; он считал, что они навлекают и Сиднея необоснованные подозрения. Эдвард предпочел бы Споков но вернуться в Лондон, в то время как Алисия отправилась бы родителям успокоить их. Однако Алисия чувствовала себя не силах признаться родителям и Сиднею в том, что больше месяц под чужим именем жила с другим мужчиной. Эдвард намеревался жениться на ней после того, как она официально разведется Сиднеем, и Алисия хотела того же, но с каждым днем, несмотря на все усилия что-то решить и предпринять, все больше и больше погрязала в болоте нерешительности. В начале их связи с Эдвардом она неоднократно говорила ему, особенно после таинственной смерти миссис Лилибэнкс: «Эдвард, Сид не в своем уме, Я уже давно знаю это. Посмотри, как он вел себя с миссис Лилибэнкс. Какую коме-

дию разыграл с этим ковром! Помнишь, газеты писали о его нервозности в связи с биноклем? Он уже не способен отличить правду от вымысла».

– Тогда, дорогая, ты должна действовать сама, пока он еще чего-нибудь не натворил. За то, что ты сделала, тебе не грозит тюрьма. Ты ведь не первая женщина, у которой есть пресловутая «внебрачная связь»...

Слова Эдварда, вместо того, чтобы приободрить ее, напротив, напугали и еще больше парализовали Алисию.

– Теперь я не могу появиться перед ним, – решительно сказала она. – Он убьет меня на месте или, в лучшем случае, решит, что я привидение. Он сошел с ума, Эдвард... Я не хочу, не хочу в этой ситуации показываться ему на глаза.

– Я не думаю, что он сошел с ума, – нервно отвечал Эдвард. – Скорее всего, он просто ждет, что ты вернешься.

– Почему ты так думаешь?

Эдвард не мог объяснить, но у него было впечатление, что он начинает понимать, что происходит с Сиднеем. Он не смог бы выразить это словами. Со стороны Сиднея все же было очень мило приехать в Брайтон, на розыски Алисии... и не найти ее.

– Я не могу представить себе, – уже не в первый раз говорил он, – чтобы Сидней действительно объехал здесь все вокруг и не нашел ни тебя, ни меня. Где-нибудь на улице или в магазине.

Алисия в задумчивости посмотрела на него. Она поду-

мала вдруг, что Сидней наверняка видел ее, но специально ничего не предпринял. Такое извращенное поведение было вполне в его стиле.

– Может, он и видел тебя, но я уверена, что тогда на вечеринке он тебя не запомнил.

Обычно после этих ее слов Эдвард замолкал (они говорили об этом уже в третий раз), он вовсе не был уверен, что Сидней не догадывается об их связи. Но если он выскажет эти подозрения Алисии, она потеряет остаток мужества и навсегда простится с ним из-за своего раненого самолюбия. Василий, между прочим, сообщил ему, что некоторое время назад Инес и Карпи расспрашивали о нем.

Старый добрый Василий! На него можно было положиться в любой ситуации. У Эдварда было подозрение, что Сидней просил Инес и Карпи навести о нем справки, и, наверное, эти женщины уже знают всю правду о нем, и, возможно, уже не только они. Поездки из Лондона в Брайтон становились для Эдварда все более и более мучительными. У него появилось ощущение, что за ним следят; следят, когда он ступает на платформу в Брайтоне, когда при встрече целует Алисию в щеку. Все это так болезненно сказывалось на его психике, что в Лондоне ему приходилось почти ежедневно пить снотворное, чтобы заснуть. Его не отпускало постоянное предчувствие какой-то надвигающейся ужасной беды, если он не вернется к своей привычной жизни состоятельного холостяка, проводя свободное время за чтением, слушая музыку или

ужина в одиночку субботним вечером. Алисия, правда, говорила, что она тоже мечтает о такой жизни.

– Мы навсегда застрянем в этом болоте, если ты не предпримешь каких-нибудь решительных шагов, – сказал ей Эдвард. – Тебе нужно связаться с Сиднеем хотя бы для того, чтобы развестись.

Алисия только качала головой и нервно покусывала нижнюю губу. Зачем нужно так усложнять и запутывать дело? Все из-за, Сиднея. Если бы он не выкинул глупость и не закопал дурацкий, ковер, чтобы потом прикинуться клоуном, делая вид, будто, нервничает, и изображая из себя виноватого, когда друзья или полицейские спрашивают о ней. Если бы не его фокусы, Эдвард и она не оказались бы в такой ситуации. Алисия просто уехала бы, на несколько месяцев, как и сказала Сиднею, и он на это согласился. Она могла бы какое-то время спокойно встречаться с Эдвардом, а потом вернуться и сказать Сиднею, что хочет развестись. Теперь же Алисия подсознательно хотела отомстить Сиднею и заставить его, как он того и хотел, а может, даже еще глубже, погрязнуть в том положении, в котором он оказался.

– Я тоже думаю, что Сидней видел меня где-нибудь, – сказала она Эдварду. – Хотя все эти дни я, естественно, была очень осторожна. Но мне приходилось выходить за покупками... Впрочем, ты говорил, что не видел его в пятницу на вокзале.

– Я не смотрел по сторонам. Это привлекает внимание.

Но он мог меня видеть.

Эдвард сидел на террасе в соломенном шезлонге и подкрашивав белой краской свои ботинки.

– Послушай, если он меня видел, он мог бы уже рассказать об этом, правда? Что же ему мешает? Так что нельзя сказать, будто делаю все, чтобы Сиднея обвинили в убийстве.

– Но дорогая, мы же не знаем наверняка, что он нас видел. Дело и не в этом. Ну и что из того, что он с какой-то там вероятностью тебя видел или что так могло быть? Мы же все равно не знаем. По-моему, более логично будет предположить, что он тебя не видел и, следовательно, не может выйти из этой истории, раскрыв, где ты находишься.

Эдвард замолк, не закончив свою мысль. Алисия посмотрела на него.

От волнения глаза ее наполнились слезами.

– Я знаю, что ты хочешь сказать: я должна вернуться и сама во всем разобраться. Но я не могу, вот и все. Я скорей убью себя.

– Это абсурд, – серьезным тоном возразил Эдвард. – Послушай, дорогая, любишь ты Сиднея или нет, хорошо он с тобой обращался или плохо, если так пойдет и дальше, он потеряет еще и работу.

– Какую работу? Ты говоришь об этом несчастном телесериале?

Эдвард знал от Василия, а тот – от Инес и Карпи, что Сидней продал «Лэша».

– Ты говорила, что он пишет книгу. Алисия не думала о Сиднее. Она с грустью рассматривала свою картину, висевшую в глубине комнаты, лучшее и большее из того, что она сделала за свою жизнь, – 1,24 м на 2,40 м – абстрактную композицию на тему моря и цветов.

Рядом с Эдвардом она могла работать по-настоящему. Его серьезность, даже консерватизм в отличие от капризного безрассудства Сиднея стимулировали ее воображение. По его рассказам она хорошо представляла, какую жизнь ведет Эдвард, какие у него друзья, какой дом, знала, что лондонская его квартира была обставлена старинной мебелью, которую домработница до блеска натирала воском. Именно в такой жизни она нуждалась и именно для такой жизни воспитала ее мать. Но Сидней, учинив весь этот цирк, грозил теперь расстроить ее прекрасное будущее с Эдвардом. И оправдать теперешнее свое поведение Алисия могла только тем, что боится Сиднея. Это было единственное более или менее приемлемое объяснение. Ничего теперь она не боялась так, как того, что полиция все-таки выяснит, под каким именем и с кем она скрывалась в течение двух месяцев. Родители никогда бы ей этого не простили. А карьера Эдварда была бы погублена.

– Я не могу вернуться, Эдвард, – сказала Алисия, закрывая лицо руками. – Прошу тебя, войди в мое положение.

XXIV

Из двух стоящих перед ним проблем одна была связана с Алисией, другая – с Алексом. Первая казалась ему более серьезной, ибо когда Сидней пытался думать об Алексе, Алисия вторгалась в его размышления и бесцеремонно нарушала их ход.

Речь шла о его отношениях с Алисией. Он был верен ей год и десять месяцев, то есть все то время, что они были женаты. Сидней никогда об этом не задумывался, а потому и не знал, был ли он верен ей оттого, что действительно любил ее, или оттого, что у него не возникало других соблазнов, или же оттого, что он просто верен по своей природе. Сиднею всегда казалось, что природная верность была качеством скорее женским, чем мужским. Ему приходилось встречать много красивых девушек в компаниях или просто на улице, и иногда приходило в голову, что с некоторыми из них он мог бы спать, но никогда не приходило в голову сделать хоть малейшее усилие, чтобы этого добиться. Иногда он даже говорил Алисии: «Ты не находишь, что такая-то ужасно сексуальна?» Алисия ничуть не ревновала его в такие моменты, но он и не ждал ревности от нее. Со своей стороны, Алисия время от времени говорила: «Ты не находишь, что такой-то очень мил? Он – то, что называется мой тип... если бы у меня вообще имелся какой-либо тип...» Она улыбалась Сиднею, и

на том дело и кончалось. Сидней не сомневался в верности Алисии, потому что в глубине души она Целиком находилась во власти условностей и была воспитана неприступной. Он думал, что такие женщины, как она не заводят внебрачных связей, если только их брак не совсем удачный, или если сами они вполне нормальны психически. Поскольку Алисия казалась вполне нормальной, хотя и немного неуравновешенной, Сидней вынужден был заключить, что в их браке что-то не удалось. Конечно, вначале они чаще занимались любовью, чем в последнее время, но это было следствием, а не причиной чего бы то ни было. Сидней также очень беспокоил вопрос денег и работы. «Стратеги» пять раз получили отказ в Англии, и это было ударом не только по его счету в банке, но и по его психике, что в свою очередь, не могло не сказаться на семейной жизни. В том почти постоянно подавленном состоянии, в котором Сидней жил в последнее время, он не мог понастоящему испытывать ни страсти, ни любви к кому бы то ни было.

В одной из его теорий сексуальная жизнь убийц была ограничена до минимума или даже сведена к нулю. Он не был убийцей, это очевидно, и у него присутствовала потребность в половой жизни, но после того, как он попытался представить себе, что убил Алисию, его больше уже не привлекала ни она сама, ни какая-либо другая женщина. Даже Присей Холлоуэй он нашел ее просто интересной. Сидней хотел записать все эти рассуждения и сразу вспомнил, что потерял

свою тетрадку. Поднявшись на второй этаж, он искал ее в спальне, в кабинете и в ящике стола, где обычно ее держал. Заглянул и под кровать. Нет, наверняка он потерял ее не дома. Вернувшись в кабинет, Сидней записал несколько фраз о Присей и о себе на обрывке бумаги и положил его в стол.

Потом сошел вниз, открыл оставленный на полу чемодан, достал три грязных рубашки, положил в корзину для белья в чулане за гостиной. Был субботний вечер, двадцать минут двенадцатого. Он взял со столика телефонный справочник и нашел номер Эдварда С. Тилбери, Слоан-стрит.

Абонент не отвечал. Впрочем, на другое он и не рассчитывал, но это многозначительное молчание в квартире на Слоан-стрит раздражало его. Он был уверен, что звонил именно тому Тилбери, так как трое остальных были соответственно, дантист, обитатель Майда Вейл, и тот, который не ответил, когда Сидней звонил из; Самнер Даунз. Конечно, его Тилбери мог быть и из Майда Вейл, но Сидней все же склонялся в пользу обитателя Слоан-стрит. Представляя себе, как звонит телефон в пустой квартире, Сидней почувствовал, что по-настоящему любил Алисию, любил еще и потому, что был уверен в ней так, как она сама могла быть уверена в нем, и это вовсе не было ему неприятно. Он был уверен, что они любят друг друга, несмотря на их ссоры, и что любили друг друга всегда. Он опустил трубку. Возможно, Алисия думает в этот момент то же самое. Возможно, ее счастливое лицо – всего липа: комедия, разыгранная для Тилбери, или попытка

обмануть саму себя.

Но что она собирается делать теперь, продолжать скрываться пока он не окажется еще в худшем положении? Что это, способ отомстить ему? И что он сам должен делать? Сообщить полиции, что видел ее? Должен ли он открыться им сейчас или через два дня, или через неделю? Должен ли написать миссис Лиманз в Ангмеринг и прямо заявить ей, что все знает, а потом спросить, не хочет ли она вернуться к нему? Он мог бы написать, что прощает ее, если она ему тоже простит все его глупые выходки, и потом спросить, не хочет ли она вернуться? Да, Сидней хотел, чтобы она вернулась, и если она тоже этого захочет, он готов поступиться своей гордостью и просить ее об этом. Сидней смотрел в окно, и вдруг и неухоженный газон, и палисадник (починенный им и выкрашенный в белый цвет Алисией), и старый молоток для крокета, прислоненный к ограде, и даже ненавистный мусорный бак с крышкой набок, – все это показалось ему живущим своей собственной жизнью, как на пейзаже Ван Гога, и пейзаж этот тут же наполнился для него Алисией и ее отсутствием.

Сидней решил перестать на время думать об Алисии и попытаться разрешить проблему Полк-Фарадейса. В течение двадцати четырех часов он вполне сможет представить себе, будто убил двух человек, Алисию и миссис Лилибэнкс, что в этой связи могут думать о нем окружающие, и какие они должны питать подозрения. Через сутки Сидней выжмет из

этой идеи все, что она способна дать для очередной истории, и тогда решит, что и как делать. Если Алисия скажет, что не собирается возвращаться к нему, он, конечно же, поможет ей начать бракоразводный процесс, поскольку убежден, что она слишком боится начать его сама.

Сидней принес себе в кабинет кофе и принялся рассуждать.

Для начала он попытался представить себе поведение Хитти. Она, должно быть, не одобрила позицию, занятую Алексом если только тот достаточно откровенно ей все рассказал. С другой стороны, никогда не следует недооценивать надежность жены, будь муж ее сутенер, взломщик или тайком женатый священник. Хитти по зрелому размышлению может и поддержать Алекса. Или, узнав, что Сидней убил Алисию и миссис Лилибэнкс, и, следовательно, сериал про Лэша находится под угрозой, даже всерьез поверить в то, во что притворщик Алекс якобы верит. Раз сериал куплен, первая серия должна выйти в октябре. Пламмер сказал им об этом, Сидней решил, что нужно поговорить с адвокатом или даже с самим Пламмером. Пока что Пламмер не проявляет большой озабоченности, и Сидней пожалел, что не набрался смелости указать на это Алексу еще в Лондоне. Алекс поставил ему ультиматум! Это было уже слишком, как сказал бы сам Алекс. Сидней встал и отправился спать.

Спокойствие воскресного утра было нарушено телефонным звонком инспектора Брокуэя. Ему сообщили из Брай-

тона, что Сидней вернулся, и он захотел узнать, «где он там побывал».

– Похоже, ваши поиски не дали результата, – сказал инспектор.

– Да, увы.

– Могу ли я заглянуть к вам на минутку после обеда.

Они договорились, что инспектор приедет между половиной третьего и тремя часами.

Сидней решил угостить гостя чаем, надеясь что он будет способствовать мирному течению беседы, хотя время было слишком ранним для чая.

Инспектор, одетый по случаю воскресного дня во фланелевые брюки для гольфа и коричневую твидовую куртку, начал с того, что любезно поздравил Сиднея с продажей «Лэша».

– Спасибо, – ответил Сидней. – Но откуда вы узнали?

– Ваш друг Полк-Фарадейс звонил мне, кажется, в пятницу утром. Вы ведь работаете вместе?

– Да. Он, если хотите, – драматург. Во всяком случае, в гораздо большей степени, чем я.

– Похоже, он был обеспокоен. Волновался, сможете ли вы продолжать совместную работу, если ваше положение осложнится.

Сидней взглянул на инспектора, тот сидел, уставившись в пол и потирал рукой подбородок с таким видом, словно говорил ухудшении погоды или о чем-то столь же непредска-

зуюмом.

– А что... оно ухудшается? – спросил Сидней.

– Нет, но оно уже стало достоянием публики, если так можно выразиться. Хотя никаких известий о вашей жене нет, самые разные домыслы о ней, о вас, о миссис Лилибэнкс появляются газетах, во всех газетах и не утихнут, пока ваша жена, живая или мертвая, не отыщется.

– А разве не бывало случаев, когда люди исчезали бесследно и навсегда? В Соединенных Штатах известно несколько таких случаев. Например, с судьей Крейтером. Его ведь так и не нашли, ни живого ни мертвого.

Он услышал, что на кухне закипает чайник.

– Да, конечно, такие случаи бывают и у нас, но в нашем случае, кажется, необходимо провести более глубокое расследование или, если хотите лучше прискаты.

«Это очень верно», – подумал Сидней. Свист чайника стал пронзительным.

– Простите, инспектор, не согласитесь ли вы выпить со мной чаю?

– Спасибо, – ответил полицейский. Он поднес руку ко рту и сильно закашлялся.

Сидней ошпарил чайник, маленькой ложечкой точно отмерил количество чая для заварки, как всегда делала Алисия. Принеся чай на подносе и подождав положенное время, он налил его в чашки. Предложил сахара и молока. Инспектор взял и того, и другого.

– Ваш друг Полк-Фарадейс дал понять, а точнее, сказал, что его беспокоят некоторые вещи. Вы не знаете, что он имел в виду?

Сидней посмотрел на инспектора и слегка пожал плечами.

– Нет.

– Если вам известно что-то, на что он мог намекать, то я предпочел бы выслушать это от вас, а не от него.

– Я не знаю, что именно может быть известно ему такого, что я не говорил вам. Я имею в виду место, куда отправилась моя жена. Разве что она говорила с Алексом и сказала ему больше, чем мне.

– Я не знаю, что он имел в виду, – ответил инспектор, внимательно наблюдая за Сиднеем.

Сидней позволил себе проявить беспокойство. Или точнее, он машинально выказал свое беспокойство, стукнув ложкой по блюдцу и наклонившись вперед.

– Он говорил вам, что Алисия что-то ему рассказывала? – Нет. Насколько я понял, речь шла скорее об отношениях, о той обстановке, которая царила здесь до того, как ваша жена исчезла. Сидней провел ладонью по лбу и нашел сигарету.

– Насколько я понял, Полк-Фарадейсы часто бывали здесь раньше.

– Ну... примерно раз в месяц.

– И даже когда вы с мистером Полк-Фарадейсом работали вместе?

– Да, мы многое делали по почте. Впрочем, мы так и про-

должаем.

– Гм. Но если он слышал, как вы угрожали своей жене, или застал вас во время ссоры, не лучше ли будет, если вы сами мне об этом расскажите?

«Ну конечно!» – подумал Сидней. Это будет ничуть не лучше, если не хуже. Инспектор хочет сравнить его версию с версией Алекса, вот и все.

– Да, Полк-Фарадейсы заставляли нас раз или два во время ссоры, – сказал Сидней. – Я помню, как однажды вечером Алисия уронила стакан, и меня это разозлило. Я довольно громко накричал на нее.

– Приходилось ли вам бить вашу жену?

– Да, – торжественно произнес Сидней. – Раз или два. Но не сильно.

– Видел ли Полк-Фарадейс, как вы ее били?

– Нет. Во всяком случае, я думаю, что не видел. По-моему, при Полк-Фарадейсах мы ни разу серьезно не ссорились.

– Что вы понимаете под серьезными ссорами?

– Ссору, во время которой я мог ее ударить. Или, которая длилась бы несколько дней.

Сидней вдруг схватил себя одной рукой за другую, в которой держал сигарету. Дрожь его не была притворством, но и не объяснялась их разговором. Он думал об Алисии и Эдварде Тилбери.

– Я хочу, чтобы вы рассказали мне о том, что вас беспокоит, А – отеческим тоном произнес инспектор.

Но на это Сидней совершенно не был способен, он даже едва не улыбнулся от одного такого предположения.

– Конечно... меня беспокоит то, что Полк-Фарадейс мог вам рассказать. Он хочет присвоить себе «Лэша». Вчера он потребовал, чтобы я согласился на сорок процентов гонорара. Угрожал, что в противном случае кое-что откроет полиции.

– Вот как! А это кое-что – правда?

– Не знаю. Сомневаюсь.

– А какие-такие правдивые сведения он мог мне сообщить?

– Не знаю... разве что поведать о нескольких наших ссорах с женой.

– Если он что-нибудь мне и расскажет, будьте уверены, я передам вам об этом прежде, чем поверю в его слова или внесу их в дело, – пообещал инспектор Брокуэй и поставил чашку. – Есть одна вещь, одно событие, которое произошло, пока вы были в Брайтоне. Была найдена тетрадь, которую вы оставили в газетном киоске в Ронси Нолле.

От неожиданности Сидней подскочил и расплескал чай на блюде. Этот испуг был вызван не столько потерей тетради, сколько местом, где он ее потерял. Теперь он вспомнил, что разменял тогда десятишиллинговую купюру накануне отъезда в Брайтон. Сидней провел мокрыми от чая пальцами по волосам и сказал:

– Ах, а я все не мог вспомнить, где потерял ее.

Тот подозрительный газетчик наверняка увидел, что Сидней забыл тетрадку на стопке газет, и решил не говорить ему, так как очень хотел посмотреть, что было в ней.

– Мистер Такер показал, что в тот же день хотел вернуть вам вашу тетрадку, но не застал вас дома.

– Не застал... – чуть усмехнулся Сидней. Но в тот день он был дома и только на следующий уехал в Брайтон. – Это... о, это неважно, это просто записи. Записи, которые я делал для своих историй.

Инспектор понимающе улыбнулся.

– Мистер Такер подумал, что это дневник. Надо сказать, что тетрадь действительно весьма напоминает дневник, все записи там датированы.

Сидней невольно посмотрел на карманы инспекторской куртки: непохоже было, чтобы там лежала его тетрадка.

– Вы говорите, что там рабочие записи?

– Да. Все это было выдуманно мной самим, – сказал Сидней, понимая, что такая правда выглядит не менее подозрительно, чем ложь.

– Некоторые из записей действительно походят на вымысел, а вот другие вовсе нет. Но, принимая во внимание вашу профессию, я мог бы счесть все это вымыслом. Хотя для человека простого, вроде мистера Такера, когда он читал об убийстве жены, о сцене на лестнице и обо всем прочем, ваши рабочие записи выглядели совсем иначе, поверьте.

Инспектор улыбнулся и сжал свои большие узловатые ру-

ки.

– Да, но, как вы, очевидно, понимаете, я просто попытался представить себе эти сцены.

– Согласен, и какая-то часть там действительно выглядит так. Но для большей безопасности мы оставим блокнот в полицейском участке в Ипсвиче. Пока что никто, кроме меня, его не видел, исключая лишь мистера Такера и его супругу. Тем не менее, учитывая характер записей, я, мистер Бартлеби, обязан буду показать его инспектору Хиллу, который приедет из Лондона на следующей неделе. Снизу мы решительно настаивают, чтобы этим делом занимался Скотланд-Ярд. Сидней кивнул и встал.

– Еще чаю, инспектор? – спросил он, протягивая руку к чайнику.

– Нет-нет, большое спасибо. Я должен идти. В четыре часа в Алдебурге я играю в гольф. (Он тоже поднялся.) До свидания, мистер Бартлеби, и спасибо за чай.

– До свидания, инспектор.

Сидней стоял на пороге и смотрел, как мистер Брокуэй шел к своему солидному черному автомобилю, на заднем сиденье которого виднелась клубная сумка.

Через час позвонила Инес.

– Я так и знала, что вы уже вернулись.

– Да, я вернулся вчера вечером. Чтобы упредить ваш первый вопрос, скажу сразу, что мне не повезло, – сказал Сидней.

– О, Сид! – воскликнула она с сочувствием в голосе, – если полиция потратила столько сил и времени и не смогла найти...

Вы, случайно, не видели Эдварда Тилбери? Сидней засмеялся.

– Если бы я его увидел, то уж не отпустил бы.

– Дело в том, что мы с Карпи разузнали, что он редко бывает дома в последнее время, особенно в выходные.

– Вот как? Скажите, этот Тилбери живет не на Слоан-стрит?

– Кажется, там. Помню, Василий говорил что-то про Слоан-стрит. Мы с Карпи опросили многих, стараясь не привлекать особого внимания. Просто объясняли, что давно не видели его и что, говорят, его трудно застать дома в выходные. Василию он сказал, что ездит к друзьям куда-то в Сюррей или Сассекс. У нас такое чувство, что мы играем в сыщиков! (Инес фыркнула.) Может, и нелогично делать выводы из таких фактов, как сказал бы Шерлок Холмс, но если вас еще это интересует, вы могли бы как-нибудь проверить, когда он отправится на уик-энд, проследить, на какой поезд он сядет, и даже проехать с ним. Ведь вас не арестуют за то, что вы за кем-то следите.

– Нет. (Разговор стал Сиднею неприятен.) Инес, если полиция еще раз придет к вам с Карпи, я бы просил вас не упоминать имени Тилбери. Мы же еще ничего не знаем о нем, и это будет не хорошо...

– Но ведь они могут все проверить. Им это проще, чем нам...

– Я прекрасно понимаю это, но... трудно объяснить по телефону, и я не хочу принуждать вас... (Он почти вспотел.) Просто я вам буду очень признателен, если вы им скажете, что по-прежнему знаете не больше, чем месяц назад.

С неохотой, но Инес пообещала ему это, а вскоре истекли и три минуты разговора.

Сидней вышел из дому и отправился прогуляться. Он шагал вслед заходящему солнцу и думал, что Алисия и Тилбери в этот самый момент, возможно, гуляют вместе по пляжу. О Боже, они уже почти два месяца вместе! За такой срок можно хорошо узнать друг друга. Но какого черта добивается Алисия?! Почему она не могла написать ему, отправив письмо, допустим, из Лондона, если не хотела, чтобы он знал, где она. У Сиднея появилось почти непреодолимое желание написать письмо миссис Лиманз в Ангмеринг и просто спросить ее, что она намеревается делать, и добавить, что она может вернуться, когда захочет закончить эту комедию. Однако он отказался от этой идеи из-за чувства, сходного с чувством стыда за то, что ему придется вмешиваться в чужую жизнь. К этому чувству примешивалась также и гордость, Сидней не мог показать Алисии, насколько он обеспокоен тем, что не знает ее намерений. К тому же его жене будет слишком неприятно узнать, что всем уже известно о существовании у нее любовника. С другой стороны, его еще сдерживало и то,

что ситуация становилась с каждым днем все более интересной. В равной степени ему было любопытно посмотреть, что предпримет теперь Алекс Полк-Фарадейс.

В понедельник, в четверть восьмого утра, с сигаретой в зубах, он набрал номер отеля в Клэктоне, где остановились Полк-Фарадейсы. К телефону подошла сонная Хитти.

– Хитти, простите, что я так рано вас поднял, – сказал Сидней, – но я хотел вас застать наверняка. Могу я поговорить с Алексом?

– Да-да, минутку, Сид... Проснись, дорогой. Это Сид. Сидней услышал какое-то бормотание, а потом и голос Алекса.

– Здравствуй, Алекс. Я звоню только сказать, что не согласен на твои сорок-шестьдесят процентов. Ты понял? Ты просил меня дать ответ сегодня.

– Хорошо, – сухо отвечал тот. – Посмотрим.

– Слушай, Алекс, а ты сказал об этом Хитти? О том, что хочешь забрать шестьдесят процентов?

Алекс ответил не сразу.

– Мне очень неприятно, Сидней, но я считаю, тебе надо еще хорошенько подумать.

– Я все обдумал, Алекс. До свидания. Сидней положил трубку.

Что ж, Алексу его решение было неприятно, но он явно схитрил в ответ на вопрос о Хитти. Но Сидней понял, что Алекс посвятил ее в свои планы, и сидя с чашкой кофе в

руке, вдруг расхохотался. Солнце уже всюду светило в окна гостиной, день обещал быть погожим.

В довершение всего, через несколько минут пришел почтальон и принес письмо от Поттера и Дэша, лондонских издателей, которым Сидней три недели назад отправил «Стратегов». Они брали книгу! Сидней почувствовал себя отпущенным. Сдерживая дыхание, перечитывал он коротенькое письмо, отпечатанное на машинке: «Мы счастливы... Не могли бы вы зайти в наше бюро, чтобы обсудить некоторые... Вы получите договор, как только мы...» Глупо улыбаясь, Сидней бродил по дому с письмом в руках. Его книга будет опубликована.

Ему не хотелось пока никому сообщать эту новость, и он решил никому не говорить, пока его не спросят: «Ну, как дела, Сидней, что новенького?» И тогда он ответит, придав своему голосу равнодушие: «Скоро у Поттера и Дэша выйдет одна моя книга, „Стратеги“. Это неплохая книга. Во всяком случае издатели, кажется, так считают...»

Особо удачные фразы и высказывания приходили ему на ум, пока он принимал ванну и брился.

XXV

Было около двух часов дня, когда Сидней решил навести порядок в чулане и выбросить оттуда все ненужное. Не успел он приступить к уборке, как позвонил инспектор Брокуэй и попросил его приехать к четырем часам в Ипсвич.

– Но дело в том, что... – попытался было отказаться Сидней – ему меньше всего хотелось сейчас ехать в Ипсвич.

– Это очень важно, мистер Бартлеби, иначе я бы не стал вас беспокоить. Приехал инспектор Хилл из Лондона. Мистер Полк-Фарадейс разговаривал с ним... Так что если это вас не затруднит...

Сидней выехал в половине четвертого, чтобы уж сразу не восстанавливать против себя инспектора Хилла своим опозданием. Он почти приготовился встретить там Алекса, который наверняка с утра поспешил в Лондон, чтобы поговорить с кем нужно, и запросто мог приехать в Ипсвич вместе с инспектором Хиллом. Но Алекса он не встретил. Его представили инспектору Хиллу, высокому худошавому человеку лет пятидесяти, с выправкой кадрового военного. По случаю приезда человека из столицы – мистер Брокуэй держался весьма официально. Втроем они проследовали в какой-то кабинет, Сидней не смог определить, принадлежал ли этот кабинет инспектору Брокуэю, поскольку тот во время разговора так и не подошел ни разу к рабочему столу.

Чтобы разрядить обстановку, инспектор Хилл сделал для начала несколько замечаний о том, что очень трудно искать людей, которые хотят скрываться, и выразил разочарование по поводу того, что четырехдневные поиски Сиднея в Брайтоне не увенчались успехом. Потом достал сигареты и закурил, и Сидней последовал его примеру.

– Сегодня в Лондоне ко мне заезжал мистер Полк-Фарадейс. Среди прочего он сказал мне некоторые вещи, которые я и хотел обсудить здесь с вами. (Инспектор Хилл говорил очень любезным голосом. Он достал несколько листочков с какими-то записями и бегло просмотрел их.) Эта история с ковром... – начал он с улыбкой. – Кажется, Полк-Фарадейсы были у вас в гостях вскоре после отъезда вашей жены, и миссис Полк-Фарадейс заметила тогда, что в гостиной лежит новый ковер... И сейчас они... вернее, мистер Полк-Фарадейс утверждает, что вы как-то странно отреагировали, когда его жена заговорила об этом ковре.

– Что значит – странно?

– По словам мистера Полк-Фарадейса, у вас был встревоженный вид.

– Не думаю. Я только сказал, что купил новый ковер по дешевке, а старый выкинул.

– Вы сказали им, как и куда вы его выкинули?

– Нет.

– Хорошо. Далее: Мистер Полк-Фарадейс утверждает также, что как-то раз, когда он звонил вам из Лондона, уже

после той вашей встречи, вы наговорили ему всяких странных вещей. Будто бы вы рассказали ему, каким образом избавились от жены. Мистер Полк-Фарадейс не исключает того, что вы попросту хотели пошутить, но боится, что это была не шутка. По его словам, вы сказали тогда: «Я столкнул ее с лестницы. Никогда в жизни мне не было так хорошо».

Инспектор Хилл улыбнулся, Сидней оставался серьезен.

– Да, сказал. Но неужели Алекс хочет убедить вас, что это серьезно?

– Этого мы не знаем. Он просто передал нам ваши слова. Значит, именно так вы и сказали?

– Да, именно так.

Сидней был умерен, что накануне встречи инспектор Хилл ознакомился с его тетрадкой и все прочитанное свежо в его памяти.

– Он говорит также, – продолжал инспектор Хилл (Сиднею показалось, что инспектор хочет все разом вывалить ему на голову и поглядеть, как он будет реагировать), – о вашей неестественной веселости во время того уик-энда в вашем доме. Ему показалось, что это холостая жизнь так пошла вам на пользу.

– Он так и сказал тогда.

– Вы говорили ему также, что вы живете на деньги вашей жены или что собираетесь жить на них...

– Ну и Алекс! Да, я пошутил на эту тему, но только позднее. Это, знаете ли, в стиле наших сценариев. Мы с Алексом

специализируемся на мрачном юморе. (На последних словах голос Сиднея дрогнул. Его ладони, прижатые одна к другой, теперь по-настоящему вспотели.) Я ничего не делал, чтобы воспользоваться деньгами жены. Да я и не убежден, что смог бы это сделать, Уверен, ее родители постарались бы мне помешать.

– Не думаю, это не в их власти. Они не могут помешать вам получать ежемесячно пятьдесят фунтов вашей жены в случае ее смерти, – возразил инспектор Хилл. – Единственное, чего они, несомненно, могли вас лишить, так это право на наследство, полагающееся Алисии после кончины.

Сидней достал еще одну сигарету. Инспектор Брокуэй стоял, прислонившись к письменному столу, и слушал.

– И потом, – в задумчивости проговорил инспектор Хилл, держась на своем стуле очень прямо и положив ногу на ногу, – Полк-Фарадейсы считают, что вы слишком уж старались убедить всех, что не знаете, когда вернется ваша жена, и, что если она вернется, то очень нескоро, не раньше, чем через несколько месяцев.

– Да, я говорил так, когда меня спрашивали.

– А не говорили ли вы это специально?

– Нет.

– Полк-Фарадейсы утверждают обратное.

Уж не приехала ли в Лондон и Хитти, подумал Сидней, носразу решил, что нет, ей не с кем было оставить детей. Вероятно, Алекс говорил это все и «от ее имени» тоже.

– Нет, Полк-Фарадейсы заблуждаются.

– Хорошо, тогда еще один вопрос. (Инспектор Хилл заглянул в свои записи.) Ваши друзья Инес Хаггард и Карпи Данн, мистер Полк-Фарадейс, кажется, тоже с ними знаком. Он сказал мне, что переговорил с ними, и они рассказали, как однажды в субботу приезжали к вам на пикник. Ваша жена тогда отсутствовала уже три недели. Если верить мистеру Полк-Фарадейсу, вы говорили им, как впрочем, и всем остальным, что ваша жена находится у своей матери в Кенте. А когда миссис Хаггард сказала, что пыталась связаться с вашей женой и позвонила в Кент, ее мать даже не знала не только, где та находится, но и что она вообще собиралась к ней приехать. У вас же при этом был вид человека, застигнутого врасплох.

– Врасплох? Нет, я был просто удивлен, ведь моя жена говорила, что едет к матери.

Инспектор Хилл откинулся на своем стуле и посмотрел на Сиднея. Сидней сделал то же самое и скрестил руки на груди. Он представил себе Алекса, возбужденного, с выпученными глазами, захлеб расписывающего все, что он знает о Сиднее, инспектору Скотланд-Ярда. Образ его представился Сиднею на удивление четким, но, к сожалению, немым, как в телевизоре с выключенным звуком.

– А мистер Полк-Фарадейс рассказал вам о «Лэше», о телесериале, который мы сочиняем с ним на пару?

– Нет, – ответил инспектор Хилл.

– Вот как? А ведь дело-то именно в нем. На телевидение уже приняли шесть серий сценария, и мистер Полк-Фарадейс на днях предложил мне поделить гонорар: сорок процентов мне, шестьдесят – ему вместо пятидесяти процентов каждому, как предусмотрено в контракте. Я думаю, мистер Полк-Фарадейс вообразил себе, он ведь тоже писатель, что чем больше подозрений наведет на меня, тем легче ему будет меня устранить. Я-то думал, инспектор Брокуэй сказал вам об этом.

Сидней покосился на мистера Брокуэя.

– Нет, он ничего не сказал, И мистер Полк-Фарадейс тоже. Конечно, я понимаю теперь, что именно вам не нравится в поведении мистера Полк-Фарадейса, но... признаете ли вы в общем, что его заявления соответствуют истине?

Сидней поерзал на стуле.

– Они сильно преувеличены... Это были шутки, а Алекс, кажется, изобразил их как серьезные заявления с моей стороны.

Инспектор Хилл улыбнулся снова и потер подбородок.

– Я, признаться, весьма ценю писательское воображение, – заметил он. – Вот только что я ознакомился с вашей тетрадкой... в ней вы, я позволю себе предположить, излагали идеи, а не реальные факты.

Идеи... факты... Сидней провел ладонью по лбу.

– Рассказ об убийстве там вымышлен с начала до конца. Можно сказать, что тетрадка содержит лишь одни идеи, и

это отнюдь, не дневник, где изложены факты.

– Но, признайтесь, что вовсе небезопасно в вашем положении писать подобные вещи.

– Я ни минуты не предполагал, что кто-нибудь, кроме меня, прочтет мои записи. Поэтому и носил тетрадку всегда при себе. Я лишь случайно вынул ее тогда вместе с бумажником.

Сидней подумал тут же, что это могла быть фрейдистски истолкованная оплошность убийцы. Он облизнул губы, ему захотелось пить.

– Допустим, что вы говорите правду, но все же, мы должны будем оставить тетрадку у себя, пока все не прояснится, – сказал инспектор Хилл. – Все осложняется тем, что вы говорили все это еще и мистеру Полк-Фарадейсу... Кстати, вы больше никому об этом не говорили?

– Нет. В таком духе шутим только мы с Алексом.

– И все-таки странно, что ваша жена уехала так надолго. Раньше она так долго не отсутствовала, если не ошибаюсь?..

Кажется, они ждали, что он где-то не выдержит и совершит оплошность, отвечая на один из подобных вопросов.

– Нет, вы не ошибаетесь, – отвечал Сидней.

«Вы, вы убили ее», почти буквально читал Сидней в спокойных глазах инспектора Хилла. Полицейский, это было ясно видно, вновь и вновь перебирал в голове все подозрения против него, изложенные миссис Снизам... А Алисия тем временем спала с Эдвардом Тилбери.

– Если вы думаете, что я убил ее, почему вы не найдете ее? На земле или под землей? – в тон инспектору спокойно проговорил он.

– Мы ищем, ищем. Это ведь совсем не просто, как вы могли уже заметить.

– Вы ищете, а я тем временем подвергаюсь нападкам какого-то там Полк-Фарадейса. Для меня это тоже нелегко, инспектор.

– Газеты, по крайней мере, ничего не пишут об этих нападках. Это не наши методы. (Инспектор Хилл бросил взгляд на своего коллегу, который внимательно и молча слушал их беседу.) С другой стороны, вы ведь сами делаете все, чтобы вызвать против себя подозрения, я имею в виду не только тетрадь. Кстати, мистер и миссис Снизам не подозревают о ее существовании. А бинокль? Ваша соседка, миссис Лилибэнкс, сообщила инспектору Брокуэю, что вы показались ей очень смущенным, когда увидели у нее бинокль, и услышали, что она видела вас в то утро с ковром на плече.

– Но ведь вы уже нашли ковер.

– Отвечайте, пожалуйста, на мой вопрос, мистер Бартлеби. Почему вы смутились, узнав, что миссис Лилибэнкс видела вас в бинокль?

– Потому что знал, что она при этом подумала.

– Это так? – строго спросил инспектор. – А почему, по-вашему, миссис Лилибэнкс должна была подумать именно так?

– Вначале я так не думал, но поскольку моя жена не написала миссис Лилибэнкс, хотя та, кажется, ждала от нее письма, я стал догадываться, о чем она думает.

– Гм, – пожал плечами инспектор Хилл и посмотрел на инспектора Брокуэя, который продолжал хранить молчание.

Мистер Хилл поднялся со стула.

– У меня больше нет к вам вопросов, мистер Бартлеби, разве что один... вам не приходилось лечиться от психических расстройств?

– Нет.

– И у вас не было депрессий?

– Нет.

Сидней тоже поднялся. Вероятно, это Алекс уверял их, что он не в своем уме... Старина Алекс...

– Я бы хотел заехать к вам домой на минутку, если вы не против, – добавил инспектор Хилл.

Сидней сказал, что он не против.

– Мы бы могли поехать на моей машине, мистер Хилл, – предложил инспектор Брокуэй и спросил Сиднея: – Вы собираетесь ехать домой прямо сейчас?

Сидней хотел еще заглянуть в библиотеку, но ответил, что едет домой.

Сидней вел машину, как обычно, неторопливо, и спустя всего несколько минут после его приезда домой, появились и оба полицейских.

Они вошли в гостиную, и инспектор Хилл тут же взглядом

профессионала окинул комнату и смерил высоту лестницы, чтобы оценить последствия возможного падения. Лестница была покрыта густым ковром, который наверняка сильно смягчил бы это падение. Они поднялись на второй этаж, и Сидней показал им комнату, служившую Алисии мастерской. Хотя Сидней и делал в этой комнате уборку не реже, чем во всех остальных, он отметил, что палитра Алисии уже начинала покрываться пылью. Они заглянули также и в его кабинет, и в спальню. Затем спустились и вышли во двор. Инспектор Брокуэй показал коллеге дом миссис Лилибэнкс, и они решили подойти посмотреть его поближе, а Сидней вернулся к себе.

Взглянув из окна кабинета, Сидней заметил, как лондонский инспектор ходит по саду и внимательно глядит себе под ноги, а затем подошел к гаражу, открыл двери и на несколько минут исчез внутри. Полицейские еще очень долго обсуждали что-то, стоя в саду, так что Сиднею наскучило смотреть на них, и он сел за стол. С утренней почтой он получил счет от молочника, и теперь, достав свою чековую книжку, подписал чек на один фунт три шиллинга и девять пенсов, чтобы завтра утром положить его в пустую молочную бутылку.

Услышав, что его гости вернулись, войдя через заднюю дверь, Сидней спустился к ним. Инспектор Хилл вежливо обратился к нему:

– Спасибо, мистер Бартлеби, за то, что позволили нам все осмотреть. Могу я узнать ваши планы насчет этого дома? Вы

собираетесь его продавать?

– Нет, – ответил Сидней.

– А вам не одиноко здесь?

– Немного одиноко, но одиночество не пугает меня. Во всяком случае, меньше, чем других.

Он досадовал на самого себя за свой любезный тон с человеком, который поверил во весь этот бред Алекса.

Полицейские уехали.

Вечером Сидней отправился в Ронси Нолл купить «Ивнинг стандарт». В лавке он застал миссис Хаукинз, но решил не обращать внимание ни на нее, ни на кого другого из местных обывателей и не тащиться еще за шесть километров только ради того, чтобы избежать созерцания их поджатых губ. Миссис Хаукинз удалилась в глубь лавки, и, стоя там среди полок с конфетами, бросала многозначительные взгляды на двух посетителей, которые находились между ней и Сиднеем. Но люди эти были слишком поглощены выбором сладостей. Пришел мистер Такер, и Сидней, достав четыре пенса, взял газету и вдруг с удивлением увидел прямо на первой странице большую фотографию, изображавшую его самого. Это была его старая фотография, на которой его сняли в белой рубашке с открытым воротом, ее Алисия сшила в доме своих родителей, вскоре после их приезда в Англию. Без сомнения, именно Снизамы передали фотографию полиции.

– Добрый вечер, – почти любезным тоном поприветствовал Сидней, мистера Такера, но в ответ услышал лишь

невнятное бурчание.

Он прочитал газету, лишь когда вернулся домой. Статья под фотографией была короткой и довольно туманной:

«Таинственный человек.

Как стало известно сегодня из компетентных источников, один из близких друзей Сиднея Бартлеби, жена которого исчезла, пролил новый свет на личность молодого американца.» Ни о каких конкретных фактах статья не сообщала, но говорилось, что «Бартлеби ведет себя во всех отношениях странно».

«Хотел бы я поглядеть сейчас на старину Алекса», – подумал Сидней, но тут ему пришло в голову, что вся эта история может повредить и его надеждам на «Стратегов», и не говоря уж и о «Лэше». Он швырнул газету на пол. Алекс, вероятно, хочет убедить всех, что это он сам придумывал сюжеты историй о Лэше, а теперь вот ему придется потратить и силы, и время, чтобы привести в порядок большую психику этого «бедняги Бартлеби».

Подумав об этом, Сидней быстро встал и пошел в гараж. Включив там свет, он высыпал на пол около раскрытой двери полный мешок своих старых бумаг. К счастью, за месяц он не успел сжечь ни одного листа. Порывшись в куче, он извлек десятка два сложенных пополам листков, на которых делал все записи по сюжету о Лэше и главам книг, над которыми работал в последнее время. Листки были полностью покрыты его мелким почерком, на них сохранились все главы, дей-

ствия и сцены. Конечно, у него дома оставались копии сценариев, но эти листки, написанные его рукой. Он вернулся в дом, чтобы перебрать их и решить, как можно будет их использовать в случае защиты.

XXVI

Сидней обнаружил сохранившиеся записи по третьему, пятому и шестому сценариям, и они не сильно отличались от уже напечатанного на машинке. Четвертой истории там не было, возможно, что он уже выбросил ее, но сейчас Сидней не решился копаться в мусорном баке и разбирать его размокшее содержимое. Записи же по первой и второй историям, увы, были сожжены раньше. Сидней скрепил все найденное большой скрепкой и спрятал.

23 августа, во вторник, он получил записку от Сесила Плам-мера из «Гранады», из которой узнал, что в связи со сложившейся ситуацией покупка сериала о Лэше откладывается до «тех пор, пока ситуация не прояснится». Мистер Пламмер писал, что и содержание контракта и дата его будут изменены, и Сидней вспомнил, что в контракте, который он видел, стояли и подпись Пламмера и дата.

Это известие наносило серьезный удар по его финансам, так как отсрочка грозила затянуться на несколько месяцев: Теперь, пока контракт не будет подписан, Сидней не получит денег от «Гранады», а других доходов до сентября не предвиделось. Лишь в сентябре он получит триста долларов, которые получал каждые три месяца, – наследство дяди Херрерта, и Сидней пожалел, что заплатил в бакалейной лавке на прошлой неделе двадцать девять фунтов, ведь там ему все-

гда предоставляли большой кредит. Но тогда он не знал, что дело с «Лэшем» обернется таким образом.

Сидней набрал номер Поттера и Дэша, чтобы попытаться назначить встречу по поводу «Стратегов». Секретарша была очень любезна:

– Мисс Фримантл сможет принять сегодня в четыре часа. Вы успеете подъехать к этому времени?

Он сказал, что успеет.

Эта встреча вернула ему присутствие духа.

Он принял ванну и во второй раз побрился и, не мешкая, выехал в Ипсвич, чтобы успеть к лондонскому поезду.

Контора Поттера и Дэша располагалась на Нью Кавендиш-стрит, на втором этаже довольно ветхого, но опрятного большого дома. Его приняла мисс Фримантл, маленькая женщина лет сорока пяти, в очках. Замечания ее были теми же, что выдвинул бы и сам Сидней, находишься он на ее месте. Она сочла политические рассуждения Эрнесто (бывшего коммуниста, ставшего троцкистом) несколько туманными, а высказывания одного из женских персонажей в разговоре с бывшим любовником слишком выпренными и неоправданно левыми, учитывая характер самого персонажа. Но все эти исправления не отняли бы у Сиднея много времени, да и временные затраты его ничуть не пугали, и в присутствии мисс Фримантл он подписал контракт.

– В письме вы упомянули и о своих двух предыдущих книгах. Мы бы хотели ознакомиться с ними, – сказала мисс Фри-

мантл. – Если это возможно.

На столе ее зазвонил телефон.

– Конечно, на этой неделе я смогу прислать их вам.

Мисс Фримантл сняла трубку, и сказала Сиднею, что мистер Поттер хочет увидеться с ним и просит зайти в его кабинет, вторая дверь по коридору налево.

Взволнованный, Сидней распрощался с мисс Фримантл и вышел с рукописью в руках. Нашел дверь мистера Поттера и постучал. Издатель, высокий брюнет в больших очках, вышел из-за стола, чтобы поприветствовать молодого автора.

Первые несколько минут все шло прекрасно, до того момента, когда мистер Поттер заявил:

– Мы очень хотим опубликовать вашу книгу, мистер Бартлеби, но, надеюсь, вы поймете нас, мы не сможем сделать этого до тех пор, пока не разъяснится история с вашей женой. Мне очень, очень жаль, но, думаю, вы согласитесь со мной, что выход в свет новой книги не должен быть омрачен ничем.

Сиднею показалось, что он покраснел, и это еще больше увеличило его смятение. Сдерживая свою гордость, он сказал:

– Скажите, вам нужна эта книга? Ведь не хотите же вы сказать, что не напечатаете ее?

Мистер Поттер, поколебавшись немного, сказал:

– Должен признаться вам, что пока не напечатает.

Возбуждение Сиднея утихло, как только он вышел из из-

дательства. Даже имея на руках контракт, он знал, что не выиграет процесс, если попытается обязать Поттера и Дэша опубликовать книгу хотя бы через полгода. В любом случае будет безумием объявлять войну издательству, даже если он выиграет дело.

В табачной лавке Сидней разменял деньги, вошел в телефонную кабину и набрал номер почтового отделения Ангмеринга, в Сассексе.

Мужской голос ответил ему, и он спросил:

– Добрый день, я хотел бы узнать, мистер и миссис Лиманз попрежнему живут в Ангмерикге? Их адрес не изменился? (Он знал, что городок настолько мал, что достаточно будет написать просто в Ангмеринг, чтобы Алисия получила письмо, если она еще там.)

– Лиманзы? Минуточку, – служащий неторопливо, точно это не был междугородный звонок, отошел от аппарата, долго ходил где-то, а затем вернулся и ответил: они сказали, что едут в Лэнсинг.

Сидней знал город с таким названием, видел его на карте.

– А они не оставили адреса?

– Нет, только Лэнсинг.

– Большое спасибо, – сказал Сидней и повесил трубку. Первым же поездом он вернулся в Ипсвич и оттуда на машине сразу домой.

Проверив дома по карте, как пишется название городка, он сел за машинку и напечатал:

«Четверг, 23 августа.

Дорогая Алисия.

Некоторое время мне известно, где ты находишься, и, хотя я попрежнему считаю, что ты имеешь право делать все, что тебе угодно, я был бы тебе очень признателен, если бы ты сообщила кому-нибудь, что ты жива. После этого ты можешь продолжать скрываться. Поверь, что я не сержусь на тебя и надеюсь, что и ты на меня тоже. Ты можешь поехать к своим родителям. Тебе не обязательно встречаться со мной, если ты этого не хочешь. Скажу лишь, что твое отсутствие все больше и больше осложняет и мою жизнь, и мою работу.

С любовью, Сид.»

Сидней перечитал письмо, положил в конверт и запечатал. Он решил, что избрал очень современный тон, в переговорах с Алисией угрозы ни к чему не привели бы, хотя в поезде, увозившем его из Лондона, он мысленно составлял сухие, угрожающие письма, упоминая и Эдварда Тилбери. Он догадывался, что сейчас происходит в душе Алисии: ей стыдно за связь с Тилбери, и потому встретиться с родителями для нее труднее, чем с кем-либо еще. Тем не менее Сидней знал, что Алисия не отправится напрямую в полицейский участок и не скажет с порога: «Я Алисия Бартлеби.» Поэтому он и посоветовал ей дать знать о себе через посредничество родителей. Семья по-прежнему оставалась для нее гнездом, где она чувствовала себя защищенной. Если, конечно, она не собиралась появляться в полиции под ручку

с Эдвардом Тилбери, но Сидней сомневался, что у Тилбери хватит на это смелости. Сидней решил опустить письмо во Фрамлингеме, поскольку почту там забирали позднее, чем в Ронси Нолле, а он хотел, чтобы Алисия получила письмо завтра.

На утро он получил письмо от «Дрейфуса Скотта и К», своих американских агентов, и поспешил его распечатать. Писал Джим Дрейфус:

«22 августа

Дорогой Сид, «С и С» очень заинтересовались „Стратегам-ми“ (мне тоже понравилась эта книга, и скажу – вы здорово прогрессируете), но они обеспокоены шумом вокруг вашего имени. На днях появилась еще одна статейка, в которой вас называют «метким стрелком», а в июле все газеты наперебой сплетничали о вас и вашей исчезнувшей жене. «С и С» поэтому хотят пока отложить переговоры с вами, но, думаю, что через некоторое время мы все же сможем подписать с ними контракт...»

Вздыхнув тяжело, Сидней побрел на кухню варить себе кофе.

Возможно, в этот самый момент Алисия распечатывает его письмо; во всяком случае, Сидней надеялся на это. Он пожалел, что не приписал там: если ты в течение двадцати четырех часов не объявишься у своих родителей, милая, я буду вынужден сам приехать за тобой. Но он все же не сделал этого, представив, что Алисия может сбежать еще куда-ни-

будь. Сидней выпил кофе, но так и не смог заставить себя съесть что-нибудь.

Около одиннадцати часов приехал инспектор Брокуэй и передал Сиднею, что его просят пожаловать в Скотланд-Ярд, чтобы ответить там на несколько вопросов.

– Я, кажется, догадываюсь, что они хотят просить вас остаться в Лондоне на несколько дней, – предположил инспектор. – Думаю, они собираются устроить вам встречу с Полк-Фарадейсом.

Сидней держал в руках письмо к Джиму Дрейфусу, в котором просил того подождать еще три дня, в надежде, что в течение их все прояснится. Хотя сам и не знал, почему решил указать именно такой срок.

– Мне очень жаль, инспектор, но у меня нет ни малейшего желания ехать туда.

Инспектор улыбнулся:

– Но если вы не поедете, они сами пожелают сюда. Они, конечно, не смогут отвезти вас силой, но не ответить на их вопросы вы не можете. Все мы обязаны отвечать на вопросы полиции, не так ли?

Однако Сидней, казалось, уже не различал, что обязан и что не обязан делать, но точно знал, что снова должен попытаться вынудить Алисию что-то предпринять. Письмо, которое он ей послал, было недостаточно решительным.

– Да, это так, – ответил он.

– Вы получили какие-нибудь известия? – спросил инспек-

тор, заметив письмо в руках Сиднея.

– Нет-нет, к сожалению, нет.

Сидней подождал, пока машина инспектора скроется из глаз, сел в свою и отправился в Ронси Нолл, чтобы опустить письмо Джиму Дрейфусу. На почте он, совершенно безразличный к тому, что может подумать мистер Нейлор, внимательно глядевший на него из окошка, составил и протянул тому телеграмму следующего содержания:

**ПРОШУ СВЯЗАТЬСЯ С ТВОИМИ РОДИТЕЛЯМИ
ЗАВТРА В ЧЕТВЕРГ ИЛИ БУДУ ВЫНУЖДЕН ПРИЕ-
ХАТЬ ЗА ТОБОЙ.**

СИД.

После обеда вместо ответа от Алисии или радостного звонка от ее родителей о том, что она едет в Кент, или даже вместо сообщения полиции о том же самом, он получил разъяренное письмо от Алекса на двух страницах, пестрящее огромным количеством подчеркнутых слов.

«... Значит, так и есть, тебе удалось это, старик, ты добился отсрочки „Лэша“, а это значит (и ты знаешь не хуже моего), что все сорвалось, все погибло и похоронено навсегда. А ведь именно об этом я тебя предупреждал... Я сказал полиции, что твоя собственная жена однажды уже спрашивала меня, не кажется ли мне, что ты несколько не в своем уме... Теперь я уверен, что в этом все и дело. Твое психическое состояние давно уже не позволяет тебе создавать ничего, кроме безумных и лишенных всякой логики фарсов,

так что мне приходилось миллионы раз переправлять наши истории, чтобы они выглядели прилично. Ты помнишь об этом. Но теперь ты сам попался в собственные сети, Сид. И я советую тебе, это в твоих же собственных интересах, собрать остатки своего здравого смысла и признаться во всем полиции. Можешь делать там все, что угодно, можешь сослаться на собственную невменяемость – так тебе обойдется дешевле. Я же убежден, что ты убил Алисию и убедил себя, не знаю как, что не делал этого, но уже после того, как сам же признался и даже похвалялся перед всеми. Теперь же ты предпочитаешь считать все это сном из твоих безумных сценариев... Хитти со мной в этом полностью согласна, и не думай, что она за тебя или что я принуждаю ее принять мою сторону. Повторяю, она полностью со мной согласна в том, что касается...»

Хм, конечно, согласна, поскольку жизнь наверняка казалась ей адом, если не была таковой, подумал Сидней. Он заглянул еще в конец письма, шумный и сумбурный, в котором Алекс буквально вопил, что будет до конца защищать свою работу, свою семью, взывал к правосудию, ратовал за психическое здоровье общества и за священность законов, управляющих его (т. е. общества) жизнью. Все это очень отдавало Снизаммами.

Если Алисия действительно была в Лэнсинге, она должна была получить его телеграмму около двух часов пополудни. Но уже был поздний вечер, а телефон молчал, и Сидней в

конце концов отправился спать, но из-за сильного раздражения, вызванного безысходностью теперешнего положения, спал очень плохо.

XXVII

В понедельник, когда Алисия прочла в дневных газетах, что некий «близкий друг» Сиднея Бартлеби высказался о нем, как о душевнобольном, она очень перепугалась, представив себе ярость Сиднея, направленную против Алекса. В том, что «близким другом» был Алекс Полк-Фарадейс, она ни минуты не сомневалась. До сих пор она узнавала о шагах, предпринимаемых Алексом, от Василия, который, в свою очередь, получал информацию от Инес и Карпи и передавал ее Эдварду. Теперь же Алекс делал заявление в полиции и в прессе. Алисия почти наверняка знала, что причиной раздора был сценарий о Лэше. За Сиднеем водилось такое – выходить из себя и все портить именно в тот момент, когда успех близок.

В среду же, когда пришло письмо, а вслед за ним и телеграмма от Сиднея, Алисию охватила паника. Сидней знал, где она, под каким именем скрывается и с кем живет. Оказывается, он тихо и ловко все выведал про нее. Чтобы прийти в себя после потрясения, Алисия выпила несколько порций виски и к трем часам была уже в таком жутком состоянии, что не могла ни сидеть, ни стоять. Она была одна в доме с самого понедельника, и теперь у нее возникло чувство, что Сидней собирается приехать к ней, ворваться в дом и убить ее. Около четырех часов, в состоянии близком к истерике,

она сделала то, чего прежде никогда не делала: позвонила на службу Эдварду. Ей долго пришлось ждать, пока его вызвали с какого-то совещания, и когда он наконец подошел и узнал ее голос, то в ярости едва не бросил трубку.

– Я должна была позвонить тебе, Эдвард. Я в ужасном состоянии.

– Я очень занят. Я могу позвонить тебе позже?

– Подожди же! Ты не сможешь приехать сегодня? Я прошу тебя. Произошло то, о чем я не могу сказать по телефону.

– Ясно. Но вряд ли я приеду раньше девяти, – сухо сказал он и положил трубку.

Эдвард приехал без пяти девять. Алисия надеялась, что он придет часом раньше, и все это время не сводила глаз с часов и когда, наконец, услышала, как он открывает дверь, ее охватила такая слабость от всего пережитого за день, что она даже не встала ему навстречу, а так и лежала, свернувшись калачиком на диване.

– Почему ты не открыла мне? – удивленно спросил Эдвард. – Что случилось?

– О, ничего, ничего теперь, когда ты здесь... – ответила Алисия и встала. – Я налью тебе что-нибудь выпить?

Она с трудом держалась на ногах и, пошатываясь, побрела на кухню. Эдвард положил портфель и шляпу и последовал за ней.

– Ты можешь ответить, что же произошло? Кто-нибудь что-нибудь сказал тебе?

Алисия решила не говорить Эдварду о том, что пришло письмо от Сиднея, даже если он спросит ее об этом. Но она совершенно не знала, что ей делать. Письмо же и телеграмму она сожгла.

– Я... я, – наконец начала она, – я просто ужасно разволновалась сегодня... Я вышла чего-нибудь купить и... и вернулась ни с чем...

Она стала наливать виски в бокалы, но пролила его на пол.

– Ничего страшного, дорогая. Ты кого-нибудь встретила? Или подходил какой-нибудь полицейский?

– Нет, никто не подходил. Она протянула ему его бокал.

Они пили тут же на кухне, стоя друг против друга. Эдвард с подозрительным видом смотрел на нее.

Алисия знала, что прежде, чем допить свое виски, Эдвард начнет уговаривать ее съездить к родителям, и когда он заговорил, она едва слушала его.

Все те же слова, все те же доводы. Алисия же знала только то, что ей нужно, чтобы Эдвард был рядом, иначе она пропадет. Здесь ли, в Лондоне ли, все равно где, только рядом с ней.

– Я все равно не вернусь, так что давай перестанем говорить об этом, – с неожиданной решительностью перебила она его.

– Но ведь видно, что ты не сможешь больше выдержать это напряжение! И я тоже... так не может продолжаться.

– А ты... ты не поедешь со мной к моим родителям? –

спросила вдруг она.

– Нет, я не могу этого сделать. Это будет неприлично. Нет, невозможно. (Он закурил.) Но я считаю, что должен сейчас сделать первый шаг, чтобы все это наконец сошло с мертвой точки. Ведь ты не шевельнешься, пока я тоже буду бездействовать. Я думаю сегодня же вернуться в Лондон и остаться там. Сегодня же.

Он нервно заходил взад-вперед по кухне.

– Эдвард, не бросай меня, – простонала Алисия. Он улыбнулся, похлопал ее по плечу и сказал:

– Я буду тебя ждать, дорогая. Ты это знаешь. Что бы нам ни выпало, мы примем это вместе. Но сейчас не заставляй меня рисковать моей работой; если я потеряю ее, то потом вряд ли смогу найти.

Эдвард говорил ласковым голосом, и у Алисии мелькнула надежда:

– Но ты ведь останешься сегодня тут?

– Не могу, не могу, дорогая. Прости, но я должен ехать.

Сперва неуверенно, а потом все более решительно Эдвард начал собирать по комнате свои вещи, чтобы уложить их в чемодан, лежавший на полке в спальне.

Дикая мысль пронеслась вдруг в голове Алисии: она вспомнила, что должна Эдварду 72 фунта, он все это время, пока они жили вместе, оплачивал все их счета. Она могла легко раздобыть эти деньги: в банке Ипсвича со 2-го сентября ее ждут сто фунтов. Еще два месяца назад деньги были

для нее самой серьезной проблемой, теперь же, в сравнении с катастрофой, постигшей ее, все проблемы казались мелкими и нестоящими. Алисия взяла свой бокал и попыталась осушить его залпом. Это ей почти удалось, лишь в последний момент она поперхнулась. Эдвард вошел в комнату как раз в тот момент, когда Алисия согнулась пополам в приступе кашля. Увидев его, она выпрямилась и выбежала из дома.

На улице было свежо. Она бежала куда-то в темноту, и еще ускорила свой бег, когда услышала голос Эдварда, бежавшего за ней и звавшего ее.

XXVIII

Утро в четверг было теплым и солнечным, и Сидней подумал, что такие вот дни, видно, и делают человека оптимистом, несмотря на все проблемы. И он с оптимизмом принялся размышлять об Алисии. Около половины десятого, представил он себе, она проснулась в своем Лэнсинге в хорошем настроении, потому что наконец решилась ехать к своим родителям. Конечно, Сидней не был уверен, что Алисию так уж радует это намерение, но он чувствовал, что она поедет, и случится это, скорее всего, сегодня, именно оттого что светит солнышко. Вот если бы шел дождь, она могла бы засомневаться, задержаться, потянуть время или даже решительно отказаться ехать.

Греясь на солнышке в гостиной, Сидней делал заметки в тетради. У него возник замысел новой книги, и он хотел вкратце набросать основные идеи ее, чтобы они не забылись. Не торопясь, он изложил свой замысел на бумаге; пока что тот был похож на начало какого-нибудь сна или поэмы, но когда-нибудь обещал воплотиться в настоящую книгу. Телефон зазвонил так громко, что Сидней вздрогнул. Беря трубку, он был почти уверен, что это звонят из полиции сообщить ему о возвращении Алисии. А может быть, это была даже и сама теща...

– Да? – сказал он громко.

– Мистер Бартлеби? Инспектор Хилл у телефона.

– Да, доброе утро, инспектор.

– Не могли бы вы приехать сегодня около шести часов в Лондон? Я бы встретился с вами раньше, но, к сожалению, буду занят.

– Но дело в том, инспектор, что... я тоже занят. К тому же я жду сегодня важные телефонные звонки. Может быть, завтра...

– Весьма сожалею, мистер Бартлеби, но... – прервал его инспектор тоном, не терпящим возражений.

Значит, день был безнадежно испорчен с самого утра.

До трех часов, когда Сидней вышел из дома, чтобы отправиться в Ипсвич, телефон молчал. Ехал он рановато, но дома не сиделось, настроение было ужасным, он чувствовал себя одновременно и растерянным, и подавленным, и раздраженным. Нет, уж лучше бы Алисия сдалась сегодня, иначе ему придется... Сидней представил, как врывается на виллу в Лэнсинге и хватает Алисию за волосы, чтобы вытащить ее из этого проклятого места, а свободной рукой еще и с размаху бьет кулаком Тилбери. Можно поехать в Лэнсинг прямо сегодня, после разговора с полицейскими. Или нет, если там, в Скотланд-Ярде, позволят сегодня себе лишнего, он швырнет им в лицо адрес миссис и мистера Лиманз в Лэнсинге, предоставив полиции разбираться во всем самой.

Купив на ипсвичском вокзале билет, Сидней подошел к газетному киоску и тут же увидел крупный заголовок в «Ив-

нинг Стандарт»: «Таинственно исчезнувшая женщина обнаружена мертвой». Дальше шла фотография с изображением скалы и со стрелкой, указывавшей на светлое пятно внизу. В пояснении к фотографии Сидней прочел, что скала эта находилась в окрестностях Лэнсинга. Он купил газету и пробежал глазами статью на первой странице.

Полиция считала, что несчастье случилось накануне вечером, но тело обнаружили только утром.

В полном смятении, Сидней прочитал строки, подтверждавшие то, о чем он и сам уже догадался:

«Жители Лэнсинга опознали умершую. Речь идет о миссис Эрик Лиманз, которая недавно сняла в этих местах меблированную виллу вместе со своим мужем. Мистера Лиманза на вилле не обнаружили, там была найдена лишь одежда погибшей и ничего из вещей, принадлежавших ее мужу. Не найдены также и документы, подтверждающие личность умершей. Экспертизой установлено, что светлые волосы миссис Лиманз были выкрашены в рыжий цвет, а на брелоке, обнаруженном в кармане ее юбки, стояли инициалы „А.Б.“ Оба эти факта навели полицию на мысль, что, вероятно, речь идет об Алисии Бартлеби, 26 лет, которая исчезла из своего дома в Саффолке 2-го июня.

В настоящее время полиция ведет расследование».

Теперь уже должно быть известно, что это Алисия, и в дневных новостях по радио наверняка объявили об этом. Скорее всего, она сильно изуродована... При этой мысли

Сидней вздрогнул.

Она сама бросилась со скалы или это Тилбери столкнул ее? Мистера Лиманза на вилле не обнаружили. Очевидно, он сбежал. Или Алисия чувствовала себя скверно потому, что была одна в тот вечер и безумно боялась вернуться к родителям и продолжать жить так дальше, и, не сумев сделать выбора, напилась пьяной и бросилась со скалы? Но Сидней не мог представить себе Алисию в таком состоянии. Зато он представлял себе Тилбери, который, конечно же, хотел, чтобы она сдалась прежде, чем найдут ее или его самого и вытянут из этой пикантной ситуации. Но коль скоро Алисия не могла ни на что решиться, решился он... Сидней даже представил себе, как она сопротивлялась ему. Возможно, у них до этого было уже не одно замечательное сражение. Итак, если Тилбери столкнул ее и пытается скрыться, у него нет никаких шансов. Сидней с жестоким удовольствием перечислял в уме улики, которые выдадут Тилбери: отпечатки пальцев по всему дому, описание внешности, которое дадут жители Лэнсинга, его постоянные поездки по выходным в последние два месяца, да и попытка унести из дома все вещи, которые могли бы установить его личность. Поскольку не нашли даже бумажника, то, вероятно, Тилбери был там вчера вечером, но находился в состоянии такой паники, что имел глупость бежать. Возможно, он вернулся в Лондон и сегодня утром, как обычно, появился на работе.

Конечно, сегодня Сидней чувствует себя не совсем в сво-

ей тарелке, но все же он на свободе и не под подозрением. Сидней взглянул на часы: десять минут пятого. Примерно через час Тилбери выйдет из конторы и отправится домой на Слоан-стрит, если полиция еще не напала на его след... Но почему она должна напасть на его след так быстро? И он даже представил себе, что полиция и вовсе никогда не выйдет на него, если Василий, Карпи и Инес будут молчать.

Садясь в поезд, Сидней уже ненавидел Тилбери. Он не знал, что именно произошло в Лэнсинге, но был точно уверен – Тилбери наворотил там дел. И Сидней неожиданно обрадовался, что едет сейчас в Лондон. Возможно, он немного и опоздает в Скотланд-Ярд.

Всю дорогу до Лондона он строил и перестраивал свои планы, идеи клубились в его голове, подобно облакам, быстро рассеивались и вновь собирались вместе. Строить планы – весьма приятное занятие, тем более когда в туманных видениях, как молнии, вспыхивают разные неожиданные идеи.

Окончательный план остался все же разработан не до мелочей, так, наверное, и бывает со всеми планами, но Сидней сказал себе, что нужно будет немного смелости, и все сойдет хорошо. Он был уверен на девяносто процентов, что все получится так, как он задумал, иными словами, он без помех довершит все при условии, что будет действовать незамедлительно. Если что-то помешает ему прежде, чем Сидней приступит к делу, он просто-напросто убежит. Возможность того, что ему помешают в момент исполнения, была не

слишком хорошо продумана, и ее можно будет квалифицировать как неудачу.

В пять часов двадцать минут Сидней прибыл в Лондон и у Ливерпульского вокзала пересел на кенсингтонский автобус. Выйдя в Найтсбридже, зашел в аптеку и купил флакончик с успокаивающими таблетками «Дормор». Возможно, это был очень легкий транквилизатор, но это было лучшее из того, что он мог найти без рецепта, а дома у Тилбери он надеялся отыскать и что-нибудь по сильнее. В аптеке оказалось много народу, и Сидней решил, что его никто не запомнит. Все это время он настраивал себя на то, что ему придется все-таки вскрывать Тилбери вены, если у того не окажется более сильного транквилизатора, и Сидней не был уверен, что он вообще способен на такую операцию.

До шести оставалось немного, когда Сидней добрался до Слоан-стрит и нашел дом. Это было небольшое четырехэтажное здание, подъезд которого торжественно обрамляли две изящные колонны. Под звонками были прибиты таблички с именами жильцов и среди них красовалось: «Э.С.Тилбери». Сидней отошел, чтобы посмотреть, не видно ли с улицы носителя этого имени в каком-нибудь окне. Потом вернулся и нажал кнопку звонка.

Ответа не последовало, но Сидней подождал немного и позвонил опять, на этот раз дав два долгих звонка.

Замок щелкнул, и Сидней попал в навощенный вестибюль с ковром на полу, множеством украшений на Стенах и лест-

ницей в глубине. Возможно, в этот самый момент в квартире Тилбери были полицейские, но Сидней решил, что в этом случае он просто скажет, что зашел поговорить с хозяином в связи со слухами, которые до него дошли. Пилюли он надежно спрятал в карман куртки.

Тилбери свесился через перила где-то на третьем этаже.

– Кто там?

– Это я, Сидней, – любезно отвечал Сидней.

– Добрый вечер, Эдвард, – сказал он, поднявшись выше. В этот момент из двери на втором этаже вышла какая-то женщина с собакой на поводке, посмотрела на Сиднея и стала спускаться. Неудача, подумал Сидней.

Тилбери выпрямился и отступил назад. Дверь его квартиры была открыта. Вид его был удивленный и напуганный; бросалось в глаза, что он или пьян или совсем не в себе. Куртка на нем была расстегнута, равно как и воротник рубашки, галстук развязан.

– У вас есть несколько минут? – спросил Сидней.

– Да... да. Боже мой, да. На самом деле я хотел с вами встретиться.

Немного помявшись на пороге, он вошел в дверь своей квартиры. Сидней двинулся следом в гостиную, в которой царил идеальный порядок. Она была со вкусом обставлена старинной мебелью, на стенах висели восточные ковры, а на столах и столиках стояли красивые лампы и лежали книги. Рядом с камином, отделанным черным и серым мрамором,

были сложены поленья, но так аккуратно, что казались не настоящими. На низком столике, по соседству с пепельницей, в которой было не менее дюжины окурков, стоял наполовину полный бокал.

– Вам, конечно, уже известно про Алисию? – спросил Тилбери глухим безнадежным голосом.

– Да, – ответил Сидней.

– Не хотите ли сесть? – предложил Тилбери, указывая на диван, обтянутый зеленым атласом.

– Нет.

Тилбери виновато посмотрел на него, потянулся было к бокалу, но остановился и развел руками.

– Я... извините меня за мою... (Он подтянул галстук и поправил воротничок на своей довольно упитанной шее.) Я ушел сегодня из конторы в три часа... Я больше не мог... Уверяю вас, я немного выпил.

– Это не имеет ровно никакого значения, – заверил Сидней, стоя примерно в полутора метрах от Тилбери.

Тилбери взял свой стакан.

– Извините, вы не хотите чего-нибудь выпить?

– Нет, – слегка улыбнулся Сидней. – Но вы пейте. Тилбери опустил глаза.

– Я должен просить у вас прощения... то есть, я хотел все объяснить вам. Это чуть не убило меня... вчера вечером... то, что произошло... Дело в том... (Он поднял глаза и посмотрел на Сиднея.) Я побежал за Алисией. Она была в

ужасном состоянии, и я пытался убедить ее вернуться к родителям. Я уже много раз говорил ей это. Вчера, до моего приезда, она выпила, слишком много выпила и была очень сильно возбуждена. Алисия сказала мне, что что-то произошло, но отказалась уточнить, что именно. И вдруг убежала из дома. Она побежала вдоль моря, один раз мне удалось ее догнать, и я схватил ее за руку, но она вырвалась и снова убежала. На какой-то момент я потерял ее из виду в темноте... Она бросилась со скалы прежде, чем я успел помешать ей.

И он вяло махнул рукой.

Сидней не знал, верить ли ему. Но если Тилбери держал ее за руку, то зачем дал ей снова убежать? Или он хотел, чтобы она убежала? Или сам столкнул ее, а теперь сидит тут и плетет всю эту небылицу?

– Не знаю, что они теперь подумают обо мне... – пробормотал Тилбери, снова распустил галстук и выпил.

По всей видимости, в этом деле Тилбери интересовала только его контора, что там о нем подумают.

– Итак, вчера вечером вы сбежали, – сказал Сидней.

– Боже мой...

– Я вас понимаю, вы хотели уничтожить все свои следы в доме.

– Я... я был в таком шоке... Я просто сам не знал, что делаю. Тилбери умоляюще глядел на Сиднея.

– Полиция не допрашивала вас?

– Нет... я надеюсь, они не узнают... Я ужасно расстроен

всем этим, ведь я любил Алисию. И никогда не хотел ей зла, даже напротив, пытался убедить ее, что мы попали с ней в жуткое положение. Она сама это говорила, хотя и отказывалась возвращаться к родителям. Но в смерти ее я абсолютно не виновен. И если б я мог, я бы спас ее. Теперь же, теперь, если я буду замешан во всем этом, моя карьера погибла... Но за что?

Он снова умоляюще поглядел на Сиднея.

– Я вовсе не думаю, что вы будете замешаны в этом деле. Тилбери смотрел на Сиднея в замешательстве. От усталости у него под глазами обозначились мешки, предвестники тех, которые появятся уже в старости, если только ему суждено будет дожить до нее... Тилбери был очень бледен, и лоб его блестел от проступившего пота. Он встал и снова наполнил свой стакан, подойдя к бару в углу комнаты.

– Кто-нибудь в курсе того, что было у вас с Алисией?

– Я не знаю, – сказал Тилбери, через плечо бросая взгляд на Сиднея. – Возможно, кто-то и подозревал правду, но я не уверен, что они подтвердят это в полиции.

– Вам нужно выпить успокаивающего, Эдвард. Положите одну-две таблетки в стакан.

– Что? (Тилбери обернулся.)

– Снотворного. У вас есть дома снотворное?

– Есть... но мне теперь этого не нужно. Я выпью таблетку на ночь. Хотя вчера мне это не помогло.

– Попробуйте выпить таблетку сейчас. Я настаиваю, – ска-

зал Сидней, приближаясь к Эдварду.

Тилбери плохо соображал, но немного попятился от Сидней.

– Где таблетки? В ванной комнате? Принесите, – попросил настойчиво Сидней.

– Сейчас. (Тилбери медленно направился к двери.) Но мне сейчас не нужно пить снотворное.

– Нужно, – сказал Сидней и пошел за ним.

В ванной комнате Тилбери открыл аптечный шкафчик, постоял немного в нерешительности и сказал: «У меня такое чувство, что я выпил последнюю таблетку вчера вечером». Он закрыл шкаф.

Тогда Сидней сам открыл дверцу и увидел среди множества бутылочек три или четыре флакона с пилюлями. В одном нашлись пилюли желтого цвета, и вид у них был многообещающий, и стояли они ближе всех.

– А это разве не снотворное? – спросил он, беря флакон.

– Нет, – ответил Тилбери таким тоном, что Сиднею стало ясно: он угадал правильно.

Сидней пристально посмотрел на адвоката.

– Ну да, это они, – испуганно пролепетал тот.

Сидней вытряхнул на свою ладонь одну пилюлю, протянул ему и сказал:

– Вам надо выпить.

– О нет, – Тилбери затряс головой. Сидней схватил его за лацканы куртки:

– Пейте или я вас заставлю.

Тилбери дрожащей рукой взял пилюлю и положил ее в рот. Запил виски.

– Выпейте вторую. Две помогут лучше, чем одна.

Тилбери пытался отказаться, но Сидней поднес свою руку к его лицу и кончиками пальцев дотронулся до его подбородка. Тилбери взял пилюлю и проглотил.

– Ну вот и хорошо. (Сидней улыбнулся.) Сейчас вы почувствуете себя лучше. Это поможет быстрее, чем виски.

Захватив с собой таблетки, он вышел из ванной комнаты. Вскоре вернулся в гостиную и Тилбери.

– Садитесь, – сказал ему Сидней.

Видя, что Тилбери посмотрел на телефон, Сидней встал и пересел между телефоном и хозяином. Тилбери вскочил и бросился к двери.

Сидней поймал его прежде, чем тот успел открыть дверь, схватил и с силой, удивившей его самого, встряхнул.

– Вот видите, какой вы нервный. Выпейте-ка сразу две таблетки.

Встав спиной к двери, Сидней высыпал еще две пилюли в ладонь. Тилбери злобно посмотрел на него.

– Ну, без глупостей, пейте, – сказал Сидней.

Тогда Тилбери пожал плечами и с деланным равнодушием проговорил:

– Вы только отравите меня ими, и меня вытошнит. (Он взял пилюли из руки Сиднея.)

– Сядьте на диван, – приказал Сидней.

Медленно, точно обдумывая каждый шаг, Тилбери пересек комнату, взял свой стакан со столика, еще раз взглянул на Сиднея и выпил таблетки. Потом уселся на диван с покорным и даже веселым видом.

Пока Сидней считал пилюли – их оказалось около тридцати – Тилбери выбрал момент, вскочил и бросился к телефону. Сидней схватил и, вывернув ему руку, вернул трубку на место.

– 999 вам ничего не даст, – сказал Сидней, отшвыривая Тилбери обратно к дивану.

Теперь у него уже появилось желание сделать из Тилбери отбивную, но он понимал, что не мог себе этого позволить. Он отметил также, что оставил отпечатки пальцев на трубке, но он и сам вскоре собирался звонить по телефону.

– Садитесь.

Тилбери с беспокойным видом сел на диван. Сидней отошел к бару и вернулся с хрустальной вазой, в которой лежало соленое печенье.

– Съешьте что-нибудь, – сказал он. (Он боялся, как бы Тилбери не стало плохо.)

Тилбери взял сразу целую горсть печенья, будто надеясь, что это ему поможет.

Сидней присел рядом и наблюдал, как тот ест печенье. Вид у Эдварда становился все более и более обеспокоенный.

– Я не знаю, чего вы добиваетесь, – попытался улыбнуться

он.

– Успокойтесь... Вы же знаете, что вам необходимы пилюли, ведь с Алисией было трудно, видит бог, – успокаивающим голосом говорил Сидней, высыпая себе на ладонь еще несколько штук.

– Ну давайте, выпейте и эти...

Он протянул Тилбери еще одну, встал и принес из бара бутылку сельтерской. Налил адвокату в стакан и дал запить. Тилбери проглотил и эти пилюли.

– Теперь мне будет плохо, – тихо проговорил он. Зазвонил телефон.

Сидней не шевельнулся, а Тилбери, кажется, не слышал, и телефон вскоре замолк. Теперь только с большим трудом Тилбери держался прямо, глаза его закрывались. Сидней достал из флакона еще несколько таблеток и снова протянул адвокату. Тот покачал головой, и тогда Сидней схватил его за горло, не сильно, но в чувствительном месте. Когда он отпустил Тилбери, тот раскрыл рот, чтобы вдохнуть воздуха.

– Не стоит кричать. Если кто-нибудь войдет сюда, я скажу, что вы выпили это, потому что столкнули Алисию со скалы. Понимаете? Конечно, понимаете.

– Я больше не стану пить, – сказал Тилбери и ударил Сиднея по руке, так что таблетки разлетелись по полу. Тилбери с усилием поднялся.

Сидней снова схватил его за горло и несильно ударил рукой в нос, так, чтобы не пошла кровь.

– Так, значит, вы не сталкивали Алисию? Ну, говорите.

– Нет, – отвечал Тилбери так испуганно, что было невозможно определить, лжет он или нет.

– Никто не поможет вам, Тилбери, и будьте уверены, вы выпьете все эти пилюли, – сказал Сидней, по-прежнему сжимая его горло левой рукой, достаточно сильно, чтобы не отпустить его, но и стараясь не оставить следов на коже. – Пейте, пейте, это самое простое и единственно приличное решение в вашем положении. Любовники решили покончить с собой оба... Или вы хотите, чтобы я сказал, как вы сами признались мне, что столкнули Алисию? Я заявлю, что пришел в четверть седьмого и обнаружил вас в жутком состоянии, принявшим сильную дозу снотворного, и вы сознались, что хотите покончить с собой, после того как сами убили Алисию.

Теперь Сиднею придавали сил два обстоятельства: во-первых, он был уверен, что Тилбери действительно столкнул Алисию со скалы, а во-вторых, он подумал, что ему не придется уже резать Тилбери вены, поскольку пилюли оказывали на того сильное воздействие. И Сидней посадил адвоката снова на диван.

Тилбери дернулся и затих, руки его бессильно повисли. Вдруг он поднял на Сиднея глаза, полные ужаса.

– Я больше не буду их пить, – прошептал он и извиваясь сполз на пол.

Сидней поднял его, словно тот весил не больше младенца,

прислонил к подлокотнику дивана, вытряс в ладонь оставшиеся пилюли, затолкал их в его рот и протянул стакан со смесью виски и сельтерской. Сделал он это все так быстро, что Тилбери, кажется, не успел сообразить, что произошло. Как бы то ни было, а пилюли были у него уже во рту, и он пил из своего стакана. Сидней крепко держал адвоката за плечо, сидя рядом.

Тилбери больше не сопротивлялся. Глаза его начали стекленеть. Сидней подождал несколько минут; потом скормил ему последние несколько таблеток, которые тот выпил покорно, так как от сонливости не понимал уже, что делает. Он только икнул, проглотив их, но, к счастью, его не стошнило.

– Ну вот и хорошо, – ласково сказал Сидней.

Голова Тилбери медленно клонилась к плечу Сиднея, и наконец он рухнул на диван. Глаза его почти совершенно закрылись, а рот еще был приоткрыт немного, и губы чуть шевелились, будто силясь сказать что-то, но не могли. Когда Тилбери замер окончательно и глаза его закрылись полностью, Сидней поднял с пола рассыпанные Тилбери таблетки и бросил их в недопитый стакан адвоката.

Ему не удалось заставить того сделать больше двух глотков, остальное пролилось на подбородок. Сидней поднял ноги Тилбери и уложил на диван. Затем вынул из его нагрудного кармана аккуратно сложенный носовой платок и вытер свои отпечатки на стакане, держа тот за самый край. Потом приложил вялую руку Эдварда к стакану, прижав большой

и два других пальца к стеклу. То же самое проделал и с бутылкой сельтерской. Пройдя в ванную комнату, Сидней стер отпечатки с дверцы шкафчика, и наконец, сняв телефонную трубку, набрал номер Скотланд-Ярда.

Он попросил позвать инспектора Хилла.

– Мне очень жаль, инспектор, но я опоздал, – сказал он усталым голосом. – У меня было столько визитов сегодня. Вы понимаете, я думаю. Но я уже в Лондоне и скоро буду у вас.

Похоже, инспектор ничуть не рассердился.

Сидней обтер аккуратно телефон и попытался поставить его рядом с Тилбери, но не хватило шнура. Тогда ему пришлось перенести Эдварда и, положив на пол рядом с телефоном, всунуть ему в руку трубку. Обмотав руку носовым платком, он набрал номер конторы Эдварда, и оставил трубку снятой. Наконец бросил скомканный платок на столик рядом со стаканом и направился к выходу. Чтобы выйти, Сидней должен был прикоснуться руками к дверным ручкам, но он знал, что как раз там отпечатки пальцев всегда остаются нечеткими, и будет только хуже, если попытаться тереть их.

Выйдя из дома Тилбери, Сидней не забыл выбросить пузырек от «Дормора» в мусорный бак, но сделал это уже в другом квартале.

XXIX

Из предосторожности Сидней прошел пешком от Слоан-стрит до Гайдпарка и только там поймал такси до Скотланд-Ярда. Сидя в машине, он вдруг осознал, что не очень хорошо продумал это убийство. Ведь оно еще не совершилось, а совершается, и Тилбери еще не мертв и может остаться в живых, если в течение часа его обнаружат и сделают промывание желудка. «Что это, отсрочка?» – подумал Сидней и понял, что его поступок был просто грубой мстостью, почти бессознательно направленной против жестокости и коварства Эдварда Тилбери, который отрекся от Алисии в момент, когда она погибала.

Такси остановилось у здания полиции, и Сидней рассчитался с шофером. Часовой впустил его, проводил до другого поста, уже внутри здания, и оттуда другой полицейский довел его уже до кабинета инспектора Хилла на втором этаже.

В кабинете инспектора находились еще двое людей в штатском. Увидев Сиднея, они все повернулись к нему.

– О, мистер Бартлеби, добрый вечер. Садитесь, прошу вас. (В этот момент зазвонил телефон на столе инспектора.) Хилл у аппарата... Что?.. Прекрасно. Найдите его и привезите сюда.

Он положил трубку, пригладил волосы и сказал, обращаясь к Сиднею:

– Я искренне соболезнаю, мистер Бартлеби. Ваша жена была опознана сегодня, и сомнений в том, что это она, – нет.

– Я знаю. Я знал это, – ответил Сидней.

– Знали?

– Да, когда увидел фотографию в газете. Со скалой.

– Позвольте задать чисто протокольный вопрос, мистер Бартлеби: где вы находились в среду вечером? – спросил инспектор.

– Дома. Я был дома весь вечер и всю ночь.

– В случае необходимости вы сможете доказать это? Сидней подумал и ответил:

– Нет.

– Хотя, возможно, вас и не спросят об этом. Мы напали на след человека, с которым была ваша жена. Эрик Лиманз. У нас есть его подробное описание. Вам что-нибудь говорит имя Эдвард Тилбери?

– Да.

– Что именно?

Сидней посмотрел на людей в штатском, которые с интересом прислушивались к разговору:

– Еще с прошлой пятницы я знал, что моя жена находится с ним, но хотел дать ей возможность вернуться по собственной воле. Поэтому ничего и не сообщил полиции.

– А... как вы это узнали?

– Я видел их в Брайтоне. Я не знал имени этого человека, но потом узнал.

– Могу я спросить, каким образом?

Сидней догадывался, что полиция узнала о Тилбери от Инес и Карпи.

– Я спросил двух моих знакомых в Лондоне. Инес Хаггард и Карпи Данн.

– Гм, мы только что говорили с ними. И давно они были в курсе событий? – нахмурился инспектор Хилл.

– Нет. Лишь после того, как я сам все узнал. Понимаете... я описал им внешность человека, которого видел в Брайтоне. И если они ничего не сказали полиции, это моя вина, я сам их просил. Хотя и не сознался им, что видел Алисию с Тилбери, только вспомнил, что во время одной вечеринки в их доме этот Тилбери старательно приударял за моей женой. Я не знал его имени, но запомнил внешность.

– Ясно. Тилбери сейчас привезут сюда.

Сидней не мог решить, говорить ли инспектору о том, что он написал письмо и телеграмму Алисии. Алисия могла уничтожить их, да и сам Тилбери их не упоминал. Телеграмму можно отыскать – на телеграфах некоторое время хранят копии. Хотя, кто знает, вдруг полиции взбредет в голову, что никакого Тилбери в тот вечер в Брайтоне не было, а телеграмму расценят как хитроумную уловку: Сидней отправил ее в среду утром, тут же вскочил в поезд и вечером был в Лэнсинге. В приступе ревности он столкнул Алисию со скалы, бежал и вернулся домой. Но нет, подумал Сидней, так будет уж слишком невероятно. Даже в его историях не может

произойти ничего подобного.

– Вы уже говорили с родителями моей жены? – спросил он, прерывая молчание.

– Да, мы связались с ними еще днем. Кстати, миссис Снизам помогла нам в опознании, мы спросили у нее, имела ли ваша жена родимое пятно на внутренней стороне руки.

Сидней помнил это пятно земляничного цвета, о котором Алисия говорила всегда, что оно напоминает крохотную карту Франции. И вновь подумал о том, как, должно быть, обезображена Алисия...

– Где она сейчас?

– После вскрытия тело будет перевезено в Кент, – ответил Хилл, снимая трубку вновь зазвонившего телефона. – Что? Ну так выбейте дверь! И позвоните мне сразу. (Он положил трубку.) У Тилбери отключен телефон, но горит свет, а дверь никто не открывает. Интересно.

Сидней промолчал.

– А где в Брайтоне вы встретили свою жену?

– Я ждал на вокзале, надеясь увидеть Тилбери, – ответил Сидней, – или человека похожего на него.

Он рассказал, что следил за Тилбери, пока тот не встретился с Алисией, и увидел, что та выкрасила волосы в рыжий цвет. Потом искал ее во всех местах на запад от Брайтона и наконец нашел в Ангмеринге с помощью почтового служащего.

– Я решил тогда, что вопрос теперь только во времени, и

что она непременно вернется сама. Или, по крайней мере, сообщит о себе. Я не хотел пугать ее, сообщив все полиции.

– Мы тоже не бездействовали. Мы наткнулись на ее след в Ангмеринге, – вставил один из мужчин в штатском.

– Да-да, сегодня утром, – заметил инспектор Хилл с саркастической усмешкой и снял трубку зазвонившего телефона. – Мне очень жаль, Майкл, но я не могу сейчас говорить с тобой, я жду звонка и не хочу занимать телефон.

Не успел он положить трубку, как телефон зазвонил снова.

– Что?.. Да, хорошо, Отлично. Пока.

Нажав на рычаг, Хилл тут же набрал на телефонном диске одну цифру:

– Это инспектор Хилл. Мне срочно нужна машина. – Положив трубку, он сказал: – Тилбери проглотил целый пузырек снотворного у себя дома. Сейчас прибудет врач. Нужно ехать туда.

Все встали, взяли шляпы, плащи и спустились во двор, где их ждала уже черная машина.

В вестибюле дома Тилбери стало многолюдно, а на площадке перед дверью было и вовсе не протолкнуться. В толпе перед закрытой дверью Сидней увидел женщину, которую встретил здесь на лестнице пару часов назад, но та, кажется, не обратила на него особого внимания. Хилл постучал в дверь, и им открыли.

Тилбери по-прежнему лежал на диване, изо рта у него тор-

чала резиновая трубка, другой конец которой был опущен в эмалированную кастрюлю. На лице адвоката не было ни кровинки, глаза закрыты.

Ничего не получается, – сказал врач, обращаясь к Хиллу.
– Вы думаете, доза была смертельной?

– Я не могу этого сказать, – ответил доктор, поднимая с дивана пластмассовый флакон, в котором виднелась еще одна таблетка на дне. – Эта штука очень сильная. (Он поставил флакон на столик). Но тут я больше ничего не смогу сделать. (Доктор вынул трубку из горла Тилбери.) Остается лишь отправить его в госпиталь. (Он подошел к телефону.)

Хилл взглянул на часы и поморщился.

– Придется ждать несколько часов, пока Тилбери будет в состоянии говорить что-либо. Мистер Бартлеби, вы можете остаться на ночь в Лондоне? Вы нам понадобится, если Тилбери все же придет в себя. А если хотите, можете вернуться домой и приехать завтра утром.

– Нет, я останусь в Лондоне, – сказал Сидней.

– Вы сможете позвонить нам завтра от девяти до десяти утра?

– Хорошо.

Сидней попрощался с полицейскими и вышел.

Женщины, которая видела его на лестнице, уже не было, но оба мужчины в штатском еще стояли у двери.

– Ну как он? Жив? – спросил один.

Они уже слышали, что Тилбери проглотил пилюли.

– Да, жив, – ответил Сидней, и его слова тут же стали известны всем собравшимся в вестибюле.

Сидней вошел в первую же телефонную будку по дороге и позвонил Инес и Карпи. Он вспомнил о них не потому, что не хотел оставаться один – просто хотел видеть именно их.

– Сидней, милый, – закричала Инес, как всегда, нараспев, – вы в Лондоне?

Она сообщила ему, что они одни дома и с радостью повидаются с ним.

Инес слукавила, сказав, что они одни, потому что когда Сидней подъехал к их дому на такси и выбрался из машины на стоянке, за углом, он увидел, как в этот момент из подъезда, опустив голову, выходит Алекс Полк-Фарадейс. Алекс явно видел Сиднея, когда тот проезжал мимо подъезда, но не захотел столкнуться с ним лицом к лицу.

– Сидней, милый, заходите! – Воскликнула Инес, показавшись в дверях.

Молодые женщины встретили его поцелуями и словами соболезнования по поводу смерти Алисии. Они налили ему виски, которое Карпи только что купила для него в лавке внизу. Затем начались расспросы: – Видел ли он Тилбери? Что делает теперь полиция?

– Я видел его только что, – отвечал Сидней. – Он принял очень большую дозу снотворного, и сейчас его увезли в госпиталь.

– Как? – спросила Карпи.

– Я готова биться об заклад, что это он столкнул ее, этот мерзавец! – сказала Инес. – Вы согласны, Сидней?

– Я не знаю, – ответил он.

– Вы говорите доза, которую он принял, смертельная? – спросила Карпи.

– Этого я тем более не знаю.

– Никто ничего не знает, кроме того, что он унес с виллы все свои вещи, – возмущенно говорила Инес. – Тилбери избавился и от сумочки Алисии. Ее никто не нашел. Его вина бесспорна, и ничего удивительного, что он попытался покончить с собой.

Сидней чувствовал озноб, и даже виски не могло согреть его. Карпи вновь наполнила ему бокал почти до краев.

– Могу я переночевать здесь у вас на диване? – спросил он.

– Завтра утром мне снова нужно быть в полиции.

– Какие разговоры, Сид, конечно! Вы ели? (Карпи поднялась.) Мы еще нет, потому что только что проводили одного гостя...

– Это ваш старый приятель Алекс, – не выдержала Инес. – Я так и знала, что он сбежит, как только узнает о вашем приезде. Нам даже не пришлось его об этом просить.

Сидней слабо улыбнулся. То, что Алекс мог болтать о нем, его не интересовало. Шесть готовых частей из их сериала, вероятнее всего, будут показаны, но на том дело и закончится. Сидней вдруг подумал, что мог бы продолжить сериал и

один или, во всяком случае, попытаться это сделать.

– Ему пришлось немного сменить свой тон, – усмехнулась Инес. – Он больше не утверждает, что вы убийца, а только что вы сумасшедший.

– Можно подумать, он сам не сумасшедший! – прокричала Карпи с кухни, которую от гостиной отделяла тонкая перегородка.

– Боже мой, Сид, как мы можем шутить сейчас! – проговорила Инес. – На самом-то деле, это бедняжка Алисия была, должно быть, не совсем нормальной. Скрываться столько времени...

– Мы не стали говорить Алексу, что вы уже неделю как все знаете про Тилбери, – перекрывая шум воды, прокричала Карпи. – Это обозлило бы его еще больше.

Ее тон был почти веселым.

– Я только что сообщил об этом полиции, – признался Сидней.

– Мы тоже сделали это сегодня, – в свою очередь призналась Инес. – Вы не сердитесь на нас, Сид?.. Алисия ведь...

– Нет, не сержусь. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. На этой неделе, кстати, я продал своих «Стратегов» Поттеру и Дашу.

Он сообщил эту новость довольно мрачным тоном.

Его поздравили и снова наполнили его стакан.

Ужин удался Карпи, но Сидней не был расположен есть, и молодые женщины заставили его скорее лечь в постель. Са-

ми они еще долго обсуждали что-то, их голоса доносились до Сиднея, пока он засыпал.

Проснулся он без четверти восемь от детских голосов, доносившихся из кухни. И тут же вспомнил про Тилбери, и внутри его все похолодело: вдруг тот остался жив и в эту самую минуту дает показания. Полиция, конечно, не знает, где искать его. За завтраком он смог выпить лишь кофе и стакан апельсинового сока.

– Что теперь хочет от вас полиция? – спросила Карпи.

– Вероятно, устроить мне свидание с Тилбери. Инес вздрогнула и чуть не уронила тарелку.

– Но он, может быть, уже... умер! Вы знаете, в какой госпиталь его увезли?

– Нет.

Даже если б он и знал, то не отважился бы позвонить туда. А вдруг Тилбери уже все рассказал? Что в таком случае может грозить ему за то, что он заставил адвоката принять слишком большую дозу снотворного? Конечно, это можно будет квалифицировать как покушение на убийство. А может быть, Тилбери выживет и будет настолько неожиданно и невероятно великодушен, что ничего не скажет о визите к нему Сиднея Бартлеби? Может, таким образом, Эдвард попытается откупиться от него. Сможет ли тогда Сидней изобразить Тилбери таким благородным в одной из своих историй? Не без того, конечно, чтобы этот персонаж уже проявил, пусть не столь явно, величие своей души в других об-

стоятельствах, в отличие от настоящего Тилбери. Около часа Сидней приводил себя в порядок, отпивая при этом виски, которое Карпи налила, чтобы приободрить его. Инес увела детей на прогулку. Сиднею не хватило смелости включить радио и послушать новости, а женщинам, кажется, эта мысль попросту не пришла в голову.

В девять часов Сидней позвонил в Скотланд-Ярд. Инспектора Хилла еще не было на месте, но его помощник на вопрос Сиднея сообщил, что Эдвард Тилбери скончался в четыре часа утра.

– Сердце не выдержало, – добавил он проникновенным тоном, думая, что говорит с родственником покойного, – в таких случаях все зависит от сердца. Инспектор Хилл должен прийти с минуты на минуту.

– Какие новости? – спросила Карпи с кухни.

– Тилбери умер ночью.

Она подошла с тряпкой в руке.

– О, Господи! Он и в самом деле принял смертельную дозу. Не правда ли, очень похоже, что это он ее столкнул?

– Не знаю, – ответил Сидней. – Не думаю, что это имеет такое уж большое значение. В любом случае Тилбери очень мучился в том положении, в которое угодил.

– Да, это верно. Около шести утра я говорила с Василием. Он еще не знал ничего о Тилбери...

Едва ли Сидней слышал ее, он думал о том, что теперь надо позвонить Снизамам.

– Карпи, я могу позвонить в Кент? Я заплачу за разговор.

– Ну конечно, Сид. Вы будете звонить родителям Алисии?

Сидней кивнул и направился к телефону. Он уже забыл номер и потому сперва позвонил в справочное.

Карпи поднялась к себе, чтобы оставить его одного. В Кенте ответил кто-то из прислуги, и Сидней попросил позвать миссис Снизам.

– Одну минутку, пожалуйста, я узнаю, сможет ли она подойти к телефону.

Сидней подождал минуты две и наконец услышал в трубке:

– Алло?

– Алло, миссис Снизам, это Сидней. Я хотел сказать вам, что очень опечален тем, что случилось с Алисией. Я...

– О, Сидней... голос ее дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. – Мы все в горе... Я не имела ни малейшего представления о том, что происходит. И никто из нас не знал. Даже вы, не так ли?

– Нет, – сказал Сидней, – и мне очень жаль, что все так закончилось.

Несмотря на всю его прошлую неприязнь к этой даме, ему действительно сейчас было очень жаль миссис Снизам, и та черта характера ее, которую Сидней больше всего не любил в ней – ее чопорность, показалась теперь ему более человеческой, чем все остальное в других людях, с которыми ему приходилось общаться в последние дни.

– Эдвард Тилбери умер. Я узнал об этом несколько минут назад. Он принял слишком большую дозу снотворного.

– О, Боже мой! Это какая-то ужасная комедия, словно все происходит в театре, а не в жизни... Мне все кажется, что это случилось не с Алисией... Что это не может быть правдой. Вы понимаете?

– Да.

И убийство Тилбери могло быть неправдой, потому что Тилбери мог сам покончить с собой, если б остался без работы, а он, без сомнения, потерял бы ее.

– Сидней, позвольте сказать мне вам, что вы были исключительно терпеливы с нашей несчастной дочерью. Она слишком далеко зашла в своих фантазиях, она попала на край пропасти и уже не сумела удержаться... Я понимаю, что вам будет трудно, но все же, Сидней, может быть, вы какнибудь приедете к нам? Обязательно напишите нам, Сидней.

– Конечно, миссис Снизам, я напишу вам, – обещал Сидней, признательный собеседнице за то, что она помогла ему завершить разговор. – Передайте мои соболезнования вашему мужу.

– О, Господи, похороны... Церемония состоится завтра в одиннадцать часов, Сидней. В нашей маленькой церкви.

– Спасибо, миссис Снизам, я буду завтра.

– Приезжайте, мы будем ждать вас, – дрожащим голосом закончила миссис Снизам.

Сидней положил трубку и вытер пот со лба. Вынув две монетки по полкроны, он положил их рядом с телефоном. Спустилась Карпи.

– Я еду в Скотланд-Ярд, – сказал Сидней. – Большое спасибо за все, Карпи.

– Вы зайдете еще, чтобы повидать Инес? Во всяком случае позвоните, хорошо?

– Хорошо, – пообещал Сидней.

Он еще не знал, что приготовил для него инспектор Хилл, и если бы не полицейский, Сидней предпочел бы немедленно вернуться домой – обдумать в тиши, что ему делать с его домом да и со всей своей жизнью вообще. Он поцеловал Карпи в щеку и сказал:

– Спасибо, вы лучшие в мире друзья.

– О, Сид, мы так любим вас. Знаете, вы непременно попадете в список знаменитостей. «Стратеги» обязательно станут бестселлером.

Инспектор Хилл встретил Сиднея в коридоре перед своим кабинетом. Он любезно улыбался.

– Прошу извинить меня за опоздание, но я заезжал еще За одним человеком, за одной дамой, которая, кажется, видела вас вчера вечером на лестнице дома Тилбери... около шести часов.

Инспектор, видимо, ждал реакции со стороны Сиднея.

Сидней же придал лицу своему самое приветливое выражение и переспросил: «Что, простите?», из чего непонятно

было, признает он или отрицает этот факт. Во всяком случае, лицо его не выражало ни малейшего беспокойства.

В кабинете инспектора Хилла он увидел полную женщину лет сорока, ту самую, которую встретил вчера на лестнице с собакой.

– Это мистер Бартлеби, – представил его инспектор. – Миссис Хармон.

– Доброе утро, как поживаете? – спросил Сидней.

– А вы? – ответила она вопросом и добавила: – Именно его я и видела.

– Мистер Тилбери сам открыл вам дверь, – все так же любезно говорил инспектор. – В это время он был дома, да?

– Да, именно так.

– Поэтому вы вчера немного опоздали?

– Да.

– Я думаю, миссис Хармон, это все, – сказал инспектор. – Большое спасибо, что вы пришли. Если хотите, наш шофер отвезет вас домой.

Миссис Хармон встала.

– Нет, благодарю, инспектор, мне здесь недалеко, и я поеду на автобусе.

Она еще раз взглянула на Сиднея, сделала прощальный жест рукой и покинула кабинет, инспектор Хилл при этом галантно проводил ее до двери.

– Зачем вы пошли к Тилбери? – спросил инспектор, вернувшись.

– Я хотел услышать от него, что же на самом деле произошло с Алисией.

– Садитесь, мистер Бартлеби. Сидней сел. Инспектор тоже сел за свой стол.

– И что же вам сказал мистер Тилбери?

«А если Тилбери жив?» – подумал Сидней. А что если человек, который говорил с ним утром, получил приказ отвечать, что Тилбери умер (полиция может извиниться потом за ошибку), имея задание проверить, как будет вести себя Сидней.

– Он сказал, что Алисия была в почти невменяемом состоянии в среду вечером. Что она выскочила из дома, а он пытался ее догнать. Она побежала в сторону моря, а он не успел помешать ей броситься вниз со скалы.

– И вы поверили ему?

– Да, я ему поверил, – сказал Сидней, поколебавшись какое-то мгновение.

Инспектор Хилл внимательно посмотрел на него.

– Вы что, ждали, что Тилбери признается в том, что столкнул вашу жену?

– Нет. Я лишь хотел услышать правду. Я думал, что Тилбери знает ее, раз он был там.

– Сколько времени вы пробыли в доме Тилбери?

– Минут десять или четверть часа, не знаю.

– Вы звонили мне от него?

– Да, – сказал Сидней. Он сознавался неохотно, но если

бы он звонил из автомата, телефонистка из Скотланд-Ярда услышала бы, как он нажал кнопку и как упал жетон, и могла бы об этом вспомнить. В конце концов, он уже сказал, дело сделано...

– В каком настроении был мистер Тилбери? Он удивился, увидев вас?

Возможно, миссис Хармон ему об этом сказала.

– Да. Я думаю даже, он сперва испугался, – ответил Сидней.

– Тилбери к тому же уже довольно много выпил. Рассказав мне все, он добавил, что боится потерять работу, если вся правда всплывет, а он, конечно, не знал, что она всплывет.

Сидней подумал, что не испытывает ни малейшего чувства вины, – может, оттого во время рассказа у него не было виноватого вида. Во всяком случае, гораздо меньше, чем тогда, когда он говорил с кем-либо в первые дни после исчезновения Алисии. Видимо, Сидней уже хорошо поднаторел в этом деле.

Инспектор покусывал свои губы с видом человека, очень хорошо понимающего, что ему больше ничего не прояснить в этом деле.

– Он не говорил вам, что выпил снотворное? Что хочет покончить с собой?

– Нет.

– Вы угрожали ему? Говорили, что все расскажете в его конторе или что-то в этом роде?

– Да нет, я и так знал, что все станет известно и без моего вмешательства.

– Ясно... А почему вы не упомянули вчера, что были у Тилбери?

– О... я наверняка упомянул бы об этом, но подумал, что Тилбери вчера привезут сюда. Я хотел сравнить его слова мне с тем, что он поведает вам, если бы... вы позволили мне сделать это или, может быть, сами рассказали.

– Вы думали, нам он скажет что-то другое?

– Возможно, что и нет. Нет. Тилбери отрицал то, что столкнул Алисию. Видимо, он никогда бы не сознался в этом.

Сидней говорил совершенно спокойным тоном.

– Гм. (Инспектор открыл стол и достал оттуда коричневую тетрадку Сиднея.) Наверное, вы хотите, чтобы я вернул вам это?

Сидней встал, чтобы забрать тетрадку.

– Да, спасибо, инспектор.

В тот момент, когда он принимал из рук инспектора тетрадку, он подумал, что обязательно опишет в ней убийство Тилбери., сразу, по свежим следам, а тетрадка будет самым надежным местом, где это можно сделать.

– Очень странная тетрадь, мистер Бартлеби. Боюсь, сегодня мне уже нечего сказать вам.

Мистер Хилл встал, обошел стол и задумчиво посмотрел на Сиднея.

Обвинитель, который ничего не может доказать, подумал Сидней. Инспектор, конечно же, подозревал, что он мог заставить Тилбери выпить пилюли. Сидней почти физически ощущал мысли инспектора. Словно тяжелая рука правосудия опустилась на его плечо... Только на деле руки правосудия на его плече не было, а вот инспектор протянул ему свою, и он пожал ее. Поведение инспектора было дружелюбным, видимо, потому что и позиция, им занятая, была таковой. Все здесь зависело от позиции.